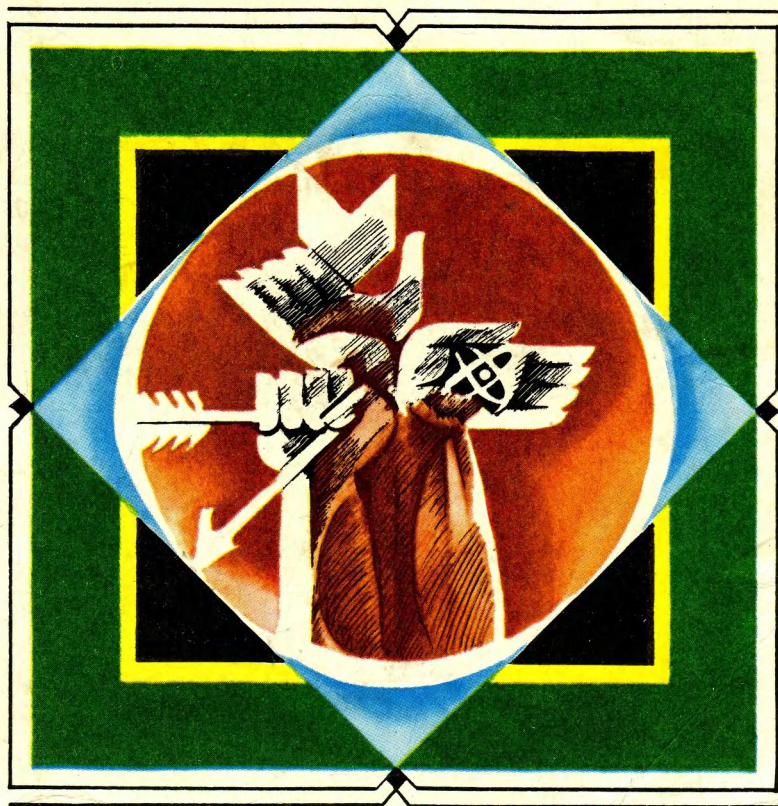

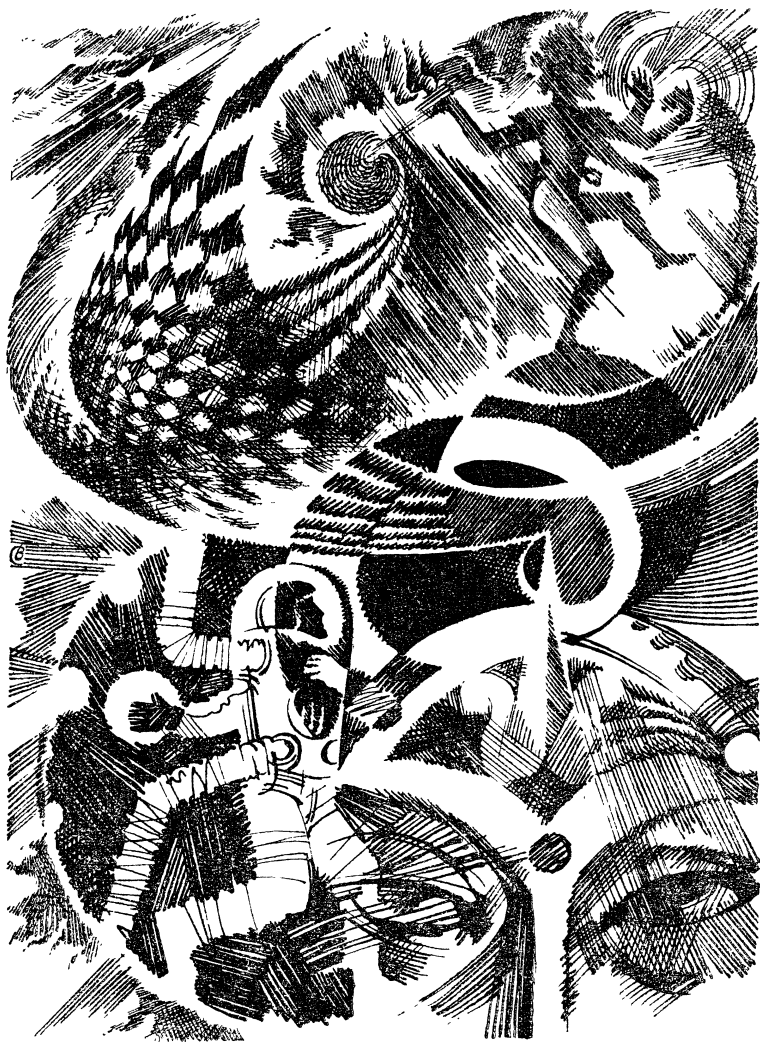
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

СПАРТАК АХМЕТОВ
АЛМАЗ „ШАХ“

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

СПАРТАК АХМЕТОВ

АЛМАЗ
„ШАХ“

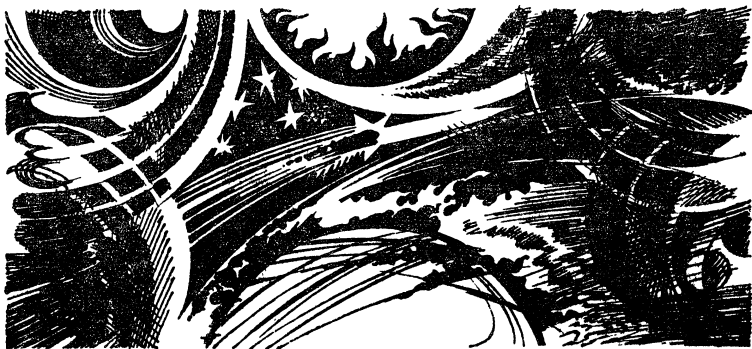
МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1982

84P7
A95

A $\frac{4700000000-090}{078(02)-82}087-82$

© Издательство «Молодая гвардия», 1982 г.

КРИСТАЛЛ ВООБРАЖЕНИЯ

Вместо предисловия

Возможна ли «машина времени», которая перенесет тебя и в будущее и в прошлое?

Возможно ли достичь скорости, превышающей скорость света и улететь к другим галактикам, а потом вернуться домой, застав ожидающих тебя родных, а не далеких потомков?

Можно ли многократно возвращаться к критической развилке дорог в твоей жизни и выбирать не ту, по которой прошел?

Можно ли брать ходы обратно в великой шахматной игре Жизни?

Ученые однозначно ответят на эти вопросы: «Нет, нет и нет!» Нельзя нарушить закон причинности, не может следствие быть раньше причины, не может сын появиться в мире раньше, чем родилась его мать. И не может материальное тело двигаться в пространстве со скоростью, превышающей скорость света!

Но неужели человек! Он готов преодолеть все запреты и пределы. Но что ему для этого потребуется? Какое-то немыслимое кибернетическое устройство? Сверхмощные космические корабли, использующие вакуумную энергию и взаимодействующие с материальной

субстанцией вакуума? Что же изобрести, чтобы обойти законы Природы?

Надо быть неумным, но нельзя быть неумным! Не обойти законов Природы. Их можно лишь познавать, а не менять.

Но вот представить себе существующим самое непостижимое в силах Человека. Тем он и отличается от всей остальной природы, что только он один в животном мире обладает *воображением*, в состоянии увидеть *то, чего нет*, преодолеть непреодолимое, повернуть все вспять, исправить неисправимые ошибки. Все это способно сделать *воображение*.

Но воображение людское подобно океану с бездонными глубинами, с неведомыми течениями, даже со штормовыми волнами, цунами, способными смести все со своего пути.

Воображение породило и древний эпос народов, и сонм олимпийских богов, красочные мифы Древней Греции, и мрачные догмы средневековья, жуткий мир сверхъестественных сил, от которых не в состоянии избавиться и даже современное культурное человечество. Всякая чертовщина, лешие и домовые, феи и ведьмы, эльфы и привидения — все это порождение фантазии, плод воображения.

Но вместе с этим беспредельна сила человека, обладающего воображением. Оно лежит в основе всякого творчества, позволяет увидеть выполненным задуманное, рождает замыслы. Оно позволяет и перенестись в иное время, поставить себя рядом с фараонами, Ермаком Тимофеевичем, Петром Первым или слушать речь, страстным призывом прозвучавшую с броневика у Финляндского вокзала, а потом штурмовать в осенний октябрьский день Зимний. Воображение подобно подлинной «машине времени», оно может переносить не только во времена, которые прошли и о которых мы что-то знаем, оно способно перенести, а потом вернуть тебя из самых отдаленных мест Галактики, поможет увидеть чужие миры и свет иных звезд, покажет непохожую жизнь непохожих на нас существ или, напротив, во всем сходных с нами, но осуществивших все наши чаяния справедливой и счастливой жизни. Более того — воображение единственное, что может помочь нам заглянуть в грядущее, представить себе наших потомков, которые унаследуют от нас планету и ее культуру не для того, чтобы все это уничтожить, а чтобы утвердить Торжество Разума, о котором мы мечтали, строя

гармоничное общество своей мечты, которую защищали и будем защищать с оружием в руках.

В арсенал нашего оружия входит и литература. И есть в ней такая ударная сила (дальнобойная или даже ракетная артиллерия!), как фантастика. Этот вид литературы пользуется, к удивлению некоторых аналитиков, непостижимой любовью читателей. Но чем больше любима и читаема фантастика, тем большие требования надо к ней предъявлять.

Вовсе не все маршруты по океану воображения ведут к светлым целям, к цветущим островам мечты. Читая все фантастическое подряд, попадешь в мир фантазмагорий, безответственной выдумки, большого воображения, перешагивающего через сказку с присущими ей чаяниями народов и тягой к победе добра над злом. И фантастика, рожденная «сверхвыдумкой», заимствуя от сказочности лишь одну ее внешнюю сторону, прикрывает собой, в особенности на Западе, самые мрачные картины безысходности, не видя для человечества *будущего*, подменяя его апокалипсическими, щекочущими нервы картинами.

Конечно, предупреждать о последствиях бездумной политики некоторых западных руководителей надо, но нельзя безответственным вымыслом прикрывать *отрицание* реальных и светлых путей в грядущее, в *желанное грядущее*. Нельзя вымысел превращать в самоцель, отрывая его от действительности, пользуясь беспредельными возможностями воображения.

Фантастика, в особенности *научная фантастика*, ограничивает фантаста требованием правдоподобия нарисованного, верностью подмеченных тенденций развития науки и техники, короче говоря, *жизненность фантастики определяется ее реальностью!*

Казалось бы, «фантастика» и «реальность» — слова друг друга исключающие. Однако на самом деле это не так.

Реальность определяет *достоверность*. И классики научной фантастики стремились сделать фантастическую выдумку правдоподобной, окружая ее знакомыми, зримыми деталями, в которые поверит читатель, приняв вместе с тем и вымысел писателя.

Вспоминаются строки Буало:

«Невероятное растрогать не способно!

Пусть правда выглядит правдоподобно».

Действительно, погоня за невероятным вовсе не ведет к читательскому сердцу. Чтобы овладеть им, надо читателя растрогать, заставить переживать за судьбы героев, поверить в них.

И если выдумка писателя, воплощенная в понятные образы героев, пусть рожденная воображением писателя, не отражающая то, чего так жаждут добиться люди на Земле, будь то новые достижения техники, справедливые отношения между людьми или путешествия к другим звездам на иные планеты, то она, эта выдумка, становится зеркалом действительности. И зеркалом не простым, можно сказать, «волшебным», увеличивающим отражение, приближающим, переносящим тебя в иную действительность, но неразрывно связанную с действительностью реальной.

Я предположил эти мысли первой книге молодого писателя Спартака Ахметова потому, что в рассказах и повестях он показывает себя фантастом, отталкивающимся именно от реальности. Будучи сам ученым, он приобщает читателя к мечтам ученого, который в повседневной своей деятельности воплощает мечтания былых фантастов — создает искусственно драгоценные камни, выращивает бесценные кристаллы. Его повести и рассказы тоже подобны выращенным автором кристаллам. И их автор стремится, как и в лаборатории, чтобы они не отличались от природных, то есть были бы жизненными, не оторванными от действительности, как бы ни казались невероятными описанные автором события.

Да, читатель найдет здесь и «взятые у Жизни назад ходы» в бескомпромиссной игре на полигоне, определяющем пригодность людей для выполнения необыкновенных задач, к которым они готовятся.

Читатель найдет и поражающие своей красотой гигантские алмазы, сможет проследить их историю, переходя из одного времени в другое, заражаясь увлеченностью автора, любовью к его героям.

Александр Казанцев

СОИСКАТЕЛИ

Памяти бабушки Гайни-Джамал,
которая знала много сказок.

1

Воины рассыпались по саду, с разных сторон подкрадываясь к лазурному дворцу. Темно-красную дверь, обитую золотыми гвоздями, первым увидел узкоглазый Абэ. Он растянул губы и закричал павлином. Неслышно возникли товарищи, словно сгустились из дрожащего марева. Абэ приоткрыл дверь. Загорелые воины скользнули в черный проем.

Длинный коридор постепенно наливался золотым светом и вдруг распахнулся в округлый зал, окаймленный ребристыми колоннами. Сквозь стеклянную крышу били солнечные лучи, упираясь в груды динаров. Зал заполняло золотое сияние, в воздухе дрожали золотые пылинки, по колоннам стекали золотые сполохи. Там и сям стояли, лежали, валялись кувшины, истекающие монетами. Из волн золотого моря вдруг косо выплывал распахнутый сундук, наполненный кроваво-красными гранатами, лалами и яхонтами.

— Аллах!..

— Золото Искандара...

— Да обратится оно в прах, — прошипел атаман. — Нам нужен перстень с голубым гранатом. Только перстень!

Воины торопливо бросились к сундукам. Лишь чернокожий Чака посматривал по сторонам. Его мучила мысль, что стражники прознали о нападении. Они не торчали на стенах, пугая ворон. Они поступили дальновиднее: затаились у самой цели и готовы обрушиться на врага, расслабленного созерцанием сокровищ...

Худшие опасения Чаки подтвердились. Из-за колонн бесшумно и грозно выступили голые по пояс стражники с отведенными для броска копьями.

— А-а-а! — закричал Чака, ныряя под копье.

Воины бросились врассыпную, один остался лежать ничком. Меж его лопаток подрагивало тонкое древко.

Чернокожие копье метатели отшагнули. Из-за их спин появились новые стражники, держа перед собой кривые сабли. Не дожидаясь атаки, Абэ змеей проскользнул вперед. Дважды взлетел сияющий клинок, два стражника рухнули на золотую россыпь. Абэ схватился с третьим. В образовавшуюся брешь врубилась остальные.

Зал наполнился лязгом стали, выкриками, запахом пота. С голубых клинков сыпались искры. В лучах солнца еще веселее заплясали золотые пылинки.

Стражников было слишком много.

— К выходу! — крикнул Стас, нанося и отражая удары.

— Перстень! — задышался Изабелла. — Без него... нельзя!..

— К черту! — Ли хрипло дышал, его теснили трое. — Нам не выстоять...

Абэ и здоровенный Боб бились молча, оскалив в улыбке зубы. В руках гибкого Кумара сверкали сразу две сабли. Чака затерялся среди чернокожих стражников.

— Внимание! — воскликнул Стас, отпрыгивая назад и наклоняясь над полупустым кувшином с динарами.

И тут стражники выбили клинок из руки Ли. Товарища заслонил Абэ, рядом вырос Боб.

— Держи! — Кумар бросил Ли одну из сабель. Атаман уже вознес над головой тяжелый кувшин.

— А-а-ах!

Кувшин прогудел и взорвался, точно ядро. Картечь золотых монет полоснула по стражникам. Разъяренный Ли бросился в просвет, рубя направо и налево. Перед глазами мелькнула черная спина. Ли бешено полоснул. Оборачиваясь к нему, упал Чака.

— Ты... что?..

— Ой! — Ли застыл. — Я нечаянно...

Ближайший стражник поразил его в живот. Ли переломился пополам, ткнулся головой в мертвое тело Чаки. Перепрыгивая через них, разя и отбрасывая стражников, остальные пробились к темному коридору.

Их остановили звонкие хлопки и возглас:

— Довольно!

Из-за ребристой колонны в сопровождении сотрудника Центра вышел худощавый человек в тренировочном костюме. Он оглядел бурно дышащих воинов, скользнул взглядом по чернокожим андроботам, игравшим роль стражников. Сердито сказал сотруднику Центра:

— Пыльно в зале. Очень пыльно. Соискатели работают в антисанитарных условиях. И для андроботов вредно. Сколько говорить?

Опустив саблю, Стас уважительно смотрел на устада Галима Камалова, которого все звали Устад-Галимом. Лысую голову ученого покрывала круглая шапочка, вышитая жемчугом. Кажется, она называлась тубетейкой. На желтоватое лицо словно накинута тонкая сетка морщин. Две складки между косо поставленными бровями придают глазам печальное выражение. Курчавую бородку усеяла седина, в коротко подстриженных усах таится легкая усмешка. Острого языка Устад-Галима боялись все соискатели.

Камалов подошел к сраженному копьем гиганту. Ральф честно изображал труп: разметал по золотым монетам рыжие кудри, за время схватки ни разу не шевельнулся. Устад-Галим отлепил от его спины копье, позвал:

— Ральф, сынок! Проснись, уже поют райские трубы...

Соискатель поднялся, потупив голову.

— Гибель Чаки и Ли я видел, — тихим голосом продолжал Камалов. — Разговор с ними впереди. А вот как угораздило тебя?

Ральф молчал.

— Посмотрите на него, — пригласил Устад-Галим. — Он не знает. Так я скажу: реакция у тебя замедленная, вот что. А без нее в нашем деле никак... Конечно, у тебя прекрасная шевелюра. Как все восточные владыки, я люблю красные яхонты и рыжих воинов. Но при плохой реакции локоны не спасут!

Лицо Ральфа то серело, то краснело. А Камалов опять обрабатывал сотрудника Центра, который уныло смотрел в сторону.

— Что это за набедренные повязки? Где вы раздобыли материал такого интимно-розового цвета? Повязки должны быть красные, а не цвета бедер стыдливой пери!

Соискатели засмеялись.

— А ты чему радуешься, сынок? — спросил устад атамана. — Попал в ловушку, потерял троих. Задание не выполнил... Добудь перстень Искандара, потом веселись!

Стас поднял руку. На безымянном пальце электрической искрой блеснул голубой гранат. Все соискатели, и павшие и живые, радостно завопили.

— Смотри-ка! — удивился Камалов. — Успели...

— Как насчет слова падишаха? — спросил Боб.

— Какого слова?

— Падишах сказал и обещал: «Группа, которая добудет перстень Искандара, пойдет в прошлое первой».

Устад на минуту задумался.

— Этот полигон вы прошли... — Сдвинул на затылок тюбетейку и провозгласил: — Падишах держит слово!

Вводную программу соискатели получили за декаду до запуска. В холле Стас быстро просмотрел ее и усмехнулся. Насколько Устад-Галим иронично и четко изла-

гал свои мысли вслух, настолько же расплывчато он выразил их на бумаге. Видимо, информация о заданной точке прошлого скудна и Камалову пришлось напрячь воображение, придумывая детали. В результате получилось нечто вроде сказки из «Тысячи и одной ночи».

На плечо Стаса легла крепкая ладонь Боба.

— Атаман, мы собрались на природу. Ты с нами?

Стас отрицательно мотнул головой.

— Брось грустить, — весело уговаривал Боб. — Кто его знает, вернемся ли из прошлого. Напоследок хоть с мячом побалуемся.

— Идите. — Стас махнул рукой. — Я полистаю вводную.

— Мне тоже играть не хочется, — сказал Ли.

— И я остаюсь, — решил Изабелла.

Боб иронически поаплодировал:

— Надо уходить, пока вирус прилежания не поразил всех.

Громогласная ватага соискателей покатилась по лестничным маршам. Стас через две ступеньки зашагал к себе.

Жилище атамана похоже на комнаты других соискателей. Вот только на стене выложен узор из чешуи венерианского плечерога да в черной шкатулке переливается разноцветными огоньками марсианская галька. На Марсе и Венере Стас не был. Радужную чешую, прозрачные камешки привезла Алена. Она любила все лучезарное. И сама была веселая и яркая. Мужа называла Добрыней. «Почему?» — радостно спрашивал Стас, взвешивая на ладонях тяжелые волосы. «Ты большой и добрый, — смеялась Алена. — И верный. А если отпустишь бороду, то будешь вылитый Добрыня Никитич с картины Васнецова».

Стас посмотрел на стереоизображение Алены у кристаллотеки, сел. Взял из шкатулки холодный камешек и, поглаживая им узкую переносицу, принялся читать вводную.

«В стародавние времена, когда ужасные дивы и прекрасные пери являлись людям, принося горе или радость, царствовал славный Рабиг ал-Мулюк. Его владения омывало море, пересекали реки и сухие русла; сады граничили с пустынями, а дворцы — с глинобитными хижинами. В числе подданных были визирь и воины, звездочеты и купцы, простолюдины и нищие».

Стас прищурился на голубой камешек, отполированный марсианскими ветрами, постарался представить славного Рабиг ал-Мулюка. Жил, наверное, в древности этакий аравийский царек. Грабил подданных, много ел и мало мылся. Владел двумя-тремя оазисами, угонял у соседей скот, искренне верил в существование дивов и пери. Конечно, мнил себя избранником аллаха...

«Рабиг ал-Мулюк старался быть праведным владыкой: карал злодеев (видимо, сажал на кол, мысленно прокомментировал Стас), возвеличивал храбрых и усердных (не сажал на кол). Не его вина, если подлинная справедливость не воцарилась в стране (еще бы!). Это дело многих жизней многих поколений (Устад-Галим пытается подвести диалектическую базу).

Царь был бездетным. Приближалась старость, за ней — смерть, но некому было передать трон. Подолгу бродил Рабиг ал-Мулюк в саду, удрученный тягостной думой. «Кто продолжит мои дела и мысли? Кто умножит добро и сократит зло на земле?» — думал царь и не находил ответа».

Голубой камень выскользнул из пальцев и покатился по столешнице. Знакомая боль кольнула Стаса: у них с Аленой тоже не было детей. «Успеем, — смеялась жена. — Сто лет впереди! Да и когда рожать? Ты копаешься в жерлах вулканов, я ползаю по планетам...» И он верил, что впереди сто лет. Сто лет!

Судьба отпустила им четыре года...

Во время третьей меркурианской экспедиции солнечный протуберанец сжег корабль Алены. Тоскуя по жене,

Стас бросил вулканологию и пришел в Центр. Устад-Галим принял его без вопросов...

Зазвонил стереофон. На экране возникло лицо Изабеллы.

— Атаман, нет ли у тебя... — начал он и осекся.

— Что? — спросил Стас, беря себя в руки.

— Нет ли «Тысячи и одной ночи»? Посмотреть кое-что...

Стас пробежал пальцами по кристаллотеке, вытащил оранжево-желтый прозрачный кубик с записью арабских сказок:

— Держи.

Кристалл скользнул в ячейку стереофона, экран на секунду померк, и вот уже Изабелла держит камень в руках.

«Хорошо, что позвонил, — подумал Стас, — а то бы меня скрутило. Нельзя распускаться...» Он посидел, глядя на Алену. Снова взялся за вводную.

«Однажды владыка гулял в саду. Чей-то голос окликнул его.

— Кто посмел? — строго спросил повелитель, оборачиваясь. Перед ним стоял седобородый старец в белых одеяниях.

— Я — Хызр...

Падших почтительно наклонил голову:

— Добрую или злую весть принес, о небесный глашатай?

— Вот чудодейственное яблоко, — негромко молвил Хызр. — Раздели его с женой, и у вас родится сын.

Царь побледнел и обеими руками принял краснобокий плод.

— Нет меры для благодарности, — прошептал он. — Клянусь, я воспитаю достойного преемника!

— Да будет так. — Хызр кивнул и растаял».

Стас скользил взглядом по словам, не улавливая смысла. Спихватился на середине, перечитал. Кто такой Хызр?.. А, это что-то вроде архангела Гавриила из хри-

стианской мифологии. Добрый вестник... Значит, у царя родится сын.

«И когда родился Сайф ал-Мулук, ликовала вся страна.

У колыбели наследника собрались звездочеты и дервиши. Мудрецы лицезрели младенца, изучали расположение родинок, многозначительно вздыхали и переглядывались.

— Царевич будет силен в науках, — сказал один.

— Он станет бесстрашным воителем, — добавил другой.

— Он озарит страну справедливостью, — высказал третий.

— Однако любовь поразит его сердце... — начал четвертый.

— ...и явится источником испытаний... — продолжил пятый

— ...но все завершится благополучно, — кончил шестой.

— Счастлив его отец! — решили все».

Звездочеты и дервиши Стасу не понравились. Добиваясь художественности, Устад-Галим явно перегнул палку...

Итак, если отбросить восточную цветистость, информация о Сайф ал-Мулукке выглядит следующим образом: во-первых, он станет ученым (надо думать, не ранга Ибн-Сины), во-вторых, воином (что ближе к истине), наконец, он приобретет жизненный опыт и превратится в крепкого царька. Дальнейшие предсказания перебрасывали царевича из VIII века в авантюрную сказку. Интересно, каким образом любовь может поразить содержателя гарема? Зачем ему испытывать судьбу вдали от родных баранов и барханов? Мудрит Устад-Галим... А впрочем, он прав. Кто-то из великих сказал, что любовь возникает внезапно, как из-под земли выскакивает убийца. Любовь не алгоритмируется. Она способна перевернуть и более сложную натуру, нежели этот юноша

дикарь. И тогда Стасу, который подменит Сайф ал-Мулюка в прошлом, предстоят большие испытания. Придется работать во все лопатки, чтобы предсказания кудесника сбылись и царевич благополучно вернулся домой.

Да, надо выполнить задание Устад-Галима и вернуться. Только тогда жизнь без Алены приобретает смысл. И Стас продолжал выжимать информацию из вводной программы. Поворачивал слова так и эдак, искал в них затаенный смысл. Он не имел права подарить случаю даже один шанс, не имел права погибнуть в прошлом. Он должен вернуться.

«Время показало, что звездочеты и дервиши не ошиблись. С малых лет царевич радовал воспитателей остротой ума и любознательностью. Он рано научился читать и писать, скакать на коне и владеть оружием. Любил слушать рассказы о злобных дивах и прекрасных пери, о войнах и странствиях, о несчастной птице рухх, детенышей которой пожирает огромная змея аждаха. Царевич был так силен, что наклонял пальмы, позволяя мальчикам лакомиться финиками. Доброта и щедрость наследника тешили владыку.

Однажды царь призвал Сайф ал-Мулюка...»

3

Через декаду соискатели собрались у Камалова. Вообще-то можно было сразу идти на пусковую площадку, потому что ничего нового устад сообщить не мог. Но так уж повелось, что очередная стартовая команда обсаживала овальный стол и созерцала тюбетейку на большой голове Устад-Галима. И что интересно — предпусковая молчанка приносила пользу. Медики убедились в этом, проведя специальные исследования.

Черные и белые жемчужины, нашитые на зеленой тюбетейке, сияли как росинки в траве. «Сорт экстра, — хвастался устад. — Тысячу лет назад за тюбетейку да-

вали трех боевых слонов. И сорок невольниц в придачу». Возможно, и так, но с тех пор драгоценные камни обесценились. Каждый мог занять хоть корону шахиншаха. Этого не делали, потому что диадемы, фуражки, береты и косынки вышли из моды. Лучшим головным убором считались собственные волосы. К тибетейке же Устад-Галима относились как к безобидной причуде.

Камалов сидел в глубоком кресле. Пощипывал курчавую бородку, с удовольствием разглядывал соискателей.

Чака согнулся и спрятал ладони между стиснутыми коленями. Мелкие кольца волос покрывали голову, словно вязаная шапочка. Чака слегка покачивался и смотрел в сторону. «Красив, — подумал Камалов. — Эбеновое дерево, инкрустированное опалами... Не слишком ли ты волнуешься, сынок?»

Устад перевел взгляд. Уж кто был самоуверен и никогда не волновался, так это Боб. Он раскинулся в кресле, положив ногу на ногу, и что-то нашептывал круглолицему соседу. Абэ щурил узкие глаза, показывал в улыбке жемчужины зубов. Он мал ростом, невероятно силен и смешлив. Боб и Абэ постоянно вместе, живут в одной комнате. И даже женаты на сестрах-двойняшках.

На веселящихся соискателей неодобрительно косится дисциплинированный Изабелла. Его черные волосы аккуратно причесаны, стартовый костюм застегнут на все кнопки. Он одернул бы товарищей, но не решается привлечь внимание Камалова. В устада он влюблен, непрекаемо верит каждому слову.

Рыжий Ральф похож на чемпиона Олимпийских игр по метанию молота. Природа щедро одарила его: античный профиль, широченные плечи и грудь, литые бицепсы, длинные, как у волка, ноги. К сожалению, чемпионские атрибуты большей частью бездействуют, ибо соискатель любит поспать. Он и сейчас дремлет.

По правую руку от устада сидит быстроглазый Кумар. Он гибок, смугл, предусмотрителен. Тщательно разрабатывает план действий и неукоснительно его выполняет. Сел рядом, потому что знает привычку устада заговаривать с ближайшим.

А вот Ли никому не нравится. Какой-то он замороженный, скуку наводит. Ни с кем не дружит, ничем не интересуется. Непонятно, зачем вообще пришел в Центр. Боясь обнаружить антипатию, Камалов прощал ему мелкие промахи, за которые беспощадно драил Стаса.

Из общей массы соискателей Стас не особенно выделялся. Кумар, например, лучше фехтует обеими руками, Ральф физически мощнее, Боб славится остроумием, Ли — хладнокровием. Верткого и веселого Абэ любит детвора, Чака может дальше проплыть под водой, Изабелла служит образцом собранности. И все-таки Стас — бессменный атаман на полигонах. Почему? Причина проста. Если каждый из парней чемпион в отдельном виде спорта, то Стас многоборец. Если соискатели — узкие специалисты, то Стас — энциклопедист. По складу характера он чужак, который, не задумываясь, пойдет туда — не знаю куда, чтобы принести то — не знаю что. «На кого он похож? — думал Камалов. — Пожалуй, на добродушного и верного Добрыню Никитича... Во всяком случае, Стас задание выполнит. Кто еще?..»

Камалов обвел глазами соискателей. Парни зашевелились, даже Ральф проснулся. Они похожи как горошины из одного стручка. Одинаковые стартовые костюмы, изумрудно-зеленые, одинаковое выражение готовности в глазах. Они отлично учились, рвутся к работе. И все-таки вернется только один. Предыдущая группа погибла...

- Кто не уверен в себе? — спросил устад Кумара.
- Я готов! — немедленно отозвался тот.
- И я! — пробасил Боб.
- Все готовы, — доложил Стас.

— Что ж... — Камалов решительно встал. — На старт!

Он пересек кабинет, распахнул дверь и почти побегал по длинной галерее. Следом шел Изабелла, затем неразлучные Абэ и Боб. Невысокий Кумар семенил между Стасом и Ральфом.

— Что вы чувствуете в момент переноса? — беспокойно спрашивал он, пользуясь отдаленностью Устада Галима.

Ральф недоуменно пожал плечами.

— Немного мутит, — доверительно сказал Стас.

— А на меня перенос действует как сильная килевая качка, — вздохнул Кумар.

— Пей перед стартом экол! — обернулся белозубый Абэ.

— Или вообрази, — подхватил Боб, — что ты с центрифуги хочешь попасть комару в глаз. Это отвлекает!

Соискатели, кроме Ли и Чаки, засмеялись.

Дверцы скоростного лифта были уже открыты. Просторная кабина вместила всех. На нижнем ярусе их встретил знакомый сотрудник Центра, все такой же унылый.

Камалов миновал вход на пусковую площадку.

— Вы не с нами? — забеспокоился Чака.

Устад хлопнул его по спине:

— Я буду у мониторов.

На площадке мерцали капсулы, похожие на серебряные веретена. Соискатели заняли привычные места, надели на головы пси-датчики, обмотали их шелковыми чалмами. Пошевелили руками и ногами, принимая удобную позу. Сотрудник Центра меланхолично обошел капсулы, проверяя, все ли сделано по инструкции. Остановился над Стасом, который поглаживал левое предплечье.

— Болит, что ли?

— Порядок. — Стас вытянул руки.

— Ну, смотри. — Сотрудник кивнул и ушел.

Раздался отчетливый стук метронома.

— Внимание! — Голос устада прозвучал в сознании каждого соискателя. — В исходном положении повторяю вводную. Затем действуете самостоятельно. Время!

Надвинулась металлическая штора, Стаса окутала темнота. На мгновение дикое чувство оторванности от мира охватило его. «Спокойно! — приказал Стас. — Соберись...» Тьма обволакивала и теснила. «Алена! — позвал он. — Алена!» И успокоился. Мысленно представил, как серебристое веретено поднимается над площадкой. Раздвинулись лепестки приемных диафрагм, капсула вошла в люнет пси-генераторов. Диафрагмы закрылись. Сейчас устад скажет...

— Доброй дороги! — прошелестел знакомый голос.

Стас мгновенно расслабил и напряг мышцы...

Ну!

Перед глазами развернулся огненно-пестрый веер. Он мерцал и переливался. Стас летел сквозь сполохи северного сияния, возносясь выше и выше. Ослепительная вспышка ударила по глазам, под ногами открылась густо-фиолетовая бездна. Стас ухнул вниз, чувствуя, что его выворачивает наизнанку. Вдруг все кончилось...

Стас открыл глаза. Он сидел на узорчатом ковре. Стены комнаты расписаны причудливым орнаментом, в стрельчатое окно бьет солнце. Стас поднялся и подошел к бронзовому зеркалу. В отполированном металле отразился царевич, облаченный в тонкий халат. Голова обмотана пестрой чалмой с огненным рубином. Другой рубин украшает рукоятку кинжала, заткнутого за пояс. Адаптация пошла быстрее. Тугая чалма уже не давит голову, узкие туфли с загнутыми носами не спадают с ног. Стас все больше ощущал себя сыном падишаха.

За дверью послышалось осторожное покашливание. Царевич обернулся и крикнул:

— Войди!

Однажды царь призвал Сайф ал-Мулюка и молвил: — Пришло время приобщиться к делам. Вот ключи. Осмотри сокровищницы, познай меру обладаемого. Но помни: в дверь, запертую этим ключом, входить нельзя!

Царевич почтительно поклонился.

Много дней ходил по дворцу юноша, отпирая многочисленные замки. С любопытством пересыпал в ладонях золотые монеты, радовался игре разноцветных искорок в алмазах, катал по коврам сияющие жемчужины. Рассекал шелковые нити клинками дамасских сабель, испытывая их остроту. И вот осталась только одна дверь, в которую он не входил.

«Какое опасное сокровище хранится здесь?» — мигом подумал царевич. Ему в голову не пришло открывать замок. Он был послушным сыном, он всегда выполнял волю отца.

Весело напевая, Сайф ал-Мулюк отправился к падишаху. Обилие драгоценностей радовало, наполняло уверенностью. В голове складывались планы переустройства страны, рождались торговые замыслы. Он облегчит труд подданных, пророем каналы, построит медресе и лечебницы. Молодость только началась!

5

Осталась одна дверь, в которую не входил Сайф ал-Мулюк. «От какой опасности предостерегал отец?» — подумал царевич. Долго колебался и решил: «Человек должен знать все!»

Проскрежетал ключ, заскрипела дверь, и он увидел тесное помещение об одном окошке. Комната пуста, если не считать старого сундука. Оставляя следы на пыльном полу, Сайф ал-Мулюк подошел и откинул крышку. Внутри сундука лежала потертая шуба. Юноша вытащил ее, встряхнул, чтобы избавиться от пыли.

На пол упали перстень и скомканная ткань. Юноша подобрал их, приблизился к окну. Перстень был изготовлен из тяжелого металла. Его украшал голубой камень. «Не алмаз, не аквамарин», — подумал царевич. На внутренней кромке выведено: «Искандар». «Неужели перстень принадлежал великому воителю?» — поразился юноша.

Грустный Изабелла сидел рядом с Камаловым. Его вернули из прошлого за то, что он не посмел послушаться падишаха и не вошел в заветную дверь. Теперь он ревниво следил за остальными соискателями и первым заметил красный сигнал.

— Устад, — позвал Изабелла, — нарушение...

Камалов повернулся к монитору, на котором в полумраке тайной комнаты вырисовывалась фигура Сайфал-Мулюка. Царевич рассматривал подобранную на полу ткань. Недоуменно вздернул брови, скомкал и бросил в сундук. Надел на палец перстень Искандара...

Устад-Галим озабоченно подвигал тюбетейку. Спросил:

— Ошибки быть не могло?

Сотрудник Центра непонимающе моргал.

— Я спрашиваю о тождественности портрета!

— Пси-копия довольно точная. В пределах допуска, конечно. Есть инвариантные несоответствия в прическе, украшениях...

— Поразительно! Такой нуль-эффект наблюдаю впервые.

— Я тоже. — Сотрудник пожал плечами. — Как быть?

— Возврат. Там ему больше делать нечего.

Царевич развернул выпавшую из шубы ткань, заметил в ней нечто странное. Побледнел. Тяжелый стон сорвался с губ. Юноша зашатался и упал...

После посещения запретной комнаты Сайф ал-Мулук стал неузнаваем. Жизнерадостный юноша превратился в затворника. Целыми днями сидел в покоях, а когда к нему заходили, что-то прятал за пазуху. Он исхудал и пожелтел. Повара сбились с ног, готовя соблазнительные кушанья, но царевич почти не прикасался к еде. Дворцовый лекарь недоумевал. Падишах пригрозил смертью, если он не установит причину болезни. Испуганный старик побежал к царевичу.

— Смилуйся, о повелитель, — запричитал он, — топор навис над моей головой! Объясни, почему ты печален?

Сайф ал-Мулук вздохнул.

— Может быть, любовь иссушает тебя? Только скажи — и любая красавица согласится стать женой царевича!

Сайф ал-Мулук молчал.

— Увы мне! — заплакал лекарь.

Тогда юноша достал из-за пазухи тонкую ткань и развернул ее. Долго лекарь разглядывал вытканый портрет девушки неземной красоты. Даже его старое сердце дрогнуло перед небывалым совершенством. Он побрел к падишаху, упал на колени и прошептал одно слово:

— Любовь...

— Кто же она? — вскричал Рабиг ал-Мулук.

— Пери, — ответил лекарь, подавая портрет.

Владыка задумался... Он корил сына за непослушание. Уговаривал не стремиться к недостижимому. Собрал во дворце красивейших девушек, которые танцевали, играли на сладкозвучных инструментах, пели нежные песни. Царевич был слеп и глух.

— Разве я не люблю сына больше жизни? — вскричал падишах. — Разве я не могу исполнить любые желания?

В короткое время снарядили три быстроходных ко-

рабля. Трюмы набили мясом и фруктами, бочками с водёй и вином, разнообразными товарами. Лучшие мореходы сновали по мачтам. Суровые воины били рукоятками сабель о медные щиты.

Падишах стоял на берегу и смотрел вслед белым парусам.

— Доброй дороги, сынок, — шептал он. — Возвращайся...

День и ночь шли на восток корабли. Разное случилось в дороге: попутные ветры и штиль, извержения огнедышащих гор и штормы, оживленная торговля и схватки с неведомыми племенами. Ночью море светилось голубыми огнями, днем над волнами носились крылатые рыбы и чайки.

Сайф ал-Мулук был весел, не чурался застоля, играл на палубе тяжелым кожаным мячом или подолгу фехтовал.

Однажды к нему подошел седобородый капитан.

— Посмотри, — встревоженно сказал он.

Царевич глянул в указанном направлении и увидел черную тучу, исполосованную вспышками молний. Сказал безмятежно:

— Шторм приближается. Мало ли их было...

— Это не шторм. Это летит смертоносный див.

— Приказывай, капитан, я верю твоей многоопытности.

По слову старого морехода на кораблях спустили паруса. Сайф ал-Мулук вместе с командой укрылся в трюме, который плотно задраили. Наступило тревожное ожидание.

Тяжелые волны били о борта. Бессилие перед стихийной мощью дива охватило юношу. Внезапно раздался страшный грохот, корабль круто накренился. Покатились бочки, давя людей. Руки царевича сорвались, и он упал в темноту. В шуме воды, ворвавшейся в трюм, захлебнулись крики о помощи и проклятья...

Устад-Галим нажал кнопку возврата и быстро огляделся. На остальных мониторах царевич, не слушая предостережений капитана, привязался к мачте. Юноша без страха смотрел на грозную тучу. Бывалые воины учили: не избегай врага, но ищи его. Победа заключена в острие клинка. И царевич обнажил саблю. Увидев, что туча проходит стороной, он облегченно вздохнул. И тут страшный удар обрушился на корабль. Молнии вонзились во вздыбленные волны, все заволокла водяная пыль. Мачта переломилась, как сухой сучок...

Сайф ал-Мулюк очнулся от шипящего прикосновения воды. Поднял голову и увидел себя привязанным к обломку мачты. Рука сжимала бесполезную саблю. Кораблей не было. Спокойное солнце освещало невысокие волны, которые погребли стольких воинов и мореходов. Царевич в отчаянии закрыл глаза. «О див, погубитель живого, — подумал он. — Я не успокоюсь, пока твоя кровь не прольется дождем».

Несколько дней качали волны юношу. Голод и жажда мучили его, соленая вода разъедала кожу. Наконец он заметил скалистую вершину. Ветер был попутный. Царевич сделал из плаща парус и вскоре достиг земли.

Берег поражал обилием деревьев с вкусными плодами, зарослями ягодных кустарников. В лесу летали яркоцветные птицы. Журчали ручьи. За несколько дней Сайф ал-Мулюк оправился от долгого поста. Он обследовал побережье и убедился, что находится на острове. Тогда он принялся собирать выброшенные на берег обломки, пустые бочонки, из которых надеялся соорудить плот. Но прежде надо было узнать, нет ли вблизи более обширной земли.

Облачным утром царевич отправился к вершине, прихватив бочонок воды. Он шел, прорубая дорогу в кустарнике, провожал взглядом птиц, напуганных треском. К полудню достиг подножия скал, изрезанных тре-

щинами. На вершину царевич взобрался легко. И тут перед ним открылась устрашающая картина.

В расщелине сидел голый птенец размером с крупного страуса, такой же голенастый и долгошей. Он жалобно кричал, глядя на подползающую безобразную змею.

Вспомнив рассказ о кровожадной аждахе, юноша уронил бочонок. Быстро опомнился, выхватил саблю. Но было поздно. Аждаха проглотила птенца и надвигалась на него. Обезумев от гнева, царевич обрушил удары на рогатую голову, на длинное бородавчатое тело. Клинок рассекал аждаху, но отрубленные части превращались в маленьких змей. Они набрасывались на царевича, кусали, опутывали руки и ноги. Юноша упал на колени, потом на бок. А змеи все прибывали и прибывали...

7

Никто не видел, как погибал Сайф ал-Мулук. Устад-Галим сидел спиной к монитору, Изабелла сочувственно слушал Чаку. Сотрудник Центра, убаюканный однообразием событий на пси-экранах, бездумно смотрел в сторону. Ему было скучно.

— Я полез в трюм не потому, что испугался дива. — Фиолетовые губы Чаки шевелились едва заметно. — Я не трус.

— Ну, ну, — примирительно сказал Камалов. — Трусом тебя никто не считает. Ведь это ты чуть ли не голым выскочил из шлюза на лунной станции? — Чака кивнул. — Зачем?

— Микрометеорит попал в товарища у самого входа. Не было времени натягивать защитный костюм.

— А говоришь — трус!.. Кстати, как твои уши?

— Вылечили.

— Прекрасно. — Устад удовлетворенно кивнул. — Наша система воспитания исключает трусов. Однако

скажи мне вот что. — Камалов прищурился на Чаку. — На Луне ты понимал, что можешь погибнуть?

— Естественно....

— Колебался хотя бы долю секунды?

— Ну... — Чака подумал. — Сначала в голове мелькнуло: а если погибнем оба? Потом: как же буду жить дальше?

— Вот видишь! А наша профессия требует органической храбрости. — Устад-Галим говорил жестко, глядя Чаке в глаза. — Беззаветности, а не подавления инстинкта самосохранения. В общем, возвращайся на лунную станцию.

— Но я хочу...

— Все хотят быть устадами, но не все становятся ими. У каждого свой талант...

— Я выдержал предыдущие испытания, — жалобно начал Чака. — Черт бы побрал этого дива!

— Не обижай. — Камалов усмехнулся в бородку. — Полигон с царевичем придумал я. Не совсем, конечно, я... И вообще не вижу поводов для трагедии! Не калек же ты, как Ли!

— Ли сразу ушел, — задумчиво сказал Изабелла. — Даже не заглянул в мониториную... Почему вы называли его калекой?

— Потому что многое на этой грешной земле ему безразлично. Многое... Если не все! Потому что он дожидился до тридцати лет, не узнав горестей и радостей любви. Даже жена ему безразлична.

— Как?! — Изабелла поперхнулся от изумления. — Разве такое может быть?

Его взгляд остановился на мониторе Ральфа, над которым полыхал зловещий красный сигнал. В тот же миг Изабелла рванулся вперед и нажал кнопку возврата.

Сотрудник Центра продолжал пребывать в меланхолии.

— Та-а-ак, — зловеще протянул Камалов. — Вы,

кажется, хотели бросить работу в Центре? Сделайте это сегодня.

Сотрудник глядел непонимающе.

— Вы допустили пси-гибель соискателя. Завтра трагедия может произойти не на экране... Прощайте!

Бывший сотрудник Центра неловко потоптался, махнул рукой и быстро вышел. Камалов проводил его недобрым взглядом.

— Калека! — бросил он. — Человек равнодушный, невлюбленный — калека. Сам по себе он безвреден, но в качестве устада может принести непоправимый ущерб.

Чака вздохнул и нерешительно спросил:

— Мне уйти?

Устад-Галим кивнул. перевел взгляд на Изабеллу.

— Хочется посмотреть, как пройдут полигон остальные, — попросил несостоявшийся соискатель. — Можно?

— Да, это тебе пригодится.

— У меня.... есть шансы?

— У тебя прекрасные шансы стать государственным деятелем. Или администратором-экономистом. Но я хочу, чтобы ты работал в Центре. Нужен сотрудник, безжалостно выполняющий инструкции.

У Изабеллы радостно блеснули глаза.

— Прекрасно, — сказал Камалов. — А вот и Ральф...

Соискатель ворвался в мониторную, как мамонт. На бледном лице расплывались кирпичного цвета пятна. Волосы торчали пучками, глаза метали голубые молнии.

— Полигон не корректен, — грохотал он. — Полигон нельзя пройти! Это нечестно...

— Ну-ну, сынок, — сказал Устад-Галим. — Не будь категоричным.

— Я шел как бог! — не стихал Ральф. — В лапшу

искрошил аждаху! Появление змеек — жульнический прием!

— У тебя замедленная реакция, — решительно оборвал Камалов. — Взгляни, как идут остальные.

8

Птенец жалобно кричал, глядя на подползающую змею. Сайф ал-Мулюк метнул бочонок в разверстую пасть, выхватил саблю и, перемахнув через птенца, оказался перед аждахой. Засверкал клинок. Каждый удар рассекал змею, но отсеченные части превращались в маленьких змеек, которые набрасывались на царевича. Они кусали его, обвивали руки и ноги. Сайф ал-Мулюк изнемогал. И тут на помощь пришел птенец. Точными ударами широкого клюва он убивал змеек. Вскоре мерзкие твари были уничтожены.

Царевич сел, устало вытер лоб. Птенец ластился к нему, трепыхал неоперенными крылышками, радостно верещал...

Гроза, которая собиралась весь день, наконец разразилась. Потемнело, загрохотал гром. Косые струи ливня соединили небо и землю. Царевич устроил из плаща навес. Прижавшись к птенцу, он слушал монотонный шум дождя и дремал. Разбудили его громовой клекот и резкий порыв ветра.

Сайф ал-Мулюк вскочил, не понимая, где находится. Перед ним, как продолжение кошмарного сна, сидела громадная птица с длинной голой шеей и устрашающим клювом. Даже отчаянный храбрец дрогнул бы при виде птицы рухх, способной унести в когтях молодого слона. Юноша закрыл лицо руками.

Рухх ласково проговорила:

— Не бойся, о обладатель перстня Искандара!

Царевич мельком глянул на перстень с голубым камнем.

— Раз в десять лет, — продолжала птица рухх, —

я высиживаю птенца, но не могу уберечь. Ты уничтожил аждаху! Скажи любое желание — все получишь в избытке.

— Я не ищу богатства, — покачал головой царевич.

— Чего же ты хочешь?

Сайф ал-Мулук, загораясь надеждой, развернул вытканый портрет. Рухх посмотрела и сокрушенно вздохнула.

— Знай, о обладатель перстня Искандара, что на шелке выткано изображение царевны-пери.

— Отнеси меня к ней! — воскликнул юноша. Тут он вспомнил о клятве уничтожить дива. — Но прежде...

— Много лет девушка томится в колодце злобного дива. Даже отец бессилен освободить ее.

— Тогда отнеси меня к колодцу!

— Знаешь ли ты, что див обитает посреди пустыни? Знаешь ли ты, что дна колодца можно достичь только мертвым?

— Все равно! Жизнью птенца заклинаю: укажи вход в колодец.

— Хорошо, я выполню твоё желание.

Сайф ал-Мулук погладил на прощание птенца, подобрал бочонок с водой и по вытянутому крылу птицы взобрался на высокую спину.

— Держись крепче! — крикнула рухх.

Развернув крылья, она бросилась с обрыва. Ударил встречный ветер. Зеленый остров покосился, отпрянул и, быстро уменьшившись, пропал. Под ними голубело море.

В безоблачном небе сияло солнце, тугой ветер высушил халат и плащ. Каждый взмах могучих крыльев приближал царевича к желанной цели. Вот в дымке обозначился неведомый берег. Вот он приблизился и расширился, опоясанный белой полосой прибоя... Теперь они летели над желто-серыми песками. Воздух стал сухим и знойным. Он, словно наждак, обдирал гортань.

Сайф ал-Мулук все чаще прикладывался к бочонку,

смачивал конец чалмы и обтирался. Но это не помогало. Губы потрескались и запеклись. Перед глазами прыгали огненные кольца. Юноша глубже зарылся в перья птицы и слышал гулкие удары сердца. Стал считать их, чтобы сократить время полета.

Когда счет перевалил третью тысячу, чья-то незримая рука сжала внутренности Сайф ал-Мулюка. Сдерживая тошноту, он выбрался из перьев. Круглый обруч горизонта, до сей поры лежавший ровно, круто наклонился. Сердце юноши ухнуло вниз. Он изо всех сил вцепился в штурвал и потянул на себя. Птерокар, воя и содрогаясь, вышел из пике. Царевич перевел дыхание: еще немного, и он врезался бы в барханы. Его продолжало мутить. В ушах колело, будто туда вбивали клинья. Сайф ал-Мулюк судорожно сглотнул, и боль прошла. Он снова слышал ровный шелест мотора...

9

— Все, — вздохнул Устад-Галим, увидев четыре желтых огня над крайним монитором. — Пора возвращать Кумара.

— Почему? — возразил Изабелла. — По-моему, он идет сносно. Мелкие ошибки...

— Несколько мелких ошибок составляют грубую.

— Я отметил только слабость вестибулярного аппарата. Ну и подмену птицы рухх птерокаром.

— Да, гибкости ему недостает. Он не вписался в игру, нарушил правила. Но не это главное.

— А что?

— Кумар излишне предусмотрителен. Он пытается учесть все факторы, рассчитывает действия на много ходов вперед. В результате возникают мелкие напряжения, которые разрывают ткань пси-поля. Расчет противопоказан нашей профессии. Мы работаем в условиях, которые непредсказуемо изменяются. Проблемы возникают внезапно и требуют немедленного решения...

Мы должны быть гибкими. Должны мгновенно приспособляться к обстоятельствам!

— Полигон слишком сложный, — хмуро обронил Ральф.

— Цветы учения горьки...

— И где вы разыскивали сказку для программы?

— О, это длинная история, — смягчился Камалов. Он посматривал на пси-экраны, где продолжали маршируют Стас, Боб и Абэ. — Сказка не опубликована. Мне рассказал ее дед, который запомнил историю царевича со слов своей бабушки. — Камалов неожиданно рассмеялся. — Получилось как у Ибн-Хазма: «Эти изречения передал нам Абу Омар ибн Такой-то со слов Мухаммада ибн Сякого-то, ссылавшегося на Али ибн Разэтакого...» Правда, похоже?

Улыбнулся только Изабелла.

— В сказке много невероятных приключений, непредсказуемых событий и неожиданных поворотов. Она является идеальной матрицей, внедряемой полем пси-генераторов в сновидения. Она позволяет в полной мере проявить потенциальные способности. Очень гибкая матрица!

— Простите, — смущенно перебил Изабелла. — Сказка о Сайф ал-Мулюке опубликована.

— Как это? — не понял Устад-Галим. — Где?

— В «Тысяче и одной ночи» я нашел почти такую же. К сожалению, мне это не помогло.

— Жалко! — Камалов снял тюрбетейку и почесал лысину. — Я думал, что прапрабабушка сама сочинила...

— Так оно и есть, — закивал Изабелла. — Сходство сюжетов отдаленное, детали не совпадают.

— Кстати, о прапрабабушке, — сказал Камалов. — Она родила шестнадцать детей, но зрелого возраста достигли только двое... Двое! Ее дочь из пятерых похоронила одного. Дед вырастил двух сыновей, каждый из которых родил по одному ребенку. Замечаете, что рождает

мость снижалась почти по квадратичной зависимости? 16, 5, 2 и 1... Так было почти повсеместно. А вот у меня три дочери и десять внуков! А? — Устад-Галим весело оглядел соискателей. — Это не предел, я думаю. Население земного шара увеличивается. Надо разместить, дать работу и накормить десятки миллиардов людей. Позарез нужны освоители новых планет, десантники, устады. Вот почему наша профессия стала такой престижной! Но именно поэтому мы проводим строжайший отбор. Ты понял, Ральф?

— Понял. — Соискатель шумно вздохнул. — Уже не спорю. Возвращаюсь на подводную ферму...

— Вот и славно. — Камалов придвинулся к экранам, бросил через плечо Изабелле: — Сейчас появится Кумар. Растолкуй ему, что и как.

— Слушаю и повинуюсь, устад.

10

Рухх легла на левое крыло, сделала круг и коснулась ногами поверхности песков. Пробежала, взметая клубы пыли, остановилась. Юноша подхватил полегчавший бочонок и спустился на землю. Его немного качало.

— Вон там, — рухх указала горбатым клювом, — колодец, в котором обитает див. Прости, больше ничего сделать не могу.

Сайф ал-Мулюк прижал руки к груди:

— Благодарю, дивная помощница!

— Желаю обрести возлюбленную, — ответила птица. — Прощай!

Долго царевич смотрел ей вслед, хотя рухх сразу исчезла в слепящих лучах солнца...

Ширина колодца составляла двадцать локтей, стены казались оплавленными. Они уходили в сгущающуюся тьму и упирались в кольцевую площадку. Дальше,

за изломанными выступами скал, зияла чернота. Вокруг колодца громоздились глыбы, тоже оплавленные.

Сайф ал-Мулук бросил в темноту камешек. Прислушался, наклонив голову, но удара о дно не различил. Колодец казался бездонным. Сбросив халат, юноша остался в шальварах. Размотал чалму, разрезал на полосы и связал. Так же поступил с халатом и плащом. Получилась прочная веревка, которая одним концом коснулась кольцевой площадки. На другом конце царевич сделал узел, надежно зажегнул его между глыбами. Вытканым портретом возлюбленной повязал левое предплечье. Глянул в последний раз на солнце и полез вниз, упираясь босыми ногами в гладкие стены.

На кольцевой площадке юноша облегченно вздохнул: начало прошло удачно. Пополз вдоль стенки колодца, пока не увидел в скальной поверхности косую трещину, винтообразно уходящую в глубину. Цепляясь за край площадки, царевич опустил ноги в бездну, повис на руках. Закрепился, перевел руку к началу расщелины.

Первые несколько локтей спуска забрали много сил. Мышцы дрожали от напряжения, скальные ребра резали пальцы, на теле выступила испарина. Потом щель расширилась, и ему удалось перевести дыхание. А когда расщелина стала настолько широкой, что в нее можно было втиснуться, царевич совсем повеселел.

Сгущалась темнота. Все зацепки юноша находил на ощупь. Тут он испытал небольшое потрясение. Камень в перстне Искандара, о котором он совсем забыл, начал светиться голубоватым огоньком. И чем теснее становился мрак, тем ярче сиял камень. «Благодарю, о непобедимый воитель!» — подумал царевич. Ладони его повлажнели от крови. Ныли от холода кости. Он так устал, что каждую минуту мог сорваться. Тогда царевич нашел сравнительно надежный уступ и лёг на спину, в изнеможении вытянув ноги. При свете драгоцен-

ного камня долго смотрел на вытканый портрет Исоё, опять повязал им руку. Вдохнул и закрыл глаза.

Ему снились какие-то стальные конструкции, переплетения металлических лент, бесконечные галереи, которые он должен пересечь, чтобы найти Исоё. Сайф ал-Мулюк вздрогнул и проснулся. Неба над ним не было. «Ночь, — подумал он. — Сколько еще ночей впереди?»

Еще два раза светлел клочок неба над головой. Юноше казалось, что он всю жизнь спускается в колодец. Приступы голода прошли, оставив в желудке сосущую пустоту. Остро хотелось пить. Царевич утолил жажду, нарубив саблей ледяную крошку из вышедшей в расщелину ледовой жилы. Еще ниже скала оказалась раскаленной. Она обжигала кожу. В волосах проскакивали искры, язык пересох и царапал нёбо.

Юноша засыпал в движении и просыпался, застревая в трещине. Он забыл конечную цель, не помнил о диве и прекрасной пери. Идти, идти — вот его предназначение, смысл его бытия. Он спускался, хрипло дыша, изнемогая от холода и жары, обламывая ногти и ранив ладони. И когда ноги не нашли нижележащей опоры, он долго топтался на месте, не осознавая, что достиг дна колодца. Медленно сполз по стенке и упал на бок...

Сайф ал-Мулюк очнулся от острого ощущения опасности. Вскочил, высоко поднял руку. Голубой огонь осветил скальные стены и обширное дно, заваленное черепами и костями. В страшной гряде различались турбаны, украшенные кровавыми рубинами; парчовые халаты, расшитые золотом и жемчугом; изорванные кольчуги; кривые сабли и прямые мечи. Видно, многие воины стремились к колодцу дива и достигли его наконец.

Царевич обошел братскую могилу и увидел темный ход. Он ступил под низкие своды, освещая путь перстнем. Через несколько шагов уперся в громадную глыбу. Подавляя отчаяние, осмотрел ее. Этот камень он не

отвалил бы и в лучшие времена, а теперь, изможденный и слабый, что он мог? Царевич бессильно лег грудью на глыбу, обхватил ее, уперся ногами в пол...

— Ну вот, — прошептал Ральф. — Опять тупик.

— Посмотрим... — Устад яростно щипал бородку. Было видно, что он очень болеет за оставшихся соискателей.

— Помочь бы, — сказал Изабелла.

Помощи не потребовалось. На двух мониторах царевич решил проблему после недолгого раздумья. На третьем он хрипло закричал, сжал кулаки и обрушил их на косную глыбу. И когда перстень Искандара коснулся камня, тот со скрежетом ушел вверх. Царевич едва не упал от неожиданности. Постоял, шатаясь, подобрал саблю и бросился вперед. Глыба с грохотом обвалилась за его спиной.

— Решение найдено случайно, — пробормотал Устад-Галим. — Первое предупреждение.

11

Царевич оказался в большой пещере, очертания которой терялись в полумраке. Пол был выстлан толстым ковром, у стен громоздились массивные сундуки. Прямо перед ним свисал белый полог, охватывая овальное возвышение. Держа перед собой светлый клинок, Сайф ал-Мулюк двинулся вперед.

Пещеру освещали невидимые светильники. Царила мертвая тишина.

Царевич отвел саблей полог и замер. Перед ним на белоснежной постели лежала Исоё. Ее лик, обрамленный черными локонами, напоминал полную луну в тучах. Тень от ресниц легла на половину щеки, губы полуоткрыты, как бутон розы. Одна рука, словно выточенная из розового мрамора, лежала поверх покрывала...

У Сайф ал-Мулюка закружилась голова. Он вложил

саблю в ножны, осторожно коснулся руки Исоё. Позвал ее шепотом, а потом полным голосом. Зачарованная пери не просыпалась. Унести спящей? Но как он выберется из колодца, как пересечет пустыню? «Надо выждать, — подумал царевич. — Надо уничтожить дива, и чары развеются».

Словно в ответ на его мысли донесся приглушенный рев. Див! Царевич выскользнул из-под полога и спрятался за сундуками.

В пещере стало светло, как под палящими лучами солнца. Царевич осторожно выглянул. Да, рассказы не преувеличивали. Див был огромен, кривоног, порос черной шерстью. Из пяток, коленей и локтей торчали изогнутые когти. Мордой див напоминал гориллу, толстая губа свисала, как у верблюда. В треугольных глазницах пылали уголья, над косматой головой виселись рога.

Див сбросил с плеча тушу быка, бочку и туго набитый мешок. Волосатой лапой оборвал полог над ложем пери.

Во всем блеске красоты, еще более нестерпимом при ярком освещении, лежала Исоё.

Царевич стиснул эфес сабли, но не шелохнулся. Див смотрел в лицо пери, двигая верблюжьими губами. Уголья глаз подернулись дымом, когтистые пальцы сжимались и разжимались. Горестно вздохнув, он приподнял изголовье постели и вытащил пластинку с черными письменами. В тот же миг Исоё открыла глаза. Царевичу показалось, что воздух, потревоженный ресницами, коснулся его губ.

— Мир тебе, о Биби-Нур, повелительница! — заревел див.

«Почему Биби-Нур?» — удивился царевич.

— Гибель тебе, о обезьяна! — звонко ответила пери. — Кого ты привел с собой?.. — Она метнула взгляд в сторону Сайф ал-Мулюка и закусил губу.

— Я принес гранаты и персики, инжир и айву, розовый...

— А яблоки из моего сада?

— Прости, несравненная, — покаянно ревел див, — я не смог проникнуть в сад. Зато я придумал задачи, которые ты, о мудрая, не сможешь решить! Ибо они не имеют решения! Наконец-то я снова увижу танец...

— Ты глуп, — пожала плечиком пери. — Но я проголодалась.

Див поставил перед ней золотое блюдо и высыпал плоды из мешка. Исоё взяла персик, надкусила. Съела несколько ягод винограда.

— Опять все помято, — недовольно молвила она.

— Не терпится посмотреть танец! — загрохотал див.

— Хорошо, говори свои задачи.

— Сможешь ли ты моргнуть полтора раза? — В восторге от вопроса див хлопнул по волосатому боку и захохотал.

— Нет ничего проще.

Пери сначала прикрыла оба глаза, а затем один. И опять ветер от ее ресниц достиг сердца юноши. Пораженный див скреб когтями затылок.

— Верно, клянусь жизнью... Вторая задача трудней. Вот она: поймай мое дыханье!

— Погоди немного. — В золотой полоскательнице девушка развела мыльный раствор. Окунула в него гребень и поднесла к пасти недоумевающего чудовища. — Теперьдохни.

Див дунул. С зубьев гребня слетели мыльные пузыри и закружились по пещере.

— Ну и что? — не понял див.

— Вот оно, твое смрадное дыхание, уловленное и заключенное в прозрачную пленку.

Див застыл, вложив кривой палец в пасть.

«И эта тупая горилла, — яростно подумал Сайфал-Мулюк, — у которой едва хватило мозгов на сочинение идиотских задач, наводит ужас на людей?! Сжигает города и переворачивает корабли? Да ее надо загнать

в клетку и показывать ребятишкам. Смотрите — вот воплощение абсолютного зла!»

— Не надо! — отчаянно закричала Исоё.

Но царевич уже вышел из-за сундука, держа саблю как хлыст укротителя.

— Встань, чудовище! — крикнул он.

Див зарычал и обернулся.

— Человек?!

— Да, человек! — Сайф ал-Мулюк медленно надвигался. — Встань и держи ответ перед человеком!

Див оскалил клыки и поднял когтистую лапу. Царевич отступил на шаг, нажимая на кнопку паллера. Дымная полоса перечеркнула косматую грудь. Див захохотал и дохнул огнем.

За секунду до этого Изабелла вырвал Сайф ал-Мулюка из пещеры.

Устад-Галим одобрительно хмыкнул.

12

«И эта убогая обезьяна, — подумал Сайф ал-Мулюк, — у которой едва хватило ума на придумывание глупых задач, наводит ужас на людей. Сжигает селения, топит корабли. Поистине зло тупо и беспощадно. Животворна только мудрая доброта».

Алена рассмеялась и сказала:

— Ты посрамлен, див. Но сегодня я хочу танцевать.

Девушка подняла руки над головой и звонко ударила в ладони. Пещера наполнилась чудесной музыкой, напоминающей пение птиц, журчание ручья, шелест трав. Царевич смотрел во все глаза, забыв об усталости, голоде и ранах. Это был не танец. Это упруго колыхались гибкие лилии, это волновалось пшеничное поле. Золотое пламя локонов обжигало глаза, узорные шальвары струились и трепетали. Див ревел от восторга, колотя по брюху.

Внезапно музыка оборвалась.

— Все, — сказала пери. — Теперь спи. Спи!

— Вилка! — удивился Изабелла. — На втором экране пери не танцует.

— Вижу, — ответил Камалов. — В матрице не было танца. Это самодеятельность Стаса.

— Ошибка? — ужаснулся Изабелла.

— Посмотрим, что будет дальше.

Див упал на спину, запрокинул рогатую голову. Храп его напоминал раскаты грома. Не взглянув на чудовище, пери вышла на середину пещеры и позвала:

— Выходи, о обладатель перстня Искандара! Я так долго ждала!

Не колеблясь ни мгновения, Сайф ал-Мулюк устремился к девушке. И замер.

— Да, это ты, — шептала Алена. — Это ты...

Она подошла к юноше, коснулась обнаженной груди легкими пальцами. Раны царевича затянулись розовой кожей, необыкновенная сила наполнила мышцы. Не помня себя, он привлек любимую:

— Бежим!

— Безрассудный, — задыхалась девушка. — А див?

— Я убью его!

Сверкнул клинок. На ковер посыпались осколки дамасской стали. Сайф ал-Мулюк с изумлением рассматривал эфес, зажатый в кулаке.

— Не так просто убить дива, — вздохнула пери.

— Что же делать?

— Сначала подкрепись.

Она поджарила мясо быка и налила из бочки терпкое вино. Наконец-то юноша утолил голод и жажду.

— Душа дива, — сказала пери, — заключена в сундуке, который спрятан на дне моря. Мы бросим в волны перстень Искандара, и сундук всплывет...

Они смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Говорили слова, которые переполняют влюбленных,

придумывали новые, не замечая бега времени. Но вот див заворочался. Сайф ал-Мулюк укрылся за сундуками, а пери сердито закричала:

— Вставай, о нерадивый! Я хочу яблок из моего сада!

Див вложил под изголовье пластинку и с ревом улетел. Едва умолк грохот, царевич и девушка устремились к выходу. Быстро миновали тоннель, остановились у братской могилы. «Мир вам и вечный покой, храбрые, — подумал Сайф ал-Мулюк. — Я отомщу!»

Алена подняла голову. Высоко-высоко, словно путеводная звезда, сияло небо. Пери сжала руку возлюбленного, и они взвились вверх.

Дух захватило у Сайф ал-Мулюка. Плотный воздух бил в лицо, грудь сжимали то ледяные, то раскаленные обручи. Устье колодца приближалось, клочок неба рос и наливался синевой. Они вылетели из колодца, как брызги воды из фонтана.

Мир был безграничен. Желтые барханы убегали за горизонт. В небе, словно медное блюдо, звенело солнце. Царевич и пери жадно дышали свежим воздухом, пили его, как хмельное вино.

— Небо! — кричала пери. — Солнце!

— Ветер! — вторил ей царевич.

Они прыгали, точно дети, гонялись друг за дружкой, горстями бросали горячий песок.

— А див? — опомнилась Алена.

И они пошли к морю. Когда пери уставала, царевич нес ее на руках. Палило солнце, ветер иссушал тело, но юноша шел и шел, прижимая к груди драгоценную ношу. Алена жива! Солнечный протуберанец, который сжег ее корабль, приснился. Дурной сон... Сайф ал-Мулюк ощущал в себе такие силы, что готов был сразиться со всем злом в мире.

Наконец они достигли цели. Спустились с обрывистого берега и встали на плоский валун, охлестнутый белой пеной. Царевич снял с пальца перстень, кос-

нулся им лба, губ, груди и метнул в море. Волнение утихло...

В это время со стороны пустыни донесся низкий гул. Пери оглянулась. Из-за горизонта надвигалась черная туча.

— Див приближается! — тревожно крикнула она.

Царевич молча ждал. Из темно-зеленой глубины медленно выплыл и заколыхался массивный сундук, опутанный водорослями. Сайф ал-Мулюк выволок его на камень, сорвал замки, распахнул. В темном углу сидел белоснежный голубь. Юноша накрыл птицу ладонью, ухватил пальцами трепещущие крылышки. Голубь потерся головкой о руки, нежно воркуя...

Черная туча зыкрыла уже три четверти неба. Огненные молнии били в землю.

— Скорей! — молила Алена. — Скорей!

— Но это голубь...

— Это душа дива!

— Зло многолико, — прошептал Сайф ал-Мулюк.

Страшный удар грома потряс небо и землю. Пыльная мгла заволокла пустыню. Порыв ветра едва не сбросил влюбленных с камня. Тугой ливень обрушился на них. «Кровь дива пролилась дождем, — подумал царевич. — Я сдержал клятву».

Буря длилась недолго. Туча растаяла, в бездонном небе засияло солнце. А в руках царевича оказался черный нетопырь, мертво скалящий зубы. Сайф ал-Мулюк отбросил падаль.

Алена улыбалась. По ее щекам текли слезы...

13

На Боба нельзя было смотреть без жалости. Само воплощение разочарования — он просительно смотрел на Камалова.

— Устад, можно я пойду еще раз? Ошибок не будет!

— Ты уверен?

— Конечно! — загорелся надеждой Боб.

— Укажи свои промахи.

— Да паллер же! Дернуло меня схватиться за него!

— И все?

— Ну... — Боб замялся. — Не проявил выдержки, что ли... Не подумал.

— Изабелла, твое мнение?

— Во-первых, див не может быть уничтожен ни одним из видов оружия, — начал четко излагать Изабелла. — Во-вторых, соискатель нарушил правила игры, применив паллер в сказке. В-третьих, он рискованно проходил полигон. Это свидетельствует не об отсутствии выдержки, а об излишней самонадеянности. По натуре Боб сильная личность. Любая преграда кажется ему незначительной. Он может подавить чужую волю. Ему нельзя быть устатом.

— Но, но, полегче, — заворчал Боб.

Камалов похлопал его по необъятной спине.

— Изабелла прав. Я сказал бы больше: у тебя диктаторские наклонности, сынок. Ты слишком непримирим. Подумай о других профессиях, об освоении планет, например. Но и там не советую размахивать паллером.

Боб окончательно сник.

— Но я так люблю детей... Я не могу без них!

— Удивил! Детей любят все, даже Ли. Как это можно — не любить детей? — Камалов закрыл глаза, словно собирался представить себе такое противоестественное состояние. Возмущенно замотал головой. — Нет, это невозможно! Каждый ребенок — уникальная вселенная, созданная нами же. Задача устата — найти и разжечь в этой вселенной разноцветные звезды таланта. Обнаружить «черные дыры» дурных инстинктов и преодолеть их тяготение. Понимаешь? Не задавить, а преодолеть! Вспомни Бенджамина Спока и Макаренко! Вспомни Януша Корчака, который за детьми пошел в печь крематория...

— Я бы тоже смог!

— Конечно, смог бы. Как и любой из нас, ты способен на жертвы. Но этого мало. В тебе нет сострадания, тебя не мучат сомнения. Став воспитателем, ты не вырашивал бы детей, а вытягивал бы их за волосы.

— Нет! Я буду хорошим устатом!

— Самоуверенности в тебе... — Камалов поцокал языком. — Ну-ка перечисли основные качества воспитателя.

— Устаду надлежит быть смелым, сильным, ловким, остроумным, — угрожающим голосом начал Боб.

— Этого мало.

— Он должен быть энциклопедистом, сказочником, изобретателем. Должен мгновенно откликаться на любые изменения в настроении ребенка.

— И этого мало!

— По-вашему получается, что устат должен походить на Абэ и Стаса, — сердито сказал Боб.

— Правильно! И знаешь почему? Многие качества, которые ты перечислил и которых все-таки недостаточно для профессии воспитателя, заложены в них от природы. Понимаешь? Есть прирожденные певцы, десантники, государственные деятели. Абэ и Стас — прирожденные воспитатели. Понимаешь?

— Нет! — крикнул Боб. — Я не хуже их!

— Ну хорошо. Ты смог бы написать портрет Моны Лизы?

— При чем здесь она?

— Ответ: да или нет?

— Нет.

— Почему? Тебя же учили живописи!

— Таланта не хватит, — пожал плечами Боб.

— Значит, ты хочешь стать бездарным устатом?

Боб долго молчал. Вздыхнул.

— Ладно, Устат-Галим. Я понял.

— Ой ли?

— Не понял, так постараюсь понять... Расскажите,

пожалуйста, чем кончилась история царевича и пери. Мои наследники любят слушать сказки.

— У тебя их двое?

— У нас с Исоё сын и дочь! Они воспитываются в интернате «Баргузин».

— Ребятишкам отказать не могу, — заулыбался Устад-Галим.

14

После долгих странствий царевич и пери благополучно достигли владений Рабиг ал-Мулюка. Счастью старого царя не было предела. Ослепший от слез, пролитых в разлуке, он прижал к груди сына и невестку. Весь народ ликовал.

В ночь перед свадьбой Биби-Нур улетела в небесные чертоги.

— Ты заставила ждать! — загремел отец.

— Я томила в колодце дива.

— Мне донесли: див погиб, и чары развеялись!

— Это сделал мой возлюбленный.

— Он достоин награды, но...

— Я стану его женой!

— Что?! Невозможно... — прошептал пораженный царь. — Пери не могут жить на земле. Ничто не объединяет вечных и смертных.

— Если бы не смертный человек, я вечно спала бы в глубокой пещере. — Голос Биби-Нур наливался силой. — Я бы вечно жарила мясо безобразному диву. Не пери, а человек освободил меня... Я не хочу быть вечной!

— Ты не думаешь о будущем, — дрожащим голосом уговаривал отец. — Пройдет ничтожно малое время, твоя красота увянет. Лицо пересекут морщины, стан согнется. Ты превратишься в безобразную старуху. Ты умрешь!

— Пусть так. Но до самой смерти я люблю и люблю!

Царь бессильно опустил голову. Биби-Нур вернулась к возлюбленному.

Изабелла открыл капсулы и помог соискателям размотать чалмы и снять датчики. Абэ хотел улыбнуться, но его лицо только жалко покривилось. Стас с трудом поднял руку и погладил левое предплечье. Под стартовым костюмом оно было повязано пластиковой пленкой с портретом жены. На все полигоны Стас ходил вдвоем с Аленой...

Соискатель лежал на спине, всхлипывая от изнеможения. Сознание плыло. Прекрасная женщина опустилась перед ним на колени и положила невесомую ладонь на влажный лоб.

— Алена...

Она не сгорела, она растворилась в Солнце...

— Алена...

В солнечных лучах она прилетает на Землю. И все живое жадно впитывает их, потому что без света нет жизни. Мерцают озера — это глаза Алены, золотятся пшеничные поля — это волосы Алены, краснеют яблоки — это румянец Алены.

Ребятишки любят яблоки. Они вгрызаются в краснобокие плоды, брызжа соком и постанывая от наслаждения. И вместе с яблоками в каждого ребенка входит Алена. Может быть, поэтому Стас не мыслит себя без детей. Может быть, поэтому...

— Але-о-она-а-а!

ИНТЕРНАТ «БАРГУЗИН»

Контрольный срок минул. Камал понимал, что нырять в Солнце бессмысленно. Легче найти иголку в стоге сена, чем крохотный шарик солнцелета в гигантской толще плазмы. Но что было делать командору? Вернуться на Землю и сообщить, мол, так и так, в точку randevu «Крякутный» не явился, чем прикажете заниматься? И Камал, не советуясь с экипажем, велел готовиться к нырку. Позитронный Мозг трансформировал солнцелет в шар, окружил защитным полем, и они вошли в хромосферу рядом с грибовидным протуберанцем. В конвективной зоне их, как обычно, поболтало, но несильно. Затем до глубины ста мегаметров «Гагарин» шел уверенно, зондируя плазму нейтринными лучами. Поисковый экран был пуст. Они погружались все глубже в неизведанные области...

...И-и-и вот!.. пульт заструился, растопырился... еще одна пара рук... много-много рук... так не может быть... ползти по поверхности и вдруг — бездна!.. Так не должно быть... плазма струится сквозь корабль... почему я не горю?.. Там, впереди, — «Крякутный»... за ним?.. как пузырек воздуха в воде... я растекаюсь... рассыпаюсь... нет!.. нет, нет, нет... мама!

Командор запутался в росистых кустах. Помотал головой, отгоняя наваждение. Зло сплюнул... Вот всегда так. Плавное течение мыслей вдруг прекращается, открывается неожиданный шлюз, и оттуда хлещет страшное воспоминание. Камал стащил с головы берет, вытер потное лицо и лысину. Огляделся.

Давно он не был в таком вот полноценном трехъярусном лесу, наполненном полузабытыми запахами, тишиной и сизым сумраком. Идеально прямые шерохо-

ватые стволы сосен убегали ввысь, как органные трубы; кустарник курчавился мелкой листвой, в разрывах которой серебрились паутиновые спирали, униженные розинками; в зарослях перистых папоротников прыгали лягушата. Камал выдрался из кустов и неспешно двинулся дальше. «Хорошо, что не взял птерокар, — думал он. — Когда еще доведется так восхитительно промочить ноги...» Облегающий зеленый костюм промок, и командор на секунду ощутил себя лягушонком, скользящим сквозь влажные листья папоротников. «Хорошо!» — сказал он вслух и остановился. Впереди, в просветах между темными стволами сосен, глыбой айсберга белело длинное здание. «Так скоро? — с сожалением подумал командор. — Не нагулялся...»

Интернат стоял на пологом холме, на виду у Байкала, голубеющего далеко внизу. На левом конце крыши была устроена площадка для птерокаров, легко узнаваемая по оранжевой сигнальной колонне. Рядом, словно громадный черный тюльпан, распустил лепестки энергоприемник. Правый конец здания был увенчан ребристым куполом. «Обсерватория, что ли? — мельком подумал Камал. — Зачем детишкам обсерватория?» Он легко взбежал по широким ступеням. У входа стояла темноглазая девушка в легком платье. Над ее головой крупными разноцветными буквами разбежалось слово «Баргузин».

— Салют! — Камал широко улыбнулся, снимая берет. — Довольно устрашающее название...

Девушка не ответила на улыбку. Взглянув на лысый череп Камала и левое ухо, напрочь лишенное мочки, она сказала:

— Салют, командор. Я — Анна, устад. Ты не голоден?

— Уста-а-ад... — уважительно протянул командор. — Нет, нет, спасибо.

В молодости он тоже хотел стать устадом, но не прошел контрольного полигона. Его подвела излишняя жи-

вость воображения и склонность к нелогичным поступкам.

— Тогда идем в конференц-зал. Дети заждались.

По упругому травяно-зеленому ковру они миновали вестибюль и поднялись на второй этаж. На них обрушилась оглушающая лавина звуков, подобная визгу плечерогов, построившихся в оборонительное каре. Камал остановился.

— Ребята развивают легкие, — пояснила Анна. — Ты уж, пожалуйста, говори проще, все-таки это младшая группа.

Вместительное помещение конференц-зала с высокими стрельчатыми окнами было заполнено детьми. Коротко стриженные и лохматые, черные, светлые, каштановые, русые, рыжие головы повернулись к вошедшим. Визг напуганных плечерогов разом стих. Устад и командор поднялись на возвышение к овальному столику, на котором стояла ветка рябины в вазе, стакан и пузатый сифон.

— Дети, — сказала Анна. — У нас в гостях легендарный...

— Не надо церемоний, — шепотом остановил Камал. Анна кивнула и села.

Командор погладил лысину и оглядел зал. Под сотнями внимательных взглядов он немного растерялся. С чего начать? Камал наморщил лоб, скрестил на груди руки. Потом засунул их в карманы. Перед детьми он выступал впервые и не знал, как наладить контакт. «Надо было не в лесу болтаться, — пожалел он, — а обмозговать план беседы. Это же не экипаж солнцелета. Чем бы их удивить?» Рука командора произвольно потянулась к отсутствующей мочке левого уха.

— В детстве у меня была привычка, — неестественно громким голосом сообщил он. — Когда не получалась задача, я дергал себя за ухо.

В зале сдержанно захихикали.

— Ничего не помогало — ни увещевания устатов, ни

самоконтроль. От постоянного дерганья левое ухо цвело, как полевой мак. Я вырос с красным ухом. Однажды сквозь «Гагарин» пролетел шальной метеорит. Он пробил обшивку и пульт управления. А так как между ними находилось мое ухо, метеорит, словно бритва, срезал мочку. И теперь в трудную минуту мне не за что дергать!

Мальчики и девочки веселились. Они топали ногами и лупили соседей по спинам. Всеобщая радость усугубилась, когда командор вытянул шею, показывая, что ему не за что тянуть.

— Можно спросить? Можно спросить? — кричала в первом ряду девочка с бантом.

— Спрашивай! — весело разрешил Камал.

— Почему ты не отрастил новую мочку?

— Зачем? Чтобы дурная привычка вернулась?

Камал удовлетворенно оглядывал хохочущую аудиторию. Кажется, контакт налажен. Краем глаза он заметил, что Анна смотрит неодобрительно.

— Что-нибудь не так?

— Шутка твоя... не совсем корректна.

— Почему? — Командор смешался. — Что теперь делать?

— Ты разбудил нездоровые инстинкты... Сядь, нельзя идти против лавины.

Они ждали минут пять. Командор смущенно оглаживал лысину, Анна спокойно смотрела в зал. Наконец дети утихомирились.

— Продолжай.

Командор медленно прошелся по возвышению. Покашлял.

— Дорогие ребята, — нерешительно сказал он, — дорогие мальчики и девочки. Открытие четырехмерных звездных трасс вызвало вспышку... В общем, солнцелетки вошли в моду. Молодежь заболела космосом. Наверное, и вы хотите стать командорами и астрофизиками. Или планетологами — крайний случай. Эдак на

земле переведутся уstadы и врачи... Мы в свое время... Или вот, например, проблема охраны плечерогов. Их так мало... Я расскажу об этих страшно интересных животных.

В переднем ряду поднялась растопыренная ладошка.

— Ты что-то хотела спросить?

— Мы считаем, что проблема охраны плечерогов давно решена, — звонко сказала смуглая девочка, качнув бантом.

— Да? — удивился командор. — Как?

— Надо прекратить их уничтожение, вот и все! Лучше расскажи о нейтринном телескопе и полете «Гарина».

— О телескопе! О телескопе! — поддержал зал.

— Но ведь... гм... Ведь это довольно сложная тема... Может, лучше о плечерогах, а? Или о регенерации конечностей у теплокровных? Или вот еще тема...

— Лучше о нейтринном телескопе!

— Даешь нейтринный телескоп! — грянули мальчики и девочки.

— Сдаюсь... Телескоп так телескоп. — Камал пытался поймать взгляд Анны, но та смотрела в окно. — Тогда я начну с модели Вселенной. Остановите, если начну говорить непонятно. — Камал откашлялся и насупил редкие брови. — Ну-с... Мы живем в трехмерном пространстве, являемся его составной частью. Мы даже мысленно не в силах представить пространство с количеством измерений больше трех...

— А вот Алик может! — снова возник розовый бант.

— Вот как?.. Молодец! Тогда пусть он немного поскучает, а с вами мы договоримся считать наше пространство двухмерным. Вообразите себе кусок сыра — участок трехмерного пространства. Он ароматен, вкусен, питателен. — Камал плотоядно почмокал губами. — А еще он пронизан сложной системой туннелей, которые сходятся, расходятся, выклиниваются и так далее. Проведем мысленный эксперимент:отрежем кусок

сыра. Посмотрите на плоскость среза. Что вы видите?

— Дырки!

— Молодцы! И вот мы, разумные двухмерцы, живем на сыре. От одной дырки к другой мы можем пройти единственным способом — по плоскости среза. А для трехмерных существ есть еще один способ — идти внутри сыра по дыркам, то есть по подпространственным туннелям. — Камал перешел на интригующий шепот. — Так вот. Звезды, которые ночью зажигаются на небе, являются трехмерными дырами в четырехмерной ткани Вселенной. Звезды соединены между собой туннелями.

В это время ветер разогнал легкие облака и зал наполнился потоками света, бьющими из стрельчатых окон. Лысина Камала засияла, как полная луна. Воздев руки, он воскликнул:

— Наше солнышко тоже является входом в подпространство! Энергия к нему подводится по туннелю с помощью фотонов и других частиц, не имеющих массы покоя. Затем она рассеивается в трехмерном пространстве. Вы думаете, дефицит энергии неминуем? Ошибаетесь! Природа придумала «черные дыры» — звезды в состоянии коллапса. Коллапсары — это объекты, поглощающие материю и энергию. Я понятно говорю?.. Закон сохранения остается неизблемым! — Камал громко рассмеялся, но никто не поддержал. — Идем дальше. Наше трехмерное пространство замкнуто в виде гипersферы. Кто из вас может написать формулу гипersферы?

Никто не ответил. Опять поднялась носительница банта:

— Формулу гипersферы знают все.

— Какие молодцы! — похвалил Камал. — Но вы, наверное, не знаете...

— И о модели Вселенной знают все. Нам бы о «Гагарине»...

— Ну уж неправда! — рассердился Камал. Пытаясь налить джагг, он пустил струю из сифона мимо стакана. — Может быть, вы и о множественности гиперсфер знаете?

— Знаем!

Командор выпил подряд два стакана джагга. «Чего разволновался? — успокаивал он себя. — Дети как дети. Пришли посмотреть на легендарного командора. Хотят из первых рук узнать о полете «Гагарина». А я задвигаю скучную лекцию...»

— Хорошо, расскажу о «Гагарине». Ньютон считал, что две звезды можно соединить единственной прямой. На гиперсфере его прямая соответствует гипердуге. Следовательно, по теории относительности эти звезды лежат на гиперхорде. Однако движение по ней освоено лишь писателями-фантастами под терминами: «прокол пространства», «нуль-транспортировка», «транспозиция». — Камал запнулся. «Опять сползаю на лекцию, — подумал он. — Что за черт, говорить не умею. Давай сворачивай к Солнцу». — Единственными реальными входами в подпространство являются «белые дыры» — звезды. Это доказали экипажи «Крякутного» и «Гагарина». Они должны были взять пробу из солнечного ядра. Один солнцелет нырнул в фотосферу, другой остался на орбите. Связь вскоре прервалась. «Гагарин» пошел на помощь, погрузился в Солнце, а вынырнул из звезды Каптейна, за несколько часов преодолев расстояние в четыре парсека. Представьте наше удивление, когда на небе засияли незнакомые созвездия! Экипаж, однако, не растерялся. С помощью позитронного Мозга мы установили координаты «Гагарина», а затем и способ возвращения в солнечную систему. Так было положено начало подпространственной навигации.

— Значит, случайно?

— Что случайно? Кто это там?

В задних рядах поднялся широкоскулый мальчик, заросший, словно мушкетер.

— Меня зовут Алик. Я сказал, что подпространственные трассы открыты случайно.

— Ну... в какой-то мере это так... — Командор нервно улыбнулся. — Многие открытия сделаны случайно.

— В науке все взаимосвязано, поэтому случайностей быть не должно!

— Например? — ядовито спросил командор.

— Например, идея нейтринного телескопа вытекает из общей теории поведения фотонов в гравиполе.

Командор пил джагг стаканами. Мушкетер объяснял:

— В поле тяготения Земли фотоны сходят с прямолинейного пути и собираются в одной точке. Это доказал Цвикки.

— Гравитационная линза! — поддержал Алика бант.

— Потоки нейтрино искривляются в гравиполе, как и фотоны. Следовательно, можно построить в пространстве нейтринный телескоп. Работы Палидеса, Костова, Пшебжаминьского логично продолжают друг друга.

Джагг в сифоне кончился. «А ведь им наплевать, что я тот самый легендарный командор, — подумал Камал. — И не поглазеть на знаменитость собрались они. Им интересен не я, им интересно мое дело. Вот так влип!.. Распустил хвост перед коллегами... Как же вернуться?» Словно прочитав его мысли, девочка с бантом бросила спасательный круг:

— Командор, сформулируй цель полета «Гагарина»!

— Это я могу, — обрадовался Камал. — Основное требование к гравилинзе выражается формулой: максимальная масса при минимальном диаметре. Так? Идеально этому условию отвечают коллапсары. Поэтому «Гагарин» летит в созвездие Волбс Вероники. Это в тридцати четырех парсеках от нас. Оттуда открывается вид на ядро Галактики, невидимое из солнечной системы

из-за черных облаков, которые непрозрачны даже для нейтрино.

Ребята заинтересованно молчали, и Камал воодушевился:

— Мы совершим семь подпространственных нырков и выйдем на орбиту коллапсара вблизи точки, где фокусируются нейтринные потоки из ядра Галактики. В качестве регистратора нейтрино применим батареи Пшебжаминьского.

— Источник позитронов, конечно, самарий? — спросил Алик.

— Естественно.

— Не логичнее ли взять прометий? — возникла справа узкоглазая якуточка.

— Нет, — отверг Алик. — Он радиоактивный. Лучше празеодим.

Тут, как по сигналу, со всех сторон посыпалось:

— И вообще эмиттерные батареи слишком грубы!

— Это даже Пшебжаминьский понимает!

— Если черные облака не пропускают нейтрино...

— Анна, а чего Алик дерется?

— ...значит, нейтринный поток можно модулировать по интенсивности!

— Подзатыльники не аргумент!

— Можно даже отражать нейтринный поток!

— И строить телескоп на другом принципе!

«Сюда бы наших астрофизиков, — растерянно думал Камал. — Однако... Ай да мальчики и девочки!»

Анна встала и медленно двинулась вдоль рядов. Постепенно гвалт утих. Разгоряченные дети усаживались на места. Камал безуспешно пытался налить джагг из пустого сифона. Он вспотел, как при выходе из подпространства.

— Нейтрино несут информацию о состоянии ядра Галактики. — Командор говорил торопливо, чтобы быстрее кончить. — О взрывах сверхновых звезд и так далее. Обещаю вам, что экипаж «Гагарина» принесет

уникальную информацию, которая еще более расширит пределы человеческих возможностей. — Камал подумал и заискивающе добавил: — Может, братьев по разуму встретим... Все, я иссяк. Вопросы есть?

По всему залу мгновенно выросли руки с розовыми ладошками и растопыренными пальцами. Они качались из стороны в сторону, тряслись от нетерпения. Они готовы были проткнуть командора насквозь. Камал испуганно огляделся.

— Товарищи! Честно говоря, я не готов к сегодняшней встрече. И на вопросы ответить не смогу. Давайте договоримся: после возвращения «Гагарина» я снова приду к вам, а?

Зал недовольно загалдел. Анна подняла руку:

— Спокойно! Сделаем так, как просит гость. И поблагодарим за беседу.

— Спа-си-бо! — грянули ребята, и через несколько минут конференц-зал опустел.

Уже садясь в птерокар, Камал сказал Анне:

— Поистине баргузин! Едва жив... Прости, никак не пойму: что за странное сооружение? — Он кивнул на ребристый купол в другом конце крыши.

— Астрономическая обсерватория.

— Та-а-ак... Послушай, устад... — Камал неловко щурился и смотрел в сторону. — Ты же видела, что я несу чепуху. Почему не остановила?

— Зачем? — Анна впервые улыбнулась. — Ты помог мне. Дети — максималисты. Они считали, что венцом человечества являются солнцелетки. Теперь они так не считают.

— Понятно. — Командор вздохнул. — И не боязно с ними?

— Я их люблю, — пожала плечами Анна.

ОГНЕННЫЙ КЛУБОК

1

Линию жизни Софьи Петровны Иверневой определила встреча с шаровой молнией.

Детство и юность Сони прошли на окраине Москвы, в Лихоборах. Семья занимала угловую комнату в коммунальной квартире на седьмом этаже. Из одного окна виднелась цепочка прудов, за ней — старая церквушка, еще дальше — поля и здание речного вокзала; из другого окна в ясные дни можно было различить блестящий шпиль недавно построенного университета. Прямо перед домом раскинулся запущенный парк, изрезанный глубокими оврагами. В крутых склонах кое-где зияли гроты и устья пещер. В парке росли дубы, липы, березы — громадные, древние, чуть ли не по сто-двести лет. Среди них стояли такие же древние зубчатые башни и ветхие стены, сложенные из красного кирпича.

В этих пещерах, башнях, в темных зарослях бывшего лихого бора целыми днями играла Соня. Родителей видела мало: отец работал на железной дороге, мать — на молокозаводе.

Среди ребятни гуляли легенды о разбойниках, кладах, скелетах. Соня верила в них свято. Верила, что от одной из башен тянется потайной ход аж до Кремля. Верила, что в самой темной пещере под грудой костей зарыт горшок с золотом. Верила, что в кустах у Лихачевского шоссе бродит тень купца Трынкина, убитого разбойниками неподалеку от собственной дачи...

В то лето Соня чувствовала себя счастливой: отлично закончила второй курс геологоразведочного института, провела сезон на Кавказе. Загорела, заработала бело-голубой значок альпиниста, который чудесно смотрелся на лацкане новенького английского костюма.

До начала занятий было еще далеко, и она целыми днями читала, слушала музыку или бродила с Мишкой Иверневым по Москве.

Однажды они собрались в Парк культуры на концерт венгерского «Голубого джаза». Начавшийся после обеда дождь едва не нарушил планы. Соня мыла полы и с неудовольствием смотрела на окна, затушеванные косыми струями ливня. Однако все обошлось. Ветер унес тучу вместе с громами и молниями в сторону Химкинского водохранилища. Комната наполнилась свежим послегрозовым воздухом.

Весело мурлыкая песенку про Мишку и его улыбку, Соня скоренько попила чаю и переоделась в английский костюмчик. Длинную косу свернула спиралью и уложила на затылке. Глянула в зеркало. Светло-коричневый костюм гармонировал с шикарным высокогорным загаром, на значке белел двуглавый Эльбрус, светлые с желтизной волосы лежали идеально. Ничего, что лицо несколько треугольное, носик слишком длинен, а губы чересчур тонки. Зато глаза карие, выразительные. Мишка Ивернев называет ее Буратинкой. Ну и пусть. Попробовал бы он без Буратинки спихнуть сессию...

— Мишка, Мишка, где твоя улыбка, — пела Соня, сбегая с седьмого этажа, — полная задора и огня?..

Во дворе чернели лужи, отражая почти черную листву деревьев. В воздухе висела водяная пыль. Опасаясь за прическу, Соня торопливо миновала свой и соседский дома. Дальше асфальтовая дорожка вела между почерневшей от времени бревенчатой «Трынкиной дачей», в которой теперь жило несколько семей, и парком. Соня старалась не глядеть ни налево, где когда-то обитал злосчастный купец, ни направо, где среди мрачных кустов блуждал его окровавленный призрак. Не то чтобы она боялась, просто это было детское табу, сохранившее силу и через несколько лет.

По крутому откосу Соня поднялась на Лихачевское шоссе. Противоположная сторона дороги была застроена

деревянными пакгаузами. За горбатым автомобильным мостом через окружную железную дорогу ждал двадцать третий трамвай. По обочине протянулась цепочка сигнальных столбиков, побеленных известкой. Блестящее после дождя шоссе было безлюдно. В разрывах облаков голубело небо.

Соня закрыла глаза и пошла мимо знакомых столбиков. На каждом пятом шаге она касалась правой рукой макушки очередного столбика и удовлетворенно улыбалась. Пять шагов — касание, пять шагов — касание. Не сбиваясь с пути, она могла с закрытыми глазами пройти чуть ли не до самого моста. Это тоже была детская игра. Пять шагов — макушка, пять шагов — макушка... Вдруг что-то ее остановило. Открыла глаза — и волна ужаса прошла по спине и ногам, прирастила ступни к земле. Навстречу, словно выпрыгнув из другого мира, катился огненный клубок. По его поверхности струились зловещие желтые и оранжевые сполохи. В поведении шара было что-то гнусное, подмигивающее...

Краем сознания Соня понимала, что нужно отбежать к пакгаузам или спрыгнуть под откос к подножию высоких дубов. Но она только крепче стиснула макушку столбика, присела на корточки и зажмурилась. Огненный клубок продолжал оставаться перед ее мысленным взором. Он неотвратно катился, подпрыгивал, приближался — и ударил по ногам. Соня слабо ойкнула: конец! Но ничего не произошло. Она даже не почувствовала боли или ожога. Осторожно открыла глаза. Шаровая молния, не докатившись до нее какого-то метра, плясала между ближайшими столбиками. Цвет ее был уже голубой, нестрашный... Потом, словно ее дернули за нитку, молния шмыгнула под откос.

Соня перевела дыхание. Осторожно выпрямилась и оглядела крутой склон. Огненный клубок пропал, исчез, растворился...

И странное дело, она сразу успокоилась, словно

стряхнула дурной сон. Побежала на трамвай, поехала в парк Горького, встретила Мишку. Они слушали Гершвина в исполнении «Голубого джаза» и восторженно хлопали в ладоши. Потом дурачились до поздней ночи...

О встрече с шаровой молнией Соня никогда никому не рассказывала. Может быть, потому, что в ее реальной жизни с институтом, Мишкой, Парком культуры не было места для огненного клубка. Может быть, потому, что ей не хотелось признаться в пережитом страхе. А может быть, просто потому, что она не могла выразить словами своего тогдашнего состояния.

Прошло десять лет. Софья с отличием окончила институт, вышла замуж. Работала в геофизической партии, родила сына Женьку, защитила диссертацию. Жить было интересно. Как-то они проводили отпуск в столице у дедов. Случайно Софья узнала, что под Москвой организуется академический Институт молнии (сокращенно — ИМАН). Сама не зная зачем, поехала туда и вернулась на следующий день младшим научным сотрудником отдела шаровых молний.

2

Семья Шкляров попала в затруднительное положение.

Всю жизнь Сан Саныч мечтал иметь машину, но дальше мотоцикла не продвинулся. Свой «ижок» — «Иж-Юпитер-3» вылизывал едва ли не каждый день. Любовно копался в карбюраторе, в магнето, в коробке передач. Не давал загустеть маслу, терпеливо отфильтровывал бензин. Зато и выжимал на сухом асфальте паспортные сто двадцать километров в час.

Выходными днями он вместе с женой оглашал грохотом мотора окрестные леса. По весне собирали сморчки и строчки — для жарения, летом выискивали пузатые боровики, красавцы подберезовики и горделивые подосиновики (по-местному красноголовики) — для суш-

ки, осенью возвращались с полными корзинами чернушек, подореховиков, волнушек, груздей — для соления. Не обходили стороной и ягоды. А в отпуск гнали на рыбалку в родной Жигулевск, за световой день отмахнув больше тысячи километров. Ровно ревел мотор, «ижок» рассекал плотный воздух, словно артиллерийский снаряд. Зоя вращала в заднее сиденье и чувствовала машину не хуже Шкляра.

Ничего не скажешь — хорош мотоцикл, на многие случаи пригоден. И все-таки есть слабинка — нельзя на нем шикарно подкатить к институтскому подъезду, грациозно сдать назад, небрежным поворотом ключа заглушить мотор. А именно это ежедневно проделывали директор института на «Волге», его заместитель — на «Ладе», завыв отделами Годунов и Файбусович — на «Москвичах», завлабы — на «Жигулях» и прочая и прочая, и даже один сэнэс — на «Запорожце» старой модели. Смотреть больно.

И вот Шклярам повезло. По счастливому случаю удалось купить подержанные «Жигули». Когда прошел радостный хмель, выяснилось, что сберкнижка резко обмелела, да и в долгах они завязли по уши. Небо из финансовой пропасти выглядело с овчинку.

Надо было что-то предпринимать. Но что? Дебет семьи состоял из двухсот восьмидесяти рублей старшего научного сотрудника и ста двадцати рублей секретарши директора. Если вычесть подоходный налог, налог за бездетность и прочие выплаты, то оставалось чуть больше трехсот рублей. Правда, Годунов давно обещал Шкляру хлопотать перед директором о лаборатории. Но дальше этого не шел. Еще Шкляр подрабатывал в институтском духовом оркестре (со студенческих лет он дул в баритон). Игра на парадах, торжественных вечерах и похоронах приносила до двадцати рублей в месяц. Денежный ручеек был весьма хилым. Вот если бы играть в городском саду... Однако щепетильность не позволяла Шкляру опуститься до танцулек.

Сан Саныч несколько раз консультировался у заведомо линейных молний, с которым поддерживал хорошие отношения, по поводу покупки и содержания машины. Естественно, разговор коснулся и финансовой стороны.

— А ты иди в политех, — в своей небрежной манере посоветовал Файбусович. — На полставки.

— То есть?

— У нас в городе прозябает филиал политехнического института. Вечернее отделение. Читаю там курс физики. А ты бы мог вести практические занятия.

— Не возьмут...

— Скажу ректору — возьмут. Сначала будешь ассистентом, потом — старшим преподавателем.

— И что это даст?

— До сотни в месяц. Надо уточнить.

Шкляр подал документы и благополучно прошел по конкурсу. Однако приращения зарплаты не последовало, так как занятия со студентами начинались только осенью. А до осени еще — ой-ой-ой...

Свободное время Шкляр проводил в гараже. За месяц каторжной работы разобрал и собрал мотор, выправил погнутый бампер, заменил фары и ветровое стекло, перекрасил кузов в нежно-голубой цвет. Зоя приносила ему обеды — бутылку кефира и бутерброд с плавленым сыром. Помогала чем могла.

Как-то раз она пришла непривычно тихая. В голубых глазах тлело возбуждение.

— Что случилось, Зайка?

— Ничего, все хорошо.

— Я же вижу. — Сан Саныч потряс бутылкой. — Выкладывай.

— Знаешь... Я на рынке была. Встретила там Файбусиху...

— Ну?

— Она говорит, что институту выделили землю под садовые участки. На той неделе будут распределять.

— Та-а-ак... — Шкляр задумчиво жевал бутерброд. — Заманчиво, черт побери... Клубника, малина...

— Редиску свою ели бы, — подхватила Зоя. — Огурцы. Знаешь, почему они на рынке?

— Но ведь морока!

— Работать на свежем воздухе полезно для здоровья. Позагораем, живот свой уберешь.

— А деньги? — Сан Саныч говорил невнятно, на зубах навяз плавленый сырок. — Ведь уйма денег нужна!

— Все быстро окупится. Картошку посадим, репу. Всю зиму будем жить на своем.

— Мы же еще за машину...

— Все возьмут участки, все! — В голосе Зои звякнули слезы. — И Файбусович возьмет, и Годунов. Чем мы хуже?

— Ну, ну, Заюшка. — Шкляр ласково погладил тонкое плечо жены. — Раз тебе хочется — возьмем. Как сказал поэт: саду цвезть!

А ночью пришла гениальная мысль. Сан Саныч схватил пачку «Примы» и заперся в туалете. Долго курил, обдумывая возможные варианты. Едкий дым не успевал уходить через вентиляционное отверстие. В горле запершило, глаза слезились. Давясь кашлем, Сан Саныч торопливо ополоснул лицо под краном. План был готов.

— Заюш, — позвал он тихонько.

— А? — Зоя спала чутко и сразу проснулась. — Ты что? Сколько времени?

— Заюш, я придумал забавный тактический ход.

— Фу, накурился!.. Какой ход?

— Семьдесят рублей нам не помешают, правда?

— Ну?

— Если я стану завлабом, мы их будем иметь. Так?

— Давай-ка спать. — Зоя зевнула.

— погоди. Годунов уже год обещает выбить лабораторию. Год! Неизвестно, сколько это протянется. Надё

его как-то подтолкнуть... Понимаешь? Например, у Файбусовича появилась вакантная должность.

— Сестрицына сбежала в Москву, — кивнула Зоя. — Вчера директор подписал приказ.

— Так вот, я подам на ее место!

— Здрасьте! — Зоя даже села от удивления. — Ты же семь лет убивался на Годунова, из ничего сделал отдел. И все это оставишь дяденьке?

— В том-то и дело, что нет. Годунов — член конкурсной комиссии. Заявление попадет ему на глаза, он испугается и побежит к директору. Через месяц ты заготовишь приказ о моем производстве. Каково?

— Не знаю, — растерянно сказала Зоя. — Довольно странно.

— Так и сделаю. — Шкляр поддернул трусы и рухнул головой в прохладную подушку. — Хорошо, что от политеха остались копии документов. Возни меньше.

Некоторое время они лежали молча. Шкляр уже начал сосныпывать, когда Зоя робко позвала:

— Шурик, ты спишь?

— Сплю...

— А если Годунов согласится на твой переход?

— Он что — враг самому себе? — Сан Саныч хохотнул. — Я приношу в год десять статей и изобретений. Я — ведущий специалист по шаровым молниям. Кто останется в отделе, если я уйду? Только великий корифей Софья!

— Марсианка, что ли?

— Она... Слушай, а почему ее так зовут?

— Ну как же, женщина неземной красоты!

Сан Саныч так и прыснул от смеха.

Через несколько дней ремонт «Жигуленка» был закончен. По случаю первого выезда Зоя сделала маникюр и макияж, запаковала хрупкую фигуру в голубое платье с короткими рукавами, на висках выпустила локоны. Сан Саныч аккуратно выбрил круглые щеки и пухлый подбородок, расчесал на косой пробор длинные

рыжеватые волосы, надел легкий серый костюм. Приземистая фигура его казалась излишне полноватой, но это впечатление было обманчивым: под пиджаком круглилось не дряблое брюшко, а упругий живот профессионального «духача». Вообще Шкляры были похожи друг на друга и подходили друг к другу, как белый гриб и подберезовик.

«Жигуленок» завелся с пол-оборота, плавно взял с места, послушно повернул направо. Из оврага, в котором шпалерами стояли гаражи, он выскочил, ничуть не запыхавшись.

— Хорошо! — похвалил Сан Саныч.

— Немного трясет, — отметила Зоя.

— Сейчас.

Шкляр вышел из машины и приспустил баллоны на треть атмосферы. Теперь «Жигуленок» словно по воздуху летел.

Они проплыли по главной улице, миновали каменный мост через обмелевшую к лету речку и вырвались на просторную бетонку. Их приветствовали голубовато-зеленые пшеничные поля, залитые солнцем, и плантации с куцыми ростками молодой капусты. Вдали сизой стеной стоял лес, подпирая голубую небесную сферу.

Солнечные лучи запутались в локонах Зои. Синие вихри ворвались в боковые окна и распушили рыжую шевелюру Сан Саныча.

— А? — Шкляр подмигнул жене.

— Как в сказке!

— То ли еще будет...

Через десять минут они съехали на проселок и, весело библикая, скрылись в лесу.

Люди, как известно, по образу жизни делятся на «сов» и «жаворонков». Софья Петровна Ивернева к сорока пяти годам стала «соловьем». Так называл ее муж,

поскольку она спать ложилась поздно, а поднималась рано. Еще муж называл ее МЗД — мадам замедленного действия — за способность очень долго тлеть перед финальным взрывом. Вообще юмор у Михаила был непритязательный, и летом, когда он улетал на полевые работы в Эвенкию, Софья Петровна отдыхала. К сожалению, неделю назад на первую полевую практику уехал и Женя, студент второго курса МГУ.

Жизнь без мужа и сына имела свои минусы, но были и плюсы. Главный из них — значительная прибавка времени. Appetit у мужчин был раблезианский. Софья Петровна уставала таскать на девятый этаж полные сумки, чистить кучи картошки, мыть кастрюли и тарелки. Особенно туго приходилось в субботу и воскресенье, когда из Москвы приезжал студент, нередко с друзьями.

Если бы мужики ели меньше, Софья Петровна давно решила бы проблему искусственного получения шаровой молнии. А пока приходилось довольствоваться одним положительным результатом в сотне экспериментов. И это понятно, поскольку теория шаровой молнии не разработана. Есть только гипотезы, часто взаимоисключающие.

Одни, например, считают, что шаровая молния представляет собой уплотненную смесь азота и кислорода, пропитанную «молниевым веществом». Другие говорят — да, пропитанную, но не мифическим «молниевым веществом», а гремучим газом, где не азот с кислородом, а водяной пар. Третьи и четвертые грешат на ионизированные вихри воздуха или на смесь озона с двуокисью азота. Американцы считают, что шаровая молния является единственным видимым участком невидимой по каким-то причинам линейной молнии. Англичане предложили остроумную гипотезу, согласно которой огненный клубок образуется при аннигиляции пылинок антивещества. Очень модна кластерная гипотеза, то есть опять-таки ионизация молекул воздуха и воды, затем образование нейтральных кластеров и «молниевое ве-

щества», похожего на низкотемпературную плазму. Ну и так далее до бесконечности.

И вот что странно. Шаровая молния получалась в одном случае из ста независимо от того, какой гипотезой руководствовались экспериментаторы. Дико, но так. Шкляр выдвинул несколько новых идей. Их проверили, получили положительный результат, заявили в качестве изобретений. Авторские свидетельства пришли, но частота получения шаровой молнии от этого не увеличилась. Отчаявшись, Софья Петровна поставила серию совершенно бредовых экспериментов. Результат был прежним.

— Не надо суетиться, — учил Шкляр. — Возможно, теория шаровой молнии каким-то образом объединяет все известные и неизвестные гипотезы. В этом случае надо увеличивать их количество. А может быть, теория находится совсем в другом месте. Расширяя направления поисков, мы рано или поздно наткнемся на нее.

— Уж очень долго, — жаловалась Ивернева. — Девять лет работаю — и все без результата.

— Быстро только кошки через дорогу бегают... И почему это безрезультатно? Статьи есть, изобретения есть, на конференциях докладываемся.

— Я говорю о шаровой молнии...

— Ничего, будет и шарик.

— А практическая отдача?

— Мы — институт академический. Нас больше волнует теория, а не практика!

Может быть, Сан Саныч прав. До его появления дела в отделе шли много хуже. Люди приходили, работали некоторое время, разочаровывались и уходили. Годунов в основном администрировал и писал докторскую. По существу, только Софья Петровна что-то делала. Читала литературу, составляла картотеку о случаях наблюдения шаровой молнии в природе. Кое-как собрала установку, и на третьем же опыте в бронированной камере вспыхнул огненный клубок. Вот где бы-

ла радость! С колотящимся сердцем она стояла у смотрового окна, а голубой шар лениво плавал в замкнутом объеме. Он прожил не более минуты и медленно, без взрыва, растаял. Поманил — и пропал...

Александр Александрович Шкляр приехал с Чукотки, где работал в метеорологическом центре. Он покори всех добродушием, знанием музыки, смешными рассказами о своей жизни среди моржей и белых медведей. Энергии он был неукротимой. Бегал, доставал, пробивал. Подружился со всем техническим персоналом института, от которого зависела работоспособность установок.

Софья Петровна к людям присматривалась долго, но со Шкляром почти сразу перешла на «ты». Семь лет проработали они рядом и ни разу не поругались... Конечно, Сан Саныч слишком разбрасывается, публикует не до конца проверенные данные, склонен к саморекламе. Но таковы почти все мужчины. С мальчишеским гонором они готовы самоутверждаться до глубокой старости. Ну и пусть. Лишь бы не пили...

Город, в котором работала Ивернева, стоял на древней земле Залесья. Через него, как водится, протекала речушка. Окрестные леса летом были богаты грибами, а зимой — лыжниками. Чистый воздух и почти первозданная природа, как в Лихоборах. А если хотелось окунуться в шум цивилизации, в музыку, в театр, в магазины, то к вашим услугам семнадцать электричек до Москвы. Очень удобно.

В институт и из института Софья Петровна ходила только пешком. Асфальтовые аллеи микрорайона выводили к широкому оврагу, застроенному гаражами. Шаткая деревянная лестница вниз, мостки через ручеек, лестница вверх, и вот стоит первая хорошая знакомая, высоченная сосна с розовой кожей и узловатыми руками-ветвями. Немного в стороне торчит пивной ларек, подле которого постоянно роятся мужчины. В их сторону Софья Петровна старалась не смотреть. Она мед-

ленно шла под жгучими лучами солнца, шурилась на бревенчатые дома, украшенные резными окнами и телевизионными антеннами. Поворот направо — и вот уже издалека виден другой хороший знакомый, густолистый клен. Он особенно замечателен осенью — так и обжигает рыжей шевелюрой. Софья Петровна шла к нему, замедляла шаг в необъятной тени, а потом несколько раз оглядывалась на статную фигуру. Если в голосе сосны ей чудился орган, то клен пел виолончелями.

А по левую руку уже тянулся каменный забор ИМАНа, над которым поднимались четырехэтажные корпуса. Перед фасадом института, словно голубые ракеты на старте, стояли тянь-шаньские ели. Стеклопакеты едва успевали впускать сотрудников. Одна за другой подъезжали легковые машины. Ивернева отметила голубые «Жигули», которые подкатили с особым шиком и грациозно сдали назад. Из машины вышел Сан Саныч и его жена. Софья Петровна приветливо махнула им рукой, но Шкляр почему-то сделал вид, что не заметил. Что это с ним? Софья Петровна дернула плечиком и затерялась в толпе...

Телефон надрывался от звона. Ивернева поднималась по железной лестнице на антресоли, рылась в сумочке в поисках ключа, отпирала свой кабинет, а он все дребезжал, нервно и нетерпеливо.

— Да?

— Софья Петровна! — Голос у Годунова нервный, нетерпеливый. — Зайдите ко мне!

— Что случилось?

В трубке уже короткие гудки. Странно, и этот не хочет здороваться. Только вчера вернулся из отпуска, а уже нервный...

Софья Петровна неторопливо надела белый халатик, внимательно застегнула пуговицы, переобулась. Глянула в зеркало. За прошедшие годы она почти не изменилась. Только вместо косы — пучок волос в виде

лошадиного хвоста да чуть-чуть подкрашены губы. А глаза за стеклами очков по-прежнему карие, выразительные.

Годунов встретил Софью Петровну в дверях кабинета. Он был высок, по-юношески строен, но лыс. Тонкий нос его нервно вздрагивал, узкий рот кривился в растерянной улыбке.

— Здравствуйте. — Ивернева выжидательно остановилась.

— Здравствуйте. — Годунов торопливо прошел мимо ряда стульев у стены и сел. — Садитесь.

Ивернева приутилась на краешке стула.

Годунов переложил бумаги с одного конца стола на другой, позвенел ключами. Достал из ящика пачку сигарет, неумело прикурил. Задохнулся дымом, заперхал. «Тоже мне куряка! — подумала Софья Петровна. — Что это с ним?»

— Вот что. — Годунов поднял заслезившиеся от кашля глаза. — Шкляр уходит.

Ивернева промолчала. С каких это пор уход сотрудника в летний отпуск сопровождается такими переживаниями?

— Переходит в отдел линейных молний... Не поставив меня в известность, не предъявив никаких претензий. По сути дела — за моей спиной. — Годунов раздавил на бумажке сигарету, поморщился от дыма. — Я был в командировке, потом в отпуске. Ничего не знал... А он подал документы на конкурс. В четверг ученый совет...

Софья Петровна крутила пуговицу на халате.

— Директор сообщил обо всем вчера вечером. У Файбусовича, мол, открывается новая тема. Перспективная тема, нужная для института. Необходим, мол, деятельный завлаб.

— А мы?

— Вы знаете, как нас жалуют... Да и результатов маловато.

— Но есть же статьи, изобретения! Их соавтором, кстати, является и директор.

— Статьи — это слова, из них шаровую молнию не сделать. А шкляровские изобретения не возьмется внедрять ни одно предприятие. Дураков нет.

— А что, если... — Софья Петровна уже открутила пуговицу и покусывала ее мелкими зубками. — А что, если поговорить с Сан Санычем?

— Я этого двурушника... видеть не хочу!.. В общем, вы ответственный исполнитель по теме. Принимайте дела. В ближайшее время встретимся, обсудим программу. Может быть, придется ее корректировать. — Годунов вздохнул. — Посыпалась моя докторская...

4

«Примерно под 64° сев. широты и 104° вост. долготы.

По здорову ли живешь, Соловушка свет Петровна!

Долгое время от тебя ничего не имел. Причиной тому нагрянувшие невесть откуда дожди с грозами, низкой облачностью, сильным ветром и прочими причинами нелетной погоды. Вчера наконец прискакал вертолет с тремя твоими письмами и даже одной открыткой от Женьки. В связи с этим имею сообщить, что по-прежнему люблю тебя и даже более того... *

. . . . .

А теперь расскажу приключенческую историю, которая могла стать трагедией, если бы не окончилась благополучно. Описываю подробно, потому что она заслуживает занесения в твою картотеку.

Итак, дождь сеял как из лейки. Временами погромыхивало, но молний видно не было. Тайга промокла на-

---

* Далее идут две страницы, носящие частный характер.

сквозь. Все соседние сопки затянуло сырой дымкой. Под деревьями капало сильнее, чем на открытых местах. Поэтому мы не прятались (со мной был Коля Абылхожин), а колотили образцы на кальцитовый жиле. Дождь тарахтел по капюшонам штормовок, создавая палаточный эффект. Иллюзия уюта в окружающей грязи... Мы нашли довольно много приличных кристаллов и два, по моему мнению, уникальных. Представляешь — совершенно бесцветные и прозрачные. Я пожалел, что не могу тут же посмотреть их на интерферометре. И тут таежная сила сжалилась над нами. Дождь перестал, подул восточный ветер и в полчаса разогнал рыхлые облака. В просветах засверкало солнце. Тайга, которая недавно казалась серой, сумрачной, хлюпающей, сразу налилась изумрудной зеленью. Впрочем, тут же налетели комары. Я съел, по крайней мере, двух, пока доставал из рюкзака мой доблестный полевой интерферометр ИП-13М. Коля выложил самые интересные кристаллы. Беглый просмотр показал, что мы не ошиблись. Те два бесцветных образца оказались выше похвал. Представляешь — ни малейших трещин, включений, свилей, напряжений и плоскостей с интерференционной окраской. Да и размеры вполне убедительные. Эта сопка даст столько оптического кальцита, что с лихвой окупит наши трехлетние поиски. Короче, мы нашли промышленное месторождение и заслуживали почестей и премий. Но это к слову.

Вдруг сдержанный Коля стал как-то странно хкекать и тыкать в воздух пальцем. Я удивился и посмотрел. И вскочил. Прямо на нас плыл голубоватый шар (а ветра уже почти не было). Он напоминал первомайский воздушный шарик, за ним даже тянулся тонкий шнурок. Потом я разглядел, что шнурок был какой-то ненастоящий, похожий на водосворотик, когда из ванны выходит вода. Временами на нем что-то мелко-мелко вспыхивало или искрило. Сам шар светился бледным светом. Раза два он как бы лопался, испуская более сильный

голубой свет (пахло озоном), но тут же снова возникал. Листья кустарника и травинки при его приближении шевелились и тянулись к нему. При этом они освещались белесо-голубым светом, что особенно хорошо было видно, когда солнце зашло за тучу. А вот комары от шара отскакивали как ошпаренные. Они буквально ша-рахались.

Да, забыл сказать, что сам шар аккуратно обходил все препятствия. Огибал кустики, поднимался там, где трава была выше, проплыл точно между двумя каменными глыбами. Размером он был с нашу люстру, что в кухне, — сантиметров двадцать — двадцать пять в поперечнике. А летел примерно на уровне моей груди. Звук никаких не издавал.

Мы с Колей стояли словно каменные бабы. Шаровая молния целилась прямехонько мне в грудь и не думала сворачивать. До нее оставалось не больше двух метров. Я инстинктивно закрылся интерферометром. Почему-то прибор шару не понравился. Он застыл на месте, потом медленно двинулся в сторону. Я осторожно поворачивался, заслоняясь все тем же ИПом. Сообразительный Коля спрятался за меня.

Шар катился вниз по склону сопки, пролетел между двумя лиственницами и скрылся в чаще. Мы долго смотрели в ту сторону, но не слышали взрыва и не видели вспышки. Минут через десять пошел дождь...

Вот так твоя любимая шаровая молния едва не уколошила не менее (надеюсь!) любимого супруга!

Однако шутки в сторону. Для вящего привлечения внимания и чтобы облегчить работу твоим подслеповатым глазкам, дальше пишу большими буквами.

ЗАКРЫВАЯСЬ ИНТЕРФЕРОМЕТРОМ, Я СЛУЧАЙНО ВЗГЛЯНУЛ НА ШАРОВУЮ МОЛНИЮ В ОБЪЕКТИВ. ТАК ВОТ: В ПОЛЯРИЗОВАННОМ СВЕТЕ БЫЛА ВИДНА ИНТЕРФЕРЕНЦИОННАЯ ФИГУРА В ВИДЕ ПРЯМОГО КРЕСТА! ЭТО СОВЕРШЕННО ТОЧНО, ПОТОМУ ЧТО, КОГДА ШАР ОТПЛЫВАЛ,

Я УСПЕЛ СФОКУСИРОВАТЬ ОБЪЕКТИВ. БАЛКИ КРЕСТА ПОЧТИ ЧЕРНЫЕ, ПРОСВЕТЫ МЕЖДУ НИМИ — ОТ ТЕМНО-СЕРЫХ ДО СИЗОВАТО-СЕРЫХ.

Полагаю, что я первый человек, который исследовал шаровую молнию с помощью...

Соня, прости, меня торопят. Сейчас вертолет уйдет в Туру.

Береги себя. Целую. Миша.

Р. С. Кстати, подобные кресты характерны для сферолитов и напряженных кристаллов. Еще раз целую. М.».

5

Они стояли около установки, заглядывая в смотровые окна. Годунов в белом халате напоминал шеф-повара, по небрежности не прикрывшего лысину высоким колпаком. Софья Петровна возбужденно шмыгала носом. Чуть слышно тарахтел насос, стрелка вакуумметра медленно ползла вправо. «Пора», — прошептала Ивернева и перекрыла кран. Одновременно она отвернула вентиль баллона с жидким озоном. Сбоку камеры ударила темно-синяя струя, но тут же распушилась, взлохматилась, превратилась в клубы тумана, который быстро заполнил камеру. Блестящие шары электродов стали матовыми.

— Даю разряд, — сказала Ивернева.

Ярко-желтая волнистая линия мгновенно соединила электроды. Послышался резкий треск, приглушенный бронированными стенками камеры. И почти тут же на линейной молнии, словно бусы на нитке, вздулись разнокалиберные голубые сфероиды. Самые крупные достигали двадцати сантиметров в диаметре. Линейная молния исчезла, и бусы медленно поплыли в разные стороны, не приближаясь, однако, к стенкам камеры. Некоторые взрывались наподобие мыльных пузырей,

некоторые прыгали друг на дружку и сливались, на какое-то время становясь фиолетовыми.

Годунов смотрел, напряженно щурясь и оскаля ровные зубы. Пальцы его, стиснувшие поручень, побелели.

— Интерферометр, — напомнила Софья Петровна.

Годунов заглянул в окуляр. Крутнул его, настраивая резкость. Один из сфероидов вплыл в поле зрения. Он казался не голубым, а серым. Сфероид был перечеркнут густо-фиолетовым крестом, балки которого к центру быстро сужались.

— Да, — выдохнул Годунов. — Действительно.

В камере остался только один шар, самый крупный. Он прыгал в разные стороны, будто его дергали. По поверхности плыли какие-то разводы, пятна, спирали. Годунов потер ладонью уставшие глаза. Когда он опустил руку, шар уже исчез.

— Минута двадцать восемь, — громко сказала Ивернева.

— Что?

— Я говорю: шаровая молния жила полторы минуты.

— Да... Сколько экспериментов вы провели?

— Сорок восемь.

— Какова воспроизводимость?

— Сто процентов.

— Почему не сказали раньше?

Софья Петровна пожала плечами:

— Я же говорила о газовых кристаллах...

— Да? — Годунов потер лысину. — Помню... Но я думал, что вы излагаете очередную бредовую идею. Жидкие кристаллы, газовые кристаллы — чушь какая-то! Кристалл — это вещество в твердом состоянии. Так?

— Не так. Кристалл — это вещество, атомы которого расположены упорядоченно.

— Впрочем, вы же наполовину геолог...

— Жидкие кристаллы широко распространены и употребляются, например, в электронно-счетных приборах. Шредингер говорил, что живой организм — это

многокомпонентный, биологически специализированный жидкий кристалл. Например, хрусталик глаза — типичный жидкий кристалл. Под микроскопом в поляризованном свете в нем видна интерференционная фигура в виде креста.

— Вот как сейчас?

— Да. Молекулы в жидких кристаллах представляют собой длинные цепочки, расположенные закономерно. Поэтому они и кристаллы.

— Однако вы подковались...

— Значит, если молекулы газа выстроить закономерно, то получится газовый кристалл. — Софья Петровна поминутно протирала очки и снова водружала их на свой острый носик. — Возьмем шаровую молнию. Почти все случайные наблюдатели утверждают, что в момент ее распада чувствуется резкий запах озона. Отсюда гипотеза: шаровая молния — это газокристалл, сложенный молекулами озона.

— Постойте, постойте. Молекула озона состоит из трех атомов кислорода, соединенных двойными валентными связями. Нечто вроде скобочки с углом при вершине около ста семнадцати градусов. А вы говорили, что должны быть длинные цепочки атомов. Что-то не вяжется...

— Полимеризация! Я нашла условия, при которых электрический разряд обрывает одну из связей. Скобочки начинают цепляться друг за друга, образуя длинную цепь.

— Хм... — Годунов пожевал губами. — Похоже на правду. Экспериментальное подтверждение тоже налицо...

— Только живут они мало, — сказала Софья Петровна. — Одну-две минуты.

— Не сразу Москва строилась. Надо работать.

Никогда в жизни Ивернева не работала с таким увлечением. Энергия переполняла ее. Она чувствовала себя бомбой в момент взрыва. Она понимала, что с по-

мощью Михаила поймала кончик огненного клубка. Теперь надо тянуть за него, тянуть терпеливо, без суеты, чтобы, спаси-сохрани, не оборвать... А почему, собственно, огненный? Высокая энергия нужна только для обрыва валентной связи, а дальше газовый кристалл может существовать в обычных условиях. Она провела ряд температурных замеров и убедилась, что права. Шаровую молнию можно было держать в руках, не обжигаясь. Но как увеличить продолжительность ее жизни?

Ивернева знала, что озон образуется при возбуждении молекул кислорода ультрафиолетовыми лучами. Он скапливается на высоте десяти-пятидесяти километров, образуя озоносферу. Озоносфера — это броня, которая спасает всех живущих на земле от жесткого космического излучения. Значит, надо исследовать лабораторные шаровые молнии в лучах с различной длиной волны. А что, если озоносфера — это колоссальная шаровая молния, в центре которой спрятан земной шар? Вот поистине сумасшедшая идея! Мы окружены газовым кристаллом, который существует десятки миллионов лет! Значит, и лабораторные шаровые молнии могут жить долго. И тогда для них найдется практическое применение. Например, лазеры с рабочим телом в виде газокристалла...

Однажды, когда Ивернева копалась в своей картолке, в кабинет заглянул Шкляр.

— Привет! Удели несколько минут гордому машиновладельцу.

— И дачевладельцу?

— И ему! — весело согласился Сан Саныч, проходя и садясь. — Ты знаешь, я официальные бумаги уже подписываю так: «Александр А. Шкляр, эсквайр». Все выходные торчу на участке.

— Копаешься?

— Копаешься — не то слово. Землю рою! Поливка, прополка, подвязка, прореживание...

— Саня, извини, я занята очень. Ты что хотел?

— А вот что. Я вижу, ты здесь засыхаешь. Загниваешь на корню. Вкальываешь аки зверь, а толку чуть. Один шарик в ста опытах — это разве результат? А может, его вообще нельзя получить? Зачем зря мучиться?

Софья Петровна молча перебирала карточки.

— В моей лаборатории появилась вакансия сэнэеса. Турнул одного бездельника. Предлагаю тебе это место и интересную работу. Файбусович — за. Что скажешь?

Ивернева нашла наконец карточку.

— Знаешь, Саня... В общем, каждый человек рано или поздно встречается со своей шаровой молнией. Про Рихмана знаешь? Он экспериментировал с атмосферным электричеством. Во время одного из опытов его убила шаровая молния. Послушай, что написал Ломоносов о своем друге: «Умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность». Понимаешь?.. К сожалению, этого не скажут о тебе.

— Ну, ну. — Шкляр встал. — Все-таки подумай. Предложение остается в силе.

А через неделю в кабинет Софьи Петровны зашел Годунов. Событие это было редкостное. Лысина начальника отливала розовым, узкое лицо расплылось в улыбке.

— Я тут почитал кое-чего... Оказывается, при охлаждении расплава образование кристаллов необязательно. Очень часто получается стекло, в котором атомы расположены хаотично.

Ивернева кивнула.

— Чтобы получился кристалл, надо добавить стабилизирующую добавку. Например, при кристаллизации фианита в расплав подсыпают оксиды кальция или урана.

Ивернева сжала щеки ладонями.

— Значит, и нам надо в озон что-то добавить. Какой-нибудь газ, стабилизирующий газовый кристалл.

— Борис Николаевич, вы гений! Я знаю, что надо добавить!

6

По случаю десятилетия ИМАНа был устроен торжественный вечер. Конференц-зал, украшенный портретами, лозунгами и флагами, блистал. Женщины щеголяли туалетами, мужчины позванивали медалями. Шкляр сидел в президиуме во втором ряду и с удовлетворением выслушал праздничный приказ, в котором его фамилия упоминалась дважды. Нашел глазами Зою в голубом макси, озорно подмигнул. Жена укоризненно покачала головой. Затем они гуляли по длинным коридорам, стены которых были увешаны юмористическими рисунками из жизни института. На одном из листов Шкляр был изображен в виде Юпитера, размахивающего линейными молниями. Сан Саныч посмеялся.

Из зала доносилась музыка: там попеременно играл духовой оркестр и крутили диски. Молодежь танцевала.

— Может, попляшем? — спросил Шкляр.

— Есть предложение спуститься в буфет. — Это сзади к ним подошел Файбусович и взял под руки. — Есть шампанское. Я заказал столик.

— Дельно!

Они влились в поток людей, который медленно стекал по лестничным маршам. Навстречу катился другой поток: шумный, веселый, возбужденный. На первом этаже у длиннейшей стенгазеты стояла Ивернева. Закинув голову и встав на цыпочки, она читала какую-то заметку.

— Обрати внимание на марсианку, — шепнула Зоя. — Смех, да и только.

Сан Саныч оглянулся.

— По-моему, сегодня она в порядке. Даже прическу сделала.

— Ты на ее палец посмотри. Я давно обратила внимание — нацепила перстень с громадным голубым кабошоном. Никакого вкуса. Он ей идет, как корове седло.

— Это не камень, — скучным голосом сказал Шкляр. — Это шаровая молния.

— Как?! — Зоя попятилась. — Она что, с ума сошла? Взрыв хочет устроить?

— Не бойся, неопасно. У шаровой молнии несколько разновидностей. Софья таскает обыкновенный газокристалл, заключенный в кварцевую ампулу. Говорит, что изучает продолжительность его жизни, а сама хвастает, конечно.

— Значит, ей удалось?

— Заюш, иди в буфет. Мне надо сказать ей пару слов.

Зоя скорчила недовольную гримаску и ушла.

— Позвольте приветствовать вас, дражайшая Софья Петровна, — дурашливым голосом пропел Шкляр. — Допустите к ручке.

Ивернева оглянулась:

— Здравствуй, Саня. А я тебя и не видела.

— Где уж нам уж...

— Смотрела в оркестр — там нет. Подумала: не заболел ли?

— Ну что ты! Мне в оркестре сидеть неуместно. Я президиумы украшаю.

— Поздравляю.

— Сколько живет? — Сан Саныч кивнул на перстень.

— Второй месяц. Представляешь — никаких поверхностных явлений. Вполне стабильный кристалл! Похоже, мы близки к оптимальному соотношению газов.

— Я же говорил, что получим шарик! А ты еще сомневалась!

— Да уж...

— Заявку на изобретение оформила?

— Еще не все ясно. Годунов считает, что работа тянет на открытие.

— Даже так? А что — очень даже может быть... Хочешь, заскочу как-нибудь? Дельную мысль подам!

— Ты иди сразу к Годунову...

— Слушай, давай за наш столик! Выпьем по бокалу шампанского за здоровье газокристалла. Пускай живет долго! А?

— Извини, Саша, домой надо. Сегодня суббота, приезжает сын. Как всегда, голодный...

Софья Петровна кивнула и пошла за шубкой.

На дворе была ночь. Свет, бьющий из стеклянных дверей, выхватывал из темноты крупные снежинки, которые плавно опускались на землю, на кусты, на голубые ели. Соня подняла голову и попыталась поймать одну снежинку ртом. Но та не далась, уплыла в сторону. Газовый кристалл сиял драгоценным голубым огнем и согревал руку. Хорошо...

ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ АЛМАЗОВ

Выбравшись на скальную плиту, Икативарух резко потряс гибким телом. Капли лавы разлетелись в разные стороны, застывая на лету, юркими шариками запрыгали к реке. Спиралл распластался на плите, отдыхая и раздумывая: сразу ли катиться на праздник извержения вулкана или заглянуть в кристаллотеку? Решил сначала обменять прочитанные кристаллы, а то после праздника нечем будет заняться. Ивалгалла все еще сердита на него, а Биядегель с головой погрузился в тяжелые изотопы.

Икативарух глянул на летящие облака (любопытно, исполнится ли предсказание метеорологов?) и заспешил домой. Наскоро перекусив, вложил в грудную капсулу прочитанные кристаллы и вышел на дорогу. Следов ночного землетрясения не было заметно. Дорожные рабочие успели залить трещины и убрать скальные обломки. Икативарух дробно пробежал по отшлифованной лавовой дороге, набирая скорость, оттолкнулся хвостом и кувыркнулся через голову, завивая длинное тело в плотную спираль.

Он катился довольно резво, поддерживая скорость неуловимо быстрыми ударами хвоста. Слегка наклонялся, вписываясь в крутые повороты. Полусферические глаза, далеко выступающие по обе стороны, внимательно смотрели вперед. Вот промелькнуло знакомое оранжево-красное озеро. Икативарух лихо выкатил на шумную магистраль, едва не задев пожилого спиралла.

— Осторожней надо бы! — недовольно просигналил тот.

— Простите, — устыдился Икативарух, сбавляя скорость.

В просторном зале кристаллотеки два юных спиралла копались в груде разноцветных книг да старенькая Агузибилла медленно обходила стеллажи. Завидев Икативаруха, кристаллотекарь заспешила к нему. Спросила ласково:

— Уже прочитали?

— Да. — Икативарух вежливо прикрыл глаза. — Хотелось бы посмотреть новинки.

— Получили последнюю книгу Ичмасاما.

— Не очень-то он мне нравится, — качнул головой спиралл. — Слишком необузданная фантазия.

— Вы имеете в виду «Путь спираллов»? А знаете, совсем недавно прошла конференция с участием видных ученых. Было много споров, но основные идеи Ичмасамы получили признание. Действительно, содержание радиоактивных элементов падает, Земля медленно остывает, и спираллам пора задуматься о будущем.

— И заселить звезды?

— В этой идее есть рациональное зерно.

— Ичмасам слишком мрачен. Вспомните душераздирающие картины застывших рек и озер с вмерзшими трупами спираллов!

— Писатель несколько сгустил краски... Но ведь это литературный прием! Автор воздействует на наше воображение...

— Земля никогда не остынет, это слишком невероятно!

— А вы сопоставьте данные палеогеографии. Два века назад реки были шире, а озера глубже. Извержение вулкана считалось заурядным явлением, никому в голову не приходило превращать его в праздник... Фантасты ошибаются гораздо реже, чем вы думаете! Даже книги-кристаллы, малые по размеру, но емкие и практически неуничтожимые, — их идея! Может погибнуть цивилизация спираллов, — пошутила Агузибилла, — но книги останутся. Новые разумные существа, которые

заселят остывшую Землю, будут находить кристаллы и удивляться им...

— Хорошо, — сдался Икативарух. — Я возьму роман Ичмасам.

Кристаллотекарь удовлетворенно кивнула и принесла удлиненную сверкающую книгу. Она имела едва заметный желтоватый оттенок и безукоризненную прозрачность. Хорошее издание... Икативарух поблагодарил, вложил кристалл в грудную капсулу и покатился к вулкану.

Праздник еще не начался, хотя вокруг чуть подрагивающего исполинского конуса уже толпились спираллы, в основном молодежь. Икативарух сразу увидел Ивалгаллу и смущенно подошел к ней, но та смотрела на облака и сделала вид, что ничего вокруг не замечает. Он все-таки стал рядом и тоже принялся смотреть вверх.

В небе творилось нечто редкостное. Над самым пиком вулкана плотность облаков явно уменьшалась. В желтовато-красной клубящейся массе появлялись разрывы, которые то расширялись, то сужались, обнажая непривычное темное, почти черное небо. Резкий порыв верхового ветра вдруг расчистил небосвод, и потрясенный Икативарух увидел над головой оранжевый диск.

— Солнце! Это же солнце!

— Как прекрасно! — шепнула Ивалгалла, будто бы невзначай касаясь Икативаруха.

Спиралл замер, мысленно прославляя метеорологов за сбывшийся прогноз.

В этот момент началось извержение.

Земля содрогнулась, вершину вулкана окутал густой желтый дым. Вслед за посыпавшимися камнями и пеплом из кратера выглянул огненный язык лавы и заструился вниз по крутому склону.

Молодые спираллы словно обезумели. Они с воплями носились вокруг вулкана, ловко уворачиваясь от крупных камней, ловили щупальцами мелкие, обсыпали

друг друга пеплом, брызгались лавой. Старшие солидно стояли поодаль, укоризненно поглядывая на молодежь. Но чувствовалось, что праздничное настроение охватило и их. Они не сердились, не читали скучных нотаций, а блаженно стояли под хлопьями теплого пепла, который толстым слоем оседал на их длинных телах.

Икативарух ликовал вовсю. Он гонялся за Ивалгаллой, с разбега тыкался ей в бок крутым лбом, валялся в мягком пепле. В самый разгар праздника явился Биядегель, бросив скучную лабораторию и изотопы. Друзья с двух сторон подхватили Ивалгаллу, занесли чуть ли не к жерлу вулкана и съехали на потоке лавы. А потом долго отдыхали, зарывшись в легкий пушистый пепел.

«Какое счастье! — думал Икативарух. — Какая радость — этот праздник! Какое блаженство — чувствовать рядом друга и любимую! И как скучен гениальный Ичмасам, который, наверное, и сейчас торчит у себя дома, придумывая очередную чепуху об остывающей Земле...»

АЛМАЗ «ШАХ»

Сергею Павлову

1. ПЕРВАЯ НАДПИСЬ

Положение алмаза подобно положению господина, которому подчиняются низы и чернь.

Абу-р-Райханал-Бируни

Глубина алмазной копи достигла ста локтей, даже в полдень лучи солнца не освещали ее дна. Рабочие кайлили забой по колено в воде, потому что гирлянда тростниковых ковшей, приводимая в движение высоким колесом, не поспевала вычерпывать ее. Вода была повсюду: стекала с каменистых стен, била холодными струйками из дырявых ковшей, ледяным дождем проливалась из большой корзины с алмазоносной породой. Верхние рабочие медленно поднимали ее воротом, и корзина, покачиваясь на лохматой веревке, ползла мимо сторожевых ниш.

Забой был наполнен плеском стекающей воды, хлюпающими ударами кайл, непрекращающимся сиплым кашлем. Многократное эхо умножало шум, наполняло уши болезненным гулом. И все-таки Суних сразу услышал, когда алмаз тонким голосом позвал: «Я здесь!» Юноша замер на мгновение, бросив косой взгляд на ближайшую нишу. Стражники стояли с обнаженными мечами и следили за рабочими. Но что они могли разглядеть в сырой полутьме? И Суних продолжал с силой опускать двуклювое кайло, а острый алмаз под пятой все кричал: «Я здесь! Я здесь!»

Юноша сжал камень пальцами правой ноги и медленно, не прекращая работы, отодвинулся к дальнему от стражников концу забоя. Здесь он закашлялся, перегибаясь пополам, выхватил камень из воды и, захлебыв-

ваясь в кашле, быстро рассмотрел его. Это был алмаз! Неправдоподобно большой алмаз, длинный, как палец! Перст аллаха! Даже в темноте он сиял теплым желтоватым светом, и Суних поспешно погасил сияние в складках мокрой набедренной повязки. А потом его руки сделали то, что не сразу осмыслила голова. Они вложили камень в рот Суниха, запихнули его подальше к глотке, и юноша, давясь и раня язык ледяными ребрами, судорожно глотнул. Боль обожгла пищевод, но голова наполнилась радостным звоном: «Мой алмаз, мой!»

Незаметно истекло время работы. Нижних рабочих одного за другим извлекли на поверхность. Здесь их по обыкновению долго обыскивали. Суних безропотно стоял перед надсмотрщиком, который копался в его набедренной повязке, смотрел между пальцами рук и ног, заглядывал в ноздри, уши и рот. У надсмотрщика вдруг загорелись глаза:

— Собака! У тебя изрезан язык! Ты проглотил алмаз!

— Нет! Клянусь аллахом, нет! — испуганно запричитал юноша.

Два стражника схватили его и оттащили в сторону. Суних задергался в грубых руках. Мертвея от ужаса, смотрел, как подходит к нему кривоногий надсмотрщик. Блеснул изогнутый коготь кинжала...

...Устад-Суних вздрогнул и проснулся. Тело было мокрым от пота. Из узкого окна тянуло свежестью раннего утра. Мастер судорожно перевел дыхание, освобождаясь от ночного кошмара. Ликующие вопли ахмаднагарских петухов развеяли остатки наваждения.

Устад стер ладонями пот с лица и груди. Кряхтя, привстал на циновке, вынул из деревянной шкатулки продолговатый кристалл.

Поистине неисповедимы пути аллаха! Давным-давно Устад-Суних нашел этот камень в копиях Голконды,

сумел утаить и принести в Ахмаднагар *. Перекупщик заплатил не очень много, но денег хватило, чтобы открыть мастерскую. И Суних продолжил работу своего деда, нашедшего способ вылушивать из бесформенных алмазов сверкающие октаэдры, и работу своего отца, который научился гранить непобедимые алмазы, но умер от голода. Через пять лет слава о молодом мастере вышла за пределы Ахмаднагара, и Устад-Суних раздавил конкурентов, погубивших отца. О длинном алмазе он почти не вспоминал.

И вот волей аллаха удивительный камень снова в его руках, и на самой твердой грани, грани октаэдра, вырезана надпись — дело, неслыханное доселе в мусульманском мире!

Каждое утро в лучах солнца и каждый вечер при свете свечи Устад-Суних разглядывал буквы, которые сначала едва распознавались в виде ничтожных царапин, и только после многих недель работы приобрели глубину и четкость. И хотя из букв складывалось имя Бур-Хана, ничтожного и капризного правителя Ахмаднагара, присвоившего титул Низам-Шаха **, Устад-Суних любил многократно перечитывать надпись, вырезанную собственными руками. Мастер спешил насытить взор, ибо алмаз придется вернуть в сокровищницу Бур-Хана. Работы осталось немного: вырезать текущий год, всего лишь вертикальный штрих и три точки — тысячный год со времени переезда пророка Мухаммада (да святится его имя!) из Мекки в Медину ***.

Устад-Суних отрешился от суетных мыслей, совершил омовение и утренний намаз. Потом наскоро позавтракал куском лепешки с изюмом, запил чистой водой и подошел к низкому рабочему столику. Все на месте, но алмазный порошок кончается. Недовольно ворча на за-

---

* А х м а д н а г а р — город и султанат в средневековой Индии.

** Н и з а м - Ш а х — «Владыка Порядка».

*** Это произошло 16 июля 622 года н. э.

держку, мастер вытащил ящичек с камнями-сырцами. Самые крупные из них весили полтора и два дирхема *, имели неправильную форму и выщербленные ребра. А зазубренный алмаз — дурная примета, ибо он побежден. Суровое правило мастеров гласило: «Алмаз высшего качества должен иметь вершины, грани, ребра в числе 6, 8 и 12, острые, ровные, прямолинейные». Требуются великая осторожность, верный глаз и точная рука, чтобы из бесформенного камня вылущить «хавай ал-мас» — алмазный октаэдр или хотя бы «нарийя» — тетраэдр. Этими достоинствами и сверх них многими другими наделили Устад-Суниха дед и отец. А теперь он сам обучает искусству многочисленных подмастерьев и учеников.

Мастер набрал полную горсть камней и подышал на них, согревая. Затем погрузил алмазы в чашу с рас-солом, в котором промывали серебро. Когда поверхность воды разгладилась, стало видно различие между камнями. Одни — и таких было мало — казались белыми, иные — красными и желтыми, но больше всего оказалось черных и серых. Устад-Суних собрал все белые камни, разложил на шерстяной тряпиче. Выбрал самый крупный, вставил острым концом в свечу и посмотрел сквозь него на солнце. Желтые и красные искры ослепили глаз, маленькое лицо устада сморщилось от удовольствия. Да, это брахман, алмаз отборного сорта. После исправления им можно инкрустировать меч, или вставить в ожерелье, или украсить чалму. Для других, низших сортов тоже найдется применение: красные кшатрии пойдут на перстни, запястья и браслеты, желтые вайшьи — на пояса, черные шудры — на ножные украшения. Поистине велик аллах, усыпавший русла рек Голконды столь разнообразными по цвету алмазами!

Понемногу начали собираться подмастерья, работа в мастерской потекла своим чередом.

---

* Дирхем — мера веса, равная 3,125 грамма.

Самую рискованную операцию — раскалывание алмазов по плоскостям спайности — выполняли опытные подмастерья, которые через два или три года сами станут устадами. Острыми алмазными осколками они прочерчивали линию раскола, вставляли лезвие тупого ножа так, чтобы его плоскость совместилась с плоскостью спайности, и резко били по тупею. Камень распадался на две части, выявляя сверкающую грань октаэдра. Последовательно обнажались остальные семь граней, и бесформенный кусок превращался в камень высшего качества — «хавай ал-мас».

Менее опытные подмастерья бережно собирали непригодные для изделий осколки, закатывали в свинцовые лепешки или вместе с воском набивали в тростниковые трубки. Легонько били сверху, пока сила ударов не одолевала алмаз и он не раскрашивался. Затем свинец или воск плавили в тигле. В жидком воске алмазный порошок тонул, в расплавленном свинце всплывал на поверхность. Его тщательно, до крупинки, собирали, смешивали с наждаком-сунбазаджем и полученный порошок использовали при полировке драгоценных камней.

Мальчикам-ученикам мастер показывал, как обращаться с камнями, как из алмазного порошка и смолы изготавливать абразивные круги, как вращать эти круги с помощью ручных дрелей, имеющих вид натянутого лука. Однако большинство учеников тупы и нерасторопны. Они пригодны лишь для того, чтобы подметать пол, бегать на базар за лепешками или сидеть с опахалами над алмазной пылью и отгонять мух, дабы те не унесли в хоботках драгоценный материал. Устад-Суних обессиливал, вкладывая в учеников трудолюбие и знание: бил тростниковыми трубками, подвешивал за пояс к потолку, обливал жидким воском. Чаще всего усилия пропадали даром. Немногие ученики выходили из подмастерья, прочих же отправляли на алмазные копи Голконды или Коллура, благо они могли отличить алмаз от кварца или граната.

Среди будничных забот Устад-Суних продолжал выполнять заказ Бур-Хана — заканчивал гравировку надписи на длинном алмазе весом в четыре мискаля и один кират *. На кончик стальной иглы, смоченной жиром, он набирал немного алмазной пыли и без конца царапал по треугольной грани камня. Медленно углублялась надпись, текли дни, разделенные пятью намазами на четыре части, незаметно проскакивали короткие летние ночи. А в голове зрели дерзкие мысли. Вот есть он, Устад-Суних, великий мастер и знающий, что он — великий мастер. И есть правитель Ахмаднагара, возмнивший себя Низам-Шахом. Оба они всю жизнь провели среди драгоценных камней, найденных голодными рабочими и отобранных надсмотрщиками за кусок лепешки. Таков порядок в стране «Владыки Порядка».

Жизнь и поступки каждого мусульманина предопределены. Народ увязает в нищете, шахи и султаныкупаются в золоте. Так угодно аллаху. Великий мастер, знающий только радость работы, слепнет над алмазом, вырезая имя ничтожного владыки, а не свое. Так угодно аллаху... Зачем же всевышний (да святится его имя!) вкладывает в голову устада смутные мысли? Почему он указывает путь, который хотя бы частично восстанавливает справедливость? Значит, это угодно ему...

Так пусть же исполнится воля аллаха!

И вдохновенный Устад-Суних покрыл готовую надпись на треугольной грани кристалла тонким слоем воска, остройшей иглой вывел еще три буквы, хитроумно соединив ими выгравированную дату. Затем по восковому трафарету принялся вырезать их, не жалея алмазной пыли. Он забыл о сне, урывками молился, не следил за порядком в мастерской. Никогда в жизни он не работал так усердно и терпеливо, никогда раньше его рука не была так сильна и точна. И когда заключительное

---

* Мискаль и кират (современное — карат) — меры веса, равные соответственно 4,464 и 0,2 грамма.

слово было готово, Устад-Суних тщательно очистил надпись от алмазной пыли, вымыл камень и на тонком шлифовальном круге отполировал треугольную грань. И еще раз обмыл алмаз в воде, окуная его, как младенца.

Теперь грань сияла отраженным солнечным светом и внутренним золотистым пламенем самого камня. На ослепительном фоне резко выделялась надпись, при небольшом повороте на гибких буквах вспыхивали красные и желтые искорки. Последнее слово под годом гравировки в соответствии с правилами арабской грамматики не содержало гласных и выглядело как «снх». Непосвященные узнавали в нем слово «санах», что в переводе означает «год». Но оно было наполнено другим смыслом — тайным, подлинным и справедливым. Через века и страны царственный алмаз нес на своей грани имя великого устада — Суниха!

2. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ БЛОНДИНОК!

Пламя во дворце пылает — здесь алхимия
царит,
Пепел превращает в яхонт, огненный
алмаз творит.

Мансур Муваррид*

День начался с аварии. Усманов стоял у лабораторного пресса и следил за тем, как медленно и плавно опускается пуансон, прикрывая пресс-форму с шихтой. Марат уже хотел затворить бронированную дверцу, как раздался резкий треск. Что-то со свистом пронеслось мимо головы. От неожиданности Усманов присел. В ту же секунду около пресса оказалась Светлана и вырвала электроэнергию.

Марат выпрямился, кривя губы в улыбке:
— Молодец!

---

* Перевод С. Ахметова.

— Что случилось? — спросила Светлана.

— Что, что! — внезапно рассвирепел Усманов. — Пресс-форма ахнула, вот что!

— Марат Магжанович, ваше ухо в крови!

Аппаратчица сбегала за флаконом БФ-6.

— Смотри, Светик, не проболтайся, — попросил Усманов, морщась от жгучего прикосновения медицинского клея к ранке.

— А вы не нарушайте технику безопасности!

— При чем здесь она? Уши торчат слишком далеко, вот и все...

Светлана осуждающе покачала головой.

— Там вас к телефону кличут, — вдруг вспомнила она. — Из секретариата. Сказать, что нету?

— Не надо.

Усманов прошел по алмазному участку, оглядывая работающие прессы, аппаратчиков и стажеров. Из-за постоянного вибрирующего гула никто не слышал треска раздавленной пресс-формы. «Ну и все, — подумал Марат. — А Светик смолчит». Он прижал трубку к раненому уху, чертыхнулся и перебросил ее в левую руку:

— Усманов.

— Марат Магжанович, — защебетала секретарша. — Вас ждут.

— Кто?

— Корреспондент из газеты.

Усманов вздохнул.

Корреспондент, а точнее корреспондентка с магнитофоном через плечо, сидела в кресле у витрины с продукцией института: кристаллами кварца, аметиста, рубина, слюды, разноцветных гранатов. Мелкие усмановские алмазы, упрятанные в небольшие ампулы, терялись среди сверкающего великолепия. Марат поздоровался, опустился в кресло напротив и воззрился на представительницу прессы с интересом и одобрением. Некоторые женщины тратят много времени и средств, чтобы хоть издали казаться белыми, а перед ним сидела блон-

динка милостью божьей, без единого косметического штриха.

— Чем могу?

— Мы готовим цикл очерков к двухсотлетию нашего города. Мне поручено написать о лаборатории высоких давлений.

— Кто вас направил?

— Директор института.

Ну что ж, все как будто по правилам... Марат застегнул белый халат на все пуговицы, развернул широкие плечи и зажег в раскосых татарских глазах два коричневых огонька:

— Спрашивайте — отвечаем!

— Прежде всего мне хотелось бы узнать, как образуются алмазы. Только, пожалуйста, популярнее.

— Популярнее? — Марат прищурился на включенный магнитофон. — Пожалуйста. У древних индусов был бог Бала, владыка преисподней. Он постоянно пакостил добрым богам, замораживал реки и озера, не давал землепашцам нормально трудиться. Возмущенный бог Индра метнул в саботажника молнию. Бала сначала окаменел, а потом рассыпался на мелкие кусочки алмаза. Кстати, молнию и алмаз индусы называют одним словом — ваджра... Так вот, из разных участков тела поверженного Балы добывают алмазы различных марок. Самые ценные камни называются брахманами, они имеют цвет жемчужной раковины и происходят из головы бога. Руки Балы стали источниками кшатриев, камней с красно-коричневым оттенком. Чрево Балы превратилось в палево-желтые алмазы — вайшьи. И наконец, шудры, самые дешевые камни цвета отполированного клинка, находят там, где были ноги божества. Между прочим, четыре основные касты индусов носят те же названия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Я понятно говорю?

Корреспондентка с серьезным видом кивнула.

— А откуда алмазы берете вы?

— Мы еще маленькие. — Марат осторожно потрогал мочку пораненного уха. — Мы копошимся в ногах алмазного божества... Простите, не запомнил вашего имени.

— Песцова... Валерия Петровна.

— Давайте, Валя, все посмотрим на месте.

Гибкая Песцова, затянутая в джинсовый костюм, и массивный Усманов спустились со второго этажа и вышли на солнечный институтский двор. Газоны нежно зеленели молодой травкой, почки на яблонях и рябине вздулись, готовые вот-вот лопнуть. На густом кустарнике вдоль аллей проклеивались липкие листочки. Солнце превратило волосы Песцовой в золотые невесомые нити, осветило каждую веснушку. Марат щурил глаза, поглаживал коротко стриженную голову и неторопливо рассказывал:

— Первый октаэдр искусственного алмаза получил герой рассказа Уэллса «Человек, который делал алмазы». Взрыв динамита в стальном цилиндре — читали? Как известно, герой плохо кончил, но это не помешало директору нашего института стать приверженцем его метода... Американцы же давление до ста тысяч атмосфер и температуру до двух тысяч градусов решили получать на мощных прессах. В конце 1954 года исследовательская группа компании «Дженерал Электрик» синтезировала первые караты алмаза... Вы знаете, конечно, что алмаз и графит состоят из одного и того же элемента — углерода?

— Это проходят в школе.

— В алмазе расстояния между атомами одинаковые, а в графите атомы расположены слоями. Отсюда разница в удельных весах и в твердости. Алмаз — самое твердое вещество в природе.

— И его ничем нельзя поцарапать?

— Ничем.

— Но ведь существует алмаз, на гранях которого не просто царапины, а три арабские надписи!

— Алмаз «Шах» — это особый случай. Потом расскажу... Кстати, мы пришли.

Прикрывая плечом автоматический замок, Усманов набрал шифр, распахнул дверь и пропустил вперед Песцову. Валерия оказалась в огромном светлом зале с высокими окнами, под которыми стояли массивные металлические конструкции. В самом центре зала высилось сооружение, похожее на церковные ворота.

— Господи, что за триумфальная арка?

— Наш новый пресс, рассчитанный на усилие в шестнадцать тысяч тонн, — горделиво ответил Усманов. — Собираемся выращивать на нем ювелирные алмазы.

Он подвел Песцову к конструкции у окна, которая тоже оказалась прессом, но менее мощным. Обслуживала его миловидная полная женщина в белом халате.

— Наш лучший аппаратчик, — представил Марат. — Специально приспособлена для работы в аварийных ситуациях.

— У вас бывают аварии?

— Нет, что вы! Мы соблюдаем технику безопасности... Как дела, Светик? Когда кончаешь цикл?

— Камера уже остыла, — громко ответила Светлана, перекрывая низкий вибрирующий гул, который наполнял зал. — Через десять минут снимаю давление.

— Вам повезло. — Усманов обернулся к Валерии. — Сейчас увидите наши алмазы.

— Прямо здесь они растут?

— Прямо здесь. Мы набиваем вот такое широкое кольцо, — показал Усманов, — шихтой, слоями графита и металла. Закладываем его в стальную полусферу, сверху герметично прикрываем другой полусферой. Затем создаем нужное давление и поднимаем температуру до необходимого уровня. Металл плавится, растворяет в себе графит. В условиях высоких давлений и температур из расплава кристаллизуется алмаз, как сахар из чая.

— Крупный?

— Сейчас увидите...

Светлана наклонилась над пультом и принялась нажимать на разноцветные кнопки. В средней части установки дрогнула массивная округлая плита, медленно пошла вверх и остановилась. Светлана задвинула ее вглубь, открывая вторую плиту, в центре которой лежал черный камешек, похожий на уголь. Усманов взял его, ушел куда-то и через минуту вернулся, неся в руках угловатые обломки. Рассмотрел их, шуря и без того узкие глаза, протянул Песцовой:

— Вот они, наши алмазы.

Валерия наклонилась, предвкушая ослепительный блеск и сияние, как в Алмазном фонде, но увидела только темную плотную массу, в которой чернели маленькие зернышки.

— Не вижу...

— Да вот же, — ногтем показал Усманов. — Черные кубики.

— Такие мелкие?

— А вы бы хотели величиной с алмаз «Шах»? Размеры самых крупных искусственных алмазов не превышают пяти миллиметров.

— Простите, я думала, что алмазы должны играть всеми цветами радуги.

— Играют только ювелирные камни. А мы выращиваем технические алмазы — для абразивных кругов, буровых коронок, пил, сверл и так далее. Вот запустим эту махину, — Марат кивнул на триумфальную арку, — тогда и ослепим вас радугой.

— Марат Магжанович, а вопрос о происхождении алмазов в природе уже разрешен?

— Давайте выйдем, здесь шумно.

Они поблагодарили Светлану и опять окунулись в солнце и зелень.

— Дело в том, — Марат говорил и поглаживал короткие волосы, — что алмаз стабилен только при

огромных давлениях и температурах. В обычных условиях он неустойчив и может превратиться в графит. К счастью, такое неустойчивое равновесие длится тысячелетия, чем мы и пользуемся. — Марат помолчал, соображая, доходят ли его научные рассуждения до Песцовой. — Происхождение алмаза до сих пор загадочно. Некоторые считают, что он образуется при внедрении магмы в углеродсодержащие пласты, другие — что он кристаллизуется на огромной глубине из кимберлитового расплава. Находят алмазы и в метеоритах... Если бы точно знать, как растут алмазы в природных условиях, мы бы давно завалили рынок бриллиантами.

— Я читала, что самый крупный алмаз весит полкилограмма.

— Да, знаменитый «Куллинан» весил шестьсот граммов. К сожалению, при огранке его разрезали на несколько кусков.

— Вы так много знаете об алмазах...

— Работа такая, — не заметил лести Марат. — Кстати, средневековых арабов глупости о происхождении алмазов не волновали. Они считали, что все драгоценные камни добыты Александром Македонским — по-восточному Искандаром зуль-Карнайном — в Долине Алмазов. Долину охраняли пестрые змеи, взгляд которых обращал людей в камень. Но Искандар перехитрил змей. Он приказал воинам нести перед собой отполированные щиты. Змеи смотрели на себя как в зеркало и падали замертво. Войска вошли в долину и попали в зону вечного мрака. Они медленно двигались вперед, спотыкаясь о лежащие повсюду камни. Зуль-Карнайн сказал: «Это камни сожаления. Те, кто подберет их, и те, кто пренебрежет ими, будут равно удручены». Ну, дальнейшее вы уже поняли. Камни оказались алмазами, и одни воины жалели, что не взяли их, а другие — что взяли мало.

— Как интересно! — Валерия тряхнула распушен-

ными волосами. — Вы обещали рассказать об алмазе «Шах».

Усманов взглянул на часы.

— К сожалению, у меня семинар.

— Тогда я приду завтра, можно?

— Завтра суббота.

— В понедельник?

— Договорились. Утром я вас жду.

Песцова кокетливо улыбнулась, поправила лямку магнитофона на плече и пошла в сторону главного корпуса. Марат посмотрел вслед, отметив гибкость стана и упругость походки. «Вах, какую девушку послал мне аллах! — подумал он саркастически. — Небось Ирине уже доложили о нашем randevu».

3. АЛМАЗЫ ИЗ КАРТОШКИ

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних

стран —
И мир опять предстанет
странным,

Закутанным в цветной туман.

Александр Блок

Обещая рассказать историю «Шаха», Марат надеялся на Ферсмана. Года три назад, готовясь к сдаче кандидатского минимума, он довольно внимательно пролистал объемистую монографию. В конце книги, помнится, приводилось научное описание исторических алмазов «Шах» и «Орлов». Пусть основоположник геохимии и поможет блеснуть эрудицией перед представителем прессы.

После семинара Марат набрал номер телефона жены.

— Мать, сходи, пожалуйста, в библиотеку. Мне нужна книга Ферсмана «Кристаллография алмаза».

— Хорошо... — Голос Ирины удивительно похож на голос сына. — С кем это ты прогуливался по двору?

— Мною, как обычно, интересуется пресса!

— Не забудь зайти, я набрала молока и огурцов.

— Обязанности свои знаю, — недовольно пробурчал Марат.

Было не по-весеннему жарко, и пока они добрались до своего микрорайона, Марат основательно взмок. Дома он немедленно полез под душ, а потом, остывший и умиротворенный, залег на диване. Принялся читать ферсмановскую монографию, по обыкновению мысленно комментируя.

Итак, форма «Шаха» настолько загадочна, что его даже отказывались считать алмазом... При чем здесь форма? Алмазы могут иметь любую форму. Вес 88,7 карата... Ого! Это почти восемнадцать граммов! Цвет — белая вода * с желтоватым оттенком от примесей железа... Ну, это вряд ли. Скорее всего цвет связан со структурной примесью азота. Камень поразительной чистоты и безукоризненной прозрачности. Имеет форму удлинённой призмы, притупленной на концах пирамидальными плоскостями... Ферсман прав, форма действительно необычна. В природе и лаборатории алмазы растут в виде кубиков или правильных восьмигранников — октаэдров... Грани октаэдра (ага, все-таки в «Шахе» есть эти грани!) мягко округлые. Самая широкая грань разделена на длинные узкие фацетки **, одна из которых недоделана и исштрихована. Камень охвачен бороздой, прорезанной на глубину полмиллиметра... А жаль! Блеск алмаза поражает... Скульптура поверхности целиком сохранилась в виде нежночешуйчатого строения... Ох и эпитеты позволяют себе классики!.. Весь кристалл пронизан мельчайшими пластинками двойников, которые

---

* Вода — степень прозрачности драгоценных камней, зависящая от механических включений, трещин, пузырьков и пр.

** Фацетка — отполированная грань драгоценного камня.

вырисовываются на поверхности граней в виде тончайших дуг... Углядел-таки!

Далее шли рисунки шести главных граней, сумма углов между ними 360 градусов. Дальше — надписи на гранях... Погодите, погодите! Почему такая странная сумма углов? Только в четырехугольнике сумма внутренних углов может составлять 360 градусов, а шесть граней «Шаха» в сечении дают гексагон. Из школьной геометрии известно, что сумма внутренних углов шестиугольника равна 720 градусам! В чем дело? Ага, вот Ферсман приводит измеренные углы. Ну-ка проверим: 73, 37 и 70 — это будет 180; 75, 85 и 20 — тоже 180. Действительно, всего получается 360, а не 720... А-а-а! Ферсман измерял истинные углы между гранями. Их сумма может выражаться любым числом...

Удивительно вырос этот «Шах» — три подряд идущих угла составляют 180 градусов, следующие три угла — тоже 180. А в целом даже геометрическая прогрессия получается: 720, 360, 180. Каждая последующая сумма углов ровно вдвое меньше предыдущей. Матушка-природа что хочет, то и вытворяет! Попробуй в лаборатории воспроизвести такое... А может, это не матушка-природа? Впрочем, чушь, не следует отвлекаться.

— Что у тебя с ухом? — спросила Ирина.

— Поцарапался.

— Ужинать пора, зови Камилку.

Жена отобрала книгу и положила на столик в головах дивана.

Марат укоризненно посмотрел на маленькую Ирину в нарядном вышитом переднике, закричал недовольно и вышел на балкон. На широком пространстве между параллельно поставленными домами резвилось молодое поколение. Девочки в ярких коротких платьицах скакали по очерченным мелом квадратам, играли в мяч; голенастые мальчишки висли на перекладине, с криком гонялись друг за дружкой, скатывались с железных горок.

Вот в чем прелесть подмосковных городков — в ши-

роких дворах. Да еще лес с грибами и ягодами, река с рыбой и раками. И никаких машинных грохотов, чада и асфальтового пекла.

Марат, сощутив глаза, высмотрел с восьмого этажа черную голову сына и щелкнул языком. Услышав знакомый хлесткий звук, который во всем городе мог произвести только папа, Камилка замер на месте и задрал голову. Марат призывно махнул рукой — ужинать, мол. Через пять минут запыхавшийся и, естественно, мокрый от пота сын ворвался в квартиру и был немедленно отправлен в ванную.

За ужином Камилка, как обычно, размахивал ложкой, крошил хлеб и после каждого съеденного куску выстреливал вопрос:

— Пап!

— Ась?

— Чем кардинал Ришелье лучше Мазарини?

— Ну, видишь ли... — рассеянно объяснял Марат.

— Пап?

— Сынок, ешь живее, все стынет, — вмешивалась Ирина.

— Пап!

— О?

— Почему я не вижу спутников Юпитера, хотя мой телескоп мощнее, чем у Галилея?

— Потому что он сам шлифовал линзы, а ты их купил.

— Пап!..

После ужина Ирина принялась мыть посуду, Камилл убежал с самодельным телескопом во двор, а Марат опять уткнулся в ферсмановские алмазы.

Итак, все грани октаэдра в «Шахе» имеются, причем шесть из них заостряют концы удлиненного кристалла. Марат рассмотрел рисунок — один конец в плане выглядел шестиугольником, другой — пятиугольником. Любопытно... Пятиугольная симметрия присуща только живым организмам, например, морским звездам. Акаде-

мик Чернов любил говорить, что эта симметрия является средством борьбы белковых существ против кристаллического оцепенения. Значит, алмаз «Шах» наполовину живой. Черт, опять его заносит в сторону... Марат перевернул было страницу, но вернулся к рисунку — было в нем что-то странное. Присмотрелся внимательно: вроде бы пятиугольник и шестиугольник самые обыкновенные, разве что несколько неправильные... Ах вот оно что! Если продолжить вот эти три стороны шестиугольника, то получится равносторонний треугольник. Ну-ка, ну-ка...

— Пап, я только что видел серп Венеры!

— Ты почему не в постели? Принеси транспортир и немедленно спать! Куда только мать смотрит...

Камилл принес требуемое, постоял немного, просительно сопя. Но папа уже не видел его. Сначала он убедился, что построенный треугольник действительно равносторонний. Потом перемерил все углы шестиугольника. Что за черт?.. Три угла подряд в сумме составляли 360 градусов, три следующих — опять 360! Если принять во внимание общую сумму углов шестиугольника и сумму углов равностороннего треугольника, то снова возникает геометрическая прогрессия: 720, 360, 180. Не слишком ли много закономерностей для одного-единственного кристалла, пусть он даже будет самым «Шахом»?..

Ну аллах с ними, с гранями. Более притягательны сейчас надписи на них. Еще в детстве религиозная бабушка обучала Марата по Корану разбираться в арабских буквах: «Ба-би-бу, ха-хи-ху». Интересно проверить, насколько крепка мальчишеская память. Марат медленно потащил палец справа налево по гибким письменам. Первое слово читалось как «брхан», за ним следовало «нзмшах». Так как краткие гласные в арабском письме не изображаются, то все вместе следует читать «Бурхан-Низам-Шах». Дальше следовало непонятное слово «сани», потом палочка и три точки, что, конечно, означало тысячный год мусульманского календаря, и снова не-

понятное слово «снх»... Все правильно! Ниже Ферсман приводит перевод надписи, сделанный академиком С. Ф. Ольденбургом: «Бурхан-Низам-Шах Второй. 1000 год».

«Ай да я! — мысленно похвалил себя Марат. — Хотя и не академик, а почти все прочитал сам. Странно только, зачем неведомый мастер вырезал слово «снх» — «год»? Оно здесь явно лишнее, все понятно и без него».

Откуда-то издалека донесся голос Ирины.

— Что? — переспросил Марат.

— Я спрашиваю: спать собираешься или нет? Первый час уже.

— Отдыхайте, Ираида Петровна.

Ну, раз дело дошло до Ираиды, то мужа сейчас трогать нельзя. Ирина вздохнула, заплетая на ночь русую косу, заглянула к Камилке, поправила на нем одеяло. И пошла спать.

На другой день она поднялась рано, приготовила завтрак, разбудила сына и проследила за его утренней зарядкой. Накормила и отправила в школу, сама принялась за уборку. Перетерла влажной тряпкой стеллажи с книгами, вымыла полы во всех трех комнатах, собрала белье для завтрашней стирки. А Марат все изучал Ферсмана (спал ли он ночью-то?), время от времени щелкал языком и только приподнял ноги, когда она мыла возле него. К часу дня пришел развеселый Камилка с полным портфелем пятерок, и они вдвоем пообедали. Потом Ирина с сыном пошли в лес, оставив Марата обложенным томами энциклопедии и книгами по кристаллографии и минералогии. Домой вернулись усталые и пропитанные весенними запахами.

Их ожидала загадочная картина: дорогой папочка сидел на кухне и вырезал из моркови нечто продолговатое и граненое, как карандаш. На столе грудилась искрошенная морковь и картошка.

— Что с тобой? — удивилась Ирина. — Хочешь к ужину нажарить моркови?

— Не мешайте! Я делаю алмаз «Шах».

Мама и сын недоуменно воззрились на отца.

— Ступайте, — покосился Марат. — Я стою на пороге грандиозного открытия.

— Из картошки делать алмазы — действительно грандиозно! — Ирина засмеялась. — И как, получается?

— Не совсем. Хочу вырезать объемную модель, чтобы повертеть в руках. Да вот у Ферсмана маловато данных... Эх, хорошо бы посмотреть на настоящий «Шах»!

— Может, я помогу? — спросила Ирина. — Мое странственное воображение сам Чернов хвалил.

Ее взгляд остановился на арабских каракулях, сплетенных в удивительно тонкий орнамент.

— Что это?

— Надписи, вырезанные на гранях тремя владельцами «Шаха», но не в них суть. У кристалла очень странное соотношение между реберными углами.

— А что они означают? — не слушала Ирина, показывая пальчиком на центральный орнамент.

— «Сын Джихангир-Шаха Джихан-Шах. 1051».

— Ого! Так давно?

— Это по лунному календарю. А от рождества Христова — год тысяча шестьсот сорок первый.

4. ВТОРАЯ НАДПИСЬ

Мир — лестница, по ступеням
которой

Шел человек.

Мы осязаем то,

Что он оставил на своей дороге.

Максимилиан Волошин

На тридцатом году правления странная болезнь поразила владыку Индии. Временами в животе начиналась такая боль, будто по нему полосовали кинжалами. Джихан-Шах перегибался пополам, катался по широкой постели, не в силах удержать жалобных стонов. Предан-

ный лекарь-брахман прикладывал к животу нагретые камни, поил разведенным в воде мумиё, окуривал дымом, от которого першило в гортани. Но все было тщетно. Болезнь набрасывалась внезапно, как тигр. Истерзанное тело отказывалось служить, но голова оставалась трезвой и ясной.

Шах понимал, что от непереносимой боли может умереть, и тревожился за судьбу трона. Кого провозгласить преемником? Аламгир жесток с иноверцами и сребролюбив. Он истощит государство, созданное кровью и потом тимуридов. Кроме того, соглядатаи донесли, что сын готовит покушение на жизнь шаха. Пришлось удалить его из столицы и назначить наместником в Декане. Мало отличаются от Аламгира Суджа и Мурад. Умней и дальновидней всех четвертый сын — Дара-Шах. Только он может стать достойным преемником, только он умножит добрые дела отца.

Добрые дела и злые дела... Что хорошего и что плохого сделал поседевший шах за свою жизнь? Возвеличил государство Великих Моголов? Но для этого пришлось убить старшего брата Хосрова, воевать с отцом и вырезать претендентов на престол. Строил оросительные каналы в Пенджабе? Но ведь и налоги увеличил вдвое! Изгнал португальцев из Бенгалии? Но также разрешил английским купцам хозяйничать в стране. Семь тяжелейших голодовок перенес народ, пока воздвигали несоразмерное творение Устад-Исы — беломраморный мавзолей Тадж-Махал под пятью куполами. В нем покоится любимая жена Мумтах-Махал, рядом с ней найдет упокоение и шах... Что еще? Счастливые часы работы в гранитной мастерской... Борьба с непокорными князьями... Покорение Биджапура и Голконды... Сдача Кандагара персам... Все перемешалось — плохое и хорошее. Что останется после смерти?

Усобицы и могущественные соседи растащат страну по кусочкам. Пересохнут каналы в Пенджабе. Время и люди разрушат мраморный мавзолей Тадж-Махал...

Алмаз!

Вот что сохранится, вот перед чем бессильно время — алмаз. На его сверкающей грани шах собственноручно вырезал свое имя.

Этот камень из покоренного Ахмаднагара привез великий Акбар, дед Джихан-Шаха. Больше сорока лет алмаз пролежал в сокровищнице, пока не попался на глаза внуку. Из всех камней, которые прошли через мастерскую Джихан-Шаха, он стал самым дорогим и любимым. Загадочная продолговатость, родниковая прозрачность, цвет — будто он вобрал в себя золотое сияние солнца. И только одна грань испорчена матовым налетом. Шах собственноручно разделил ее на шесть facetок и пять из них уже отполировал. Осталось завершить последнюю, и тогда алмаз будет безупречным и останется таким навсегда.

Джихан-Шах осторожно поднялся, прислушался к себе. Боли не было. Он накинул халат, вдел ноги в мягкие туфли с загнутыми носами, обмотал голову легкой чалмой.

Осторожное покашливание остановило шаха у порога. Он оглянулся. К нему спешил лекарь-брахман со сложенными у груди ладонями.

— Что случилось?

— Я не осмеливаюсь, повелитель...

— Приказываю: говори!

— В поисках причин болезни высочайшего я проверил подаваемое к столу питье. — Лекарь достал из-за пазухи шаровидную склянку с сероватым порошком. — Вот это найдено на шелке, сквозь который процежено любимое вино падишаха.

Шах вытряхнул несколько крупинок на ладонь, рассмотрел и, бледнея, потер между пальцами:

— Алмазная пыль!

— Так, повелитель, — наклонил бритую голову брахман.

— Откуда вино?

— Его прислал наместник Декана.

Джихан-Шах резко повернулся и пошел через множество дверей, не глядя на застывших стражников. Ноздри тонкого крючковатого носа раздувались, редкие седые усы тряслись. Аламгир, его сын, прислал отравленное вино! И как тонко продумал — яд не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Он накапливается в теле, и жертва умирает от прободения кишок и печени. Слава аллаху, причина болезни определена, и теперь следует усилить бдительность. Не так уж долго он пил это вино...

А неверного сына вызвать в Агру и зарезать!

Джихан-Шах вошел в мастерскую и превратился из владыки в мастера-устада. Кивком головы приветствовал подмастерьев, приблизился и уважительно — обеими руками — пожал сильные руки старого гранильщика. Прошел к своему месту и принялся за дело.

Он внимательно проверил плавность вращения абразивного круга, подергал струну дрели — все было надежно. Из золотой шкатулки извлек удлиненный алмаз и прикинул, насколько удобно тот зажимается пальцами и хорошо ли ляжет полируемая фацетка на поверхность круга. Глянул на мальчика-ученика — тот ловко задвигал дрелью, будто перепиливал ось, на которую насажен абразивный круг. Устад обрызгал поверхность круга водой — веером разлетелись сверкающие капли — еще раз примерился и мягко прижал камень к вращающейся плоскости.

Круг вращался туда и обратно, шах часто взглядывал на камень, окуная в кувшин с водой. Губы шевелились, будто приговаривали: «Гранись, гранись, гордый алмаз, наполняйся светом. Все изменчиво в подлунном мире — пересыхают реки, разрушаются горы, умирает человек, но дело его, воплощенное в сияющих гранях, будет жить и жить, изумляя потомков!»

На остром угле фацетки уже пылал солнечный луч. Устад развернул руку, ну, еще немного... Вдруг из глу-

бины дворца донесся гулкий грохот, лязг мечей и гортанные выкрики. Руки ученика дрогнули, алмаз недовольно вскрикнул. Джихан-Шах поспешно поднес его к глазам: на правый округлый край фаяетки легли тонкие штрихи царапин. Устад сердито покосился на замершего мальчика, но тут дверь мастерской распахнулась, и в комнату упал стражник с обнаженным мечом. Лицо его было разрублено, кровь струйкой стекала с бороды.

— Спасайтесь!

Через него, оскалив зубы, уже перешагивали убийцы, заполняя комнату. Увидев и узнав повелителя, они застыли.

Джихан-Шах посмотрел на окровавленные сабли, на закатанные правые рукава халатов, снял с углей тигель расплавленного воска и бросил в него алмаз. Оглянувшись на гранильщика — старик понимающе кивнул головой.

Толпа воинов расступилась, пропуская потного человека лет сорока. Он был облачен в парадный халат, отделанный жемчугом. На островерхой шапке переливались самоцветы.

— Ты?! — вскрикнул Джихан-Шах. — Ты посмел?

Аламгир покривил в усмешке толстые губы, почти-тельно поклонился:

— Владыка болен и немощен, он не способен управлять государством. Я приглашаю тебя жить в агринской крепости, отец, да светятся твои глаза и да упокоится старость...

Джихан-Шах погладил по голове испуганного ученика, прощально оглядел мастерскую и медленно пошел к двери навстречу десятилетнему — до самой смерти — заключению. Пошел расплачиваться за кровь брата Хосрова...

Той же ночью старик гранильщик проник в разграбленную мастерскую, вытопил из воска алмаз и закатал

в чалму. Путь его лежал далеко — на север, к Дара-Шаху, законному наследнику.

Вскоре началась междоусобная война, которая протянулась год. Аламгир не был великим военачальником, но, интригуя, провоцируя и подкупая, он пленил и зарезал своих братьев, Суджу и Мурада. Последней покати-лась голова Дара-Шаха, который предлагал в обмен на жизнь продолговатый алмаз, но потерял и то и другое. Когда все претенденты были уничтожены, Аламгир вос-сел на престоле и повелел называть себя Ауренг-Зебом, «Украшением Трона».

Прошло семь лет. Во дворец шаха в Джихан-Абаде, приседая и размахивая перед собой широкополой шляп-ной, вошел купец Тавернье — первый из европейцев, до-пущенный к осмотру драгоценностей короны. Четыре евнуха на больших деревянных блюдах, обитых золоты-ми листочками, принесли самые прекрасные в мире кам-ни, самоцветы первой воды, чистые и красивые фор-мой. Купец держал в руках и алчно разглядывал голу-боватые алмазы, ограненные розой и таблицами * жем-чужные бутоны, изумрудные броши. Весело скрипя пер-ом (один из алмазов Ауренг-Зеб пожаловал ему), Та-вернье описывал трон Великих Моголов: сто восемь грө-мадных кабошонов ** благородной шпинели, около шес-тидесяти крупных изумрудов, бесчисленное количество мелких бриллиантов.

Балдахин над троном сверкал и переливался драго-ценными камнями, а перед ним, на уровне глаз Ауренг-Зеба, на шелковой нити свисал желтоватый алмаз удли-ненной формы в окружении изумрудов и рубинов. Араб-ские письма на его гранях с двух шагов не различа-лись, но отполированные facetsки слепили глаза.

---

* Роза — форма огранки драгоценных камней, состоящая из треугольных facetsок на плоском основании. Таблица — плоский камень с большой отполированной верхней поверхностью.

** Кабошон — обработанный камень округлой формы.

Камень был испорчен глубокой бороздой, охватившей один из его концов, и висел безжизненно, как удавленник.

5. ХИТРЫЙ ТАТАРИН

К воде, обильной растениями, собирается много птиц; в юрту, где живет мудрец, собирается много гостей.

Монгольская пословица

Весь субботний вечер Марат читал Ферсмана, Костова, Кокшарова, Наран-Сабо, знаменитую «голубую книгу» Чернова, рылся в энциклопедиях, справочниках, словарях.

Перелистал десятки книг серии «Эврика», которые покупал для сына. Камилка несколько раз пытался вытащить его на балкон, где, по его уверениям, одновременно видны Венера и Юпитер, Марс и Сатурн. Но ни острый серп Венеры, ни предполагаемое соединение Марса и Сатурна не соблазнили папу. Он читал до поздней ночи, а утром, когда Ирина проснулась, уже что-то вычислял, резко двигая бегунок логарифмической линейки. Так продолжалось весь воскресный день, и к вечеру Марат созрел для того, чтобы задавать глупые вопросы.

— Мать! А зачем, собственно, нужны алмазы?

— Привет! — Густые брови Ирины удивленно поднялись. — Из них гранят бриллианты, ими заправляют буровые коронки...

— Не то, — поморщился Марат. — Я тебя как физика спрашиваю: можно из алмазов делать лазеры или еще какую-нибудь сверхсовременную аппаратуру?

— Нет, нельзя. Размеры маловаты, да и безумно дорого.

— А если я тебе дам килограммовый дешевый монокристалл?

— Шутишь?

— Ты что — на мысленный эксперимент не способна?

— Ну... я бы исследовала физические и химические свойства. Хотя многое уже известно: алмаз диамагнитен, флюоресцирует, фосфоресцирует, устойчив при высоких температурах, не растворяется в кислотах и щелочах. Что еще?.. Наименее сжимаем из всех известных минералов.

— Какие свойства кристалла могла бы исследовать ты?

— Я бы посмотрела, как он пропускает видимую и невидимую области спектра, как через него проходят ультразвуковые волны.

— А лазеры?

— Если из алмаза выточить достаточно длинный цилиндр, то можно проверить, способен ли он работать в качестве лазерного тела.

— Будет мощное излучение?

— Не знаю... Алмаз настолько уникален, что большие количества крупных и дешевых кристаллов произвели бы переворот в технике. Но у тебя нет таких кристаллов.

— Выращу!

— Когда?

— Завтра поеду к Чернову, а потом выращиву.

— Завтра заседание ученого совета.

— Какой смысл держать тебя ученым секретарем, если ты родного мужа отпустить не можешь?

В понедельник Усманов прибежал на работу пораньше, быстро просмотрел операционные журналы на установках, отдал необходимые распоряжения и заспешил на девятичасовую электричку. В вестибюле ему встретилась блистательная Валерия Песцова.

— Я к вам, — улыбнулась она.

— К сожалению, срочно уезжаю в Москву. Я предупредил в отделе — вас ждут и ответят на все вопросы.

— А «Шах»? — разочарованно спросила Валерия.

— Как-нибудь потом...

Усманов едва успел вскочить в последний вагон, как двери с шипением сошлись и поезд тронулся. Шатаясь из стороны в сторону и хватаясь за скобы на сиденьях, прошел во второй вагон и сел у окна. Дорога до черновского института (электричка, метро и троллейбус) занимала почти три часа, и Усманов подробно обдумал план разговора с Николаем Ивановичем.

Марату повезло: у подъезда он увидел черновскую «Волгу», а избегая по институтской лестнице, заметил характерную квадратную фигуру академика, который, видимо, только что возвратился с лекций в университете. Чернов, несмотря на свои девяносто лет, поднимался довольно бодро, покачивая стареньким портфелем. Голову он нес несколько набок, поглаживал ее маленькой ладошкой. Совершенно седые волосы были коротко острижены, такую прическу студенты называют «канадкой».

— Здравствуйте, Николай Иванович! — выпалил Усманов.

Академик, не замедляя шага, повернул голову и улыбнулся — на круглом лице собрались многочисленные складки и морщинки. Выбрит он был плохо.

— А-а-а, хитрый татарин! Здравствуй, здравствуй.

— Я к вам...

— Вижу. Что — вырастил сантиметровый кристалл?

— Почти.

Они поднялись на второй этаж и пошли по длинному узкому коридору, слабо освещенному квадратными светильниками. Чернов шагал вразвалку, чуть шаркая, и не обращал внимания на растущий сзади людской хвост. У кабинета тоже толпились сотрудники, но Николай Иванович сделал жест рукой — ждите! — открыл дверь и пропустил вперед Марата. Прошел к столу и сел, поставив обшарпанный портфель у ножек кресла.

— Жарковато нынче, — сказал он, откидываясь. — Садись.

Марат сел, быстро оглядел тесный кабинет. Со времени последнего визита здесь ничего не изменилось: за стеклами трех шкафов теснились книги и шариковые модели кристаллических структур, на широком столе стопка книг и рукописей.

— Читал последнюю статью своего многоуважаемого директора? — ехидно спросил Чернов. — Ох, какую ерунду написал!

— Ваш аспирант! — тихим голосом напомнил Марат.

— Первый, — уточнил Николай Иванович. — А первый блин всегда комом... Весьма негибкое мышление. Уперся в ударный способ синтеза алмазов, и ничем его не сдвинуть. Он и «голубую книгу» до сих пор не понял. Ну, бог с ним... Что у тебя?

Марат выпрямился, погладил голову и хорошо поставленным баритоном продекламировал:

— «Кристалл неизбежно несет на себе следы предыдущих моментов своего существования, и по его форме, по скульптуре его граней, мелочам и деталям его поверхности мы можем читать его прошлое».

— Ферсман, — кивнул седой головой Чернов. — «Кристаллография алмаза», страницу не помню. Дальше!

— В своей работе мы редко пользуемся этим золотым правилом. Физики и химики не успевают исследовать полученные кристаллы, и мы ставим новые опыты почти вслепую. Да и как исследовать алмазную пыль?.. Плановики же подстегивают: давай технический алмаз! Тылы отстали, а мы все гоним и гоним. Я уже не ученый, я — производственник!

— Ну и что? — прервал Марата Чернов. — Кто тебе мешает...

— Простите, я не кончил. Плохо не только у нас, плохо везде. Взять такое простое и все-таки до конца не объясненное свойство алмаза — анизотропность. Кажалось бы, поскольку алмаз кубический, постольку он изотропный и в поляризованном свете должен быть абсо-

лютно черным. Однако это не так. Во многих кристаллах наблюдаются интерференционные фигуры — кресты, гиперболы, всякие извилистые линии на сером фоне. Этот факт связывают с наличием в алмазах напряжений, которые получились в результате резкого изменения термодинамической обстановки. Но какого именно изменения? Точного ответа нет, потому что исследовано недостаточное количество природных кристаллов.

— Марат, ты говоришь общими местами! — опять перебил Николай Иванович. — Да еще тенденциозно врешь. Ферсман описал сто тридцать один кристалл.

— Ну и что? Для статистического анализа этого мало. Между тем в хранилищах лежат тысячи неисследованных алмазов. Алмазный фонд забит кристаллами!

Николай Иванович прищурил морщинистые веки:

— Стоп! Говори прямо: чего добиваешься?

Марат отвел глаза в сторону и быстро произнес:

— Мне нужно исследовать алмаз «Шах».

— Та-а-ак... Почему «Шах», а не «Орлов»?

— Как же, — заволновался Усманов, — во-первых, противоестественная для алмаза форма, во-вторых, размеры, в-третьих, я выявил в нем столько странных закономерностей...

— Камень детально исследован Ферсманом.

— Ну да, на уровне двадцатых годов: лупа и прикладной гониометр. Ни показателя преломления, ни удельного веса, не говоря уже об интерференционных фигурах.

— Двадцать второй год, — раздумчиво произнес Чернов, совсем закрыв глаза. — Да, это не сахар... Александр Евгеньич рассказывал мне о перевозке драгоценностей русской короны из Петрограда в Москву... Да... Так ты считаешь, что на «Шахе» написано, как следует растить крупные алмазы неправильной формы?

— Это утверждает Ферсман!

— Да... — Чернов принялся поглаживать голову. — Да... Симметрия среды обязательно влияет на форму

кристалла... Да... А если алмаз продолговат, то, следовательно, питающее вещество поступало неравномерно...

— Чернов, — кивнул головой Марат. — «Голубая книга», страницу не помню.

— Не язви... Да... А как мы получим к нему доступ? — вдруг спросил Николай Иванович.

Марат пожал плечами.

— Ладно, это моя забота. У тебя все? — И, не дожидаясь ответа, встал и подал руку. — Привет Ирине.

6. ХОРОШО БЫТЬ АКАДЕМИКОМ

Все, что видим мы, — видимость только
одна,

Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

Омар Хайям*

Прошел месяц. От Николая Ивановича не было никаких известий. Усманов злился, но напоминать о себе не решался. Тут газета опубликовала очерк Песцовой. Заголовков, разумеется, гласил: «Рукотворный алмаз». В очерке Марата называли алхимиком, который из сажи делает бриллианты. Кроме того, там было написано, что за спиной кандидата наук Усманова — что бы вы думали? — кандидатская диссертация.

Камилка закончил четвертый класс с одной лишь четверкой, по пению, и ежедневно требовал от отца выполнения обязательств. Тот еще зимой обещал купить телескоп с зенит-призмой в случае хорошей успеваемости. Денег на большую покупку не оказалось, а слово надо было держать. Пришлось пойти на заем.

Дни тянулись в бытовых неурядицах, в выращивании мелких и темных алмазов, в скучных семинарах и суб-

---

* Перевод Г. Плисецкого.

ботних налетах на книжные магазины Москвы. И в нетерпеливом ожидании черновского сигнала.

Звонок Николая Ивановича все-таки застал врасплох.

— Марат, — кричал в трубку Чернов, — завтра вечером ты должен быть у меня!

— Зачем? — боялся поверить Марат.

— За тем самым, — вселился академик. — Захвати с собой пикнометр, все остальное есть.

Марат положил трубку мимо аппарата, пошел на кухню и долго пил ледяную воду, которую водохлеб Камилка держал в холодильнике.

Назавтра Усманов примчался в Москву. Долго слонялся по черновскому институту, невнимательно читая стенные газеты, и еле дождался приезда Николая Ивановича. Потом перетащил в черную «Волгу» поляризационный микроскоп в ящике, микрофотонасадку, гониометр, радиометр. Колбочку со спиртом и пикнометр поставил в заднем окне машины, а усевшись на сиденье, взял их в руки, чтобы стекло по дороге не разбилось.

— Весы, — спохватился он. — Весы забыли.

— Весы там есть, — успокоил Чернов.

Тронулись наконец.

По дороге Николай Иванович рассказывал о Ферсмани. О том, как Александр Евгеньевич в голодном и холодном двадцать втором году пришел в Оружейную палату Кремля. Как раскрыл тяжелый ящик с драгоценностями, небрежно завернутыми в простую бумагу. Как восхищался техникой гравировки на алмазе «Шах», исключительной и малопонятной по совершенству, резкости, изяществу исполнения. Все это Николай Иванович слышал от самого Ферсмана, когда в конце двадцатых годов сотрудничал в его журнале «Природа». Марат слушал невнимательно. Он прижимал к груди пикнометр и колбочку со спиртом, мысленно подгоняя машину.

Вот наконец кончился шумный и по-летнему зеленый

Ленинский проспект, вот промелькнули Якиманка и мосты через Москву-реку, и вот он, Кремль. У Боровицких ворот они остановились. Чернов протянул дежурному какие-то бумажки. Милиционер козырнул, сходил в свою будку, поговорил по телефону и, возвратившись, снова козырнул. «Хорошо быть академиком, — подумал Марат. — Хорошо быть лауреатом всех мыслимых премий, Героем Труда и почетным членом европейских и заокеанских минералогических обществ. Все двери открыты. Надо будет самому попробовать».

«Волга» скользнула мимо зеленых елей, развернулась и прижалась к малоприметной двери выставки Алмазного фонда СССР.

Их встречала серьезная женщина в строгом костюме, похожая на английскую королеву, и два молодых человека в таких же, как и на Марате, легкомысленных распашонках. «Королева» чуть заметно кивнула, здороваясь, поговорила вполголоса с Черновым, строго поглядела на Марата и пошла к двери. За ней двинулись квадратный Николай Иванович и Усманов со своими склянками. Замыкали шествие молодые люди, которые в чetyре руки несли аппаратуру. Они спустились по узким ступенькам, прошли темный коридор, опять пересчитали несколько ступенек, но уже вверх, и остановились у закрытой двери. Ведущая позвонила, и ей открыли. На пороге стояли еще два молодых человека, которые внимательно осмотрели всю компанию и расступились, пропуская.

Николай Иванович и Марат вошли в средних размеров комнату. Единственное, что было в ней необычного, — это стол, покрытый толстой, как одеяло, черной скатертью. На столе стояли весы. В комнате Марат заметил еще одну дверь, но не нашел окон. Молодые люди поставили приборы на стол. Марат тоже освободился от колбочек.

— Подготовьте аппаратуру, — строго молвила хозяйка Алмазного фонда и вышла в соседнюю комнату.

Марат извлек и соорал микроскоп, установил по уровню гониометр, расчехлил радиометр. Николай Иванович помогал как мог, остальные наблюдали издали.

Торжественно неся темную шкатулку, вернулась «английская королева». Критически оглядела легкий костюм Николая Ивановича и распашонку Марата.

— Вам придется надеть нарукавники, — велела она Чернову.

— Как прикажете, — с шутливой покорностью согласился тот.

— Алмаз руками трогать не разрешается, — не смягчилась «королева».

— Как же мы будем... — удивился Марат.

— Все манипуляции с алмазом совершаю я. Вы только показываете, куда и как его поставить. В продолжение работы из комнаты выходить нельзя.

Она открыла шкатулку, высланную красным бархатом, и положила на стол камень. И комната сразу преобразилась, будто наполнилась таинственно-тихой музыкой. Марат умом понимал, что перед ним лежит обыкновенный кристалл. Но что-то — может быть, волшебная золотистость, а может быть, блик с арабскими письменами, который лег от грани камня на темную скатерть, — наполнило Марата предчувствием чего-то необычайного. Ему стало холодно, и он поежился. Потряс головой, отгоняя наваждение, включил радиометр и поднес к алмазу. Так... Только фон и никаких эффектов, что означает отсутствие радиоактивных примесей. Потом Усманов налил в пикнометр спирт, взвесил и попросил «королеву» опустить камень в жидкость.

— Спирт?

Марат утвердительно кивнул. «Королева» наклонила пикнометр, осторожно опустила сквозь горлышко алмаз. Камень беззвучно канул в жидкость, уровень которой тут же поднялся.

— На весы, пожалуйста, — попросил Марат и наклонился, беря отсчеты. — Вес семнадцать целых и

семьдесят четыре сотых грамма, объем четыре целых и семьдесят три сотых миллилитра.

Чернов в заранее приготовленном блокноте принялся вычислять. В плотных нарукавниках он был похож на бухгалтера. «Чего копаются? — нетерпеливо подумал Марат. — Делить разучился?»

— Повторите измерение, — неожиданно попросил Чернов.

Марат пожал плечами и вместе с «королевой» заново проделал все манипуляции с пикнометром и кристаллом. Цифры, естественно, получились те же.

— Удельный вес камня три и семьдесят пять сотых.

«Слава богу, разделил!» — мысленно похвалил Марат и вдруг замер, пораженный. Удельный вес алмазов, приведенный во всех справочниках, не превышал 3,56.

— Это не алмаз? — подозрительно спросил он.

— Это «Шах»! — категорически заявила «королева». — Продолжайте, пожалуйста, не теряйте времени.

Марат унял дрожь в руках и принялся мерить углы между гранями. Результаты получались те же, что у Ферсмана. А вот эти углы корифей не измерял... И Усманов внимательно брал отсчеты, называл грани и числа, а Николай Иванович аккуратно заносил их в блокнот. Мысль о том, что им вместо алмаза подсунули имитацию, постепенно рассеивалась. А когда камень лег на предметный столик микроскопа, Марат окончательно успокоился. Нет, скульптуру поверхности, вот эти тончайшие дуги двойников, описанных Ферсманом, подделывать нельзя. Усманов менял объективы, сбивчиво и многословно описывал виденное. Чернов едва успевал записывать. Истратив почти всю катушку на микрофотографирование поверхности, надписей и тонких трещинок, уходящих в глубь камня, Марат включил анализатор, чтобы взглянуть на интерференционные фигуры.

Он смотрел на совершенно черный фон, расчерченный ярко-желтыми линиями-паутинками на правильные квадраты, и ничего не понимал. Повернул столик мик-

роскопа вокруг оси — паутинки погасли и тут же вспыхнули опять.

— Положите кристалл на другую грань, — попросил Усманов, не отрываясь от окуляра.

Паутинный узор дрогнул и переменялся. На этот раз все поле зрения заполнила мозаика из шестиугольников, похожая на пчелиные соты. При следующем повороте кристалла появились равносторонние треугольники, сложенные опять же гексагональной мозаикой.

— Николай Иванович, — жалобно сказал Марат, — посмотрите, пожалуйста. Ничего не понимаю.

Чернов спрятал блокнот в карман и сел за микроскоп. Он смотрел долго, движением руки показывая, чтобы алмаз перевернули на другую грань.

— Весьма, весьма любопытно, — пропел академик и оглянулся на Усманова, который сопел у него за плечом. — Уже сообразил?

Марат растерянно покачал головой.

— Это же объемное изображение кристаллической структуры алмаза, трехмерная кольчуга из тетраэдров. Усманов все еще не понимал.

— Да посмотри, это же вовсе не сложно. Квадраты видны, когда с оптической осью микроскопа совпадает ось четвертого порядка кристалла, а равносторонние треугольники — при совпадении оси третьего порядка. Представь, что рассматриваешь с разных сторон модель алмазной решетки.

— А! — До Марата наконец дошло. — Но как может получиться такое?

— Черт его знает! Да... Непонятным образом тонкая структура алмаза проявилась в интерференционных фигурах. Да... Впрочем, эти фигуры всегда связаны с элементами симметрии кристаллов. — Чернов опять прильнул к окуляру. — Но такого феномена еще никто не наблюдал... Поистине кристалл находится в состоянии решетки! А ты обратил внимание на то, что в вершинах некоторых треугольников и квадратов, то есть

на том месте, где расположены атомы углерода, светятся округлые пятнышки? В их расположении нет никакой закономерности...

— Товарищи, заканчивайте, — вмешалась «английская королева». — Ваше время истекает.

— Фотографировать! — приказал Чернов.

Марат принялся поспешно щелкать затвором, меняя увеличение и выдержку. Пленка кончилась, он быстро перемотал ее, сменил кассету и снова фотографировал. Хозяйка Алмазного фонда осторожно переворачивала кристалл, и тот показывал то отполированные facets, то чистые сверкающие грани, то грани с изящно вырезанными именами Бурхан-Низам-Шаха, Джихан-Шаха и Фатх-Али-Шаха...

7. ТРЕТЬЯ НАДПИСЬ

Полночных солнц к себе нас манят
светы...
В колодцах труб пытливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты.

Максимилиан Волошин

Во имя аллаха, справедливого, милосердного!

Отрешись от земных забот, Фатх-Али-Шах, владыка Ирана, и посмотри вверх. Черный бархат небосклона усеян тысячами мерцающих звезд, словно праздничный плащ блестками. Голубым пламенем полыхает Риджл, рубиновым светом сияет Ибт-ал-Джауз, оранжевой яростью тигриного глаза наливается ал-Дабаран*. Много звезд на небе, не назвать их, не перечесать — и все-таки нет среди них лишней. Даже если самая слабая звездочка погаснет — опустеет и почернеет в этом месте небосклон...

---

* Современные названия звезд: Ригель, Бетельгейзе и Альдебаран.

Спокойно мерцают звезды, спят мусульмане, но не спится старому Фатх-Али-Шаху. Нет ни особых забот, ни тревог, ни огорчений, а не спится. Шах покряхтел, поднялся с постели и запахнул на груди тонкий халат. Пойти разве провести строптивую жену? Юная армянка пыталась убежать из гарема, но была поймана у городских ворот.

Мягко ступая по коврам, шах прошел в соседнюю комнату мимо застывшего у двери евнуха. Жена лежала на широкой доске, тонкое лицо ее ярко освещала масляная лампа. Маленькую голову охватывало грубое деревянное кольцо, загруженное свинцовыми шарами. Свинцовые шары сдавливали лоб, виски, темя и затылок.

Фатх-Али-Шах сочувственно поцокал языком:

— Больно?

Жена молчала. Выпуклые черные глаза были полуприкрыты воспаленными веками, искусанные губы плотно сжаты.

— Не надо убегать, — наставительно молвил шах. — Убегать нехорошо. Разве я тебя обижал?

Он не дождался ответа, покачал седой головой и вернулся в свою комнату. Кряхтя, взобрался на постель, уставился в окно.

Щедро рассыпал аллах по ночному небу небесные светильники, и кажется, что нечем затмить их блеск. Но вот взошла луна — и звезды померкли. Почтительно расступаются они, давая дорогу золотисто-желтому диску. Если звезды можно уподобить и блистательным красавицам, и стремительным полководцам, и непоседливым купцам, и тусклым простолюдинам, то луна, конечно же, звездный шах. Луна властвует на небе, как Фатх-Али-Шах на земле.

Владыка Ирана повернулся на другой бок и поправил бороду. Роскошная борода начиналась почти от самых глаз, сбегала на грудь, укрытую тонким халатом, а далее двумя белейшими клубами дыма уходила к ногам.

Опершись локтем о мягкую подушку, шах прикрыл покрасневшие от бессонницы глаза и снова задумался. Мысли его устремились высоко.

Приближается тридцатилетие славного правления, это событие требует увековечения. Правда, имя владыки запечатлено в сердце каждого подданного, но хотелось бы материала попрочнее и подолговечнее. И тут шах вспомнил об огромном алмазе из своей сокровищницы. Вот поистине царственный камень! Два века он несет на своих гранях имена двух индийских владык, и за это время ни одна черточка не потускнела и не стерлась. Счастливая мысль, внушенная аллахом, так поразила шаха, что он даже сел в постели, подобрав под себя ноги.

Сто лет назад грозный Надир-Шах вторгся в Индию и разгромил государство Великих Моголов. Число сокровищ, захваченных в Джихан-Абаде, превосходит вероятие. Списки свидетельствуют, что одними лишь алмазами, яхонтами, изумрудами и ладами набили шестьдесят ящиков. Украшенные драгоценными камнями сабли, кинжалы, щиты, перстни, перья к чалме, литавры и кресла едва уместились в двадцати одном вьюке. Только для того, чтобы увезти трон Великих Моголов, потребовалось восемь верблюдов. Число же золотых динаров не поддавалось никакому учету. Среди привезенных в Хорасан сокровищ оказался и желтоватый алмаз. «Такие неслыханные сокровища видя, — восклицает летописец, — все обезумели!»

Шах вздохнул и снова прилег на подушки. Увы, где все эти сокровища? За сто лет беспутные предшественники растеряли большую часть, а оставшееся поглотили неудачные войны с кяфирами* и гарем. Мысль о войнах шах отогнал, а о гареме принялся думать подробно и внимательно.

Гарем — украшение престола. Самое сладостное

---

* Кяфиры — немусульмане, в данном случае — русские.

олицетворение власти — гарем. Светлые и сильные станом северянки, пламенные дочери франков, капризные и нежные арабки, черные телом эфиопки и черные в страсти испанки обнимали его ноги, исполняли любые желания, выражаемые лишь шевелением пальцев. Среди юных жен Фатх-Али-Шах чувствовал себя не только владыкой, но и поэтом. И нередко посреди ласк он отодвигался от пылкой жены, хватал приготовленные калам и бумагу и, брызжа чернилами, словно кровью, торопливо записывал витиеватые строки газели:

Локоны твои струятся, словно райский водопад,
Стрелами звенят ресницы, душу уязвляет взгляд.

Предвещает взор бессмертье юношам и старикам,
Яхонт губ твоих вливает сладостно-смертельный яд.

Гурия! Меняю душу на один лишь поцелуй,
А потом я вместе с жизнью поцелуй верну назад! *

А игривое рубай, которое он придумал только вчера наедине с юной эфиопкой, даже не надо записывать, ибо такие стихи забвению неподвластны:

Ты черна — и слава богу!
Чернота угодна богу!
Ночи черные в Иране,
Буквы черные в Коране **.

Бездетных царей и султанов мучает мысль о престолонаследии. Им некому передать управление государственным кораблем. Такие тревоги чужды Фатх-Али-Шаху. Свыше сотни детей родили его жены, а количество старших внуков приближается к тремстам! Не оскудеет и не пресечется род Каджаров!

Шах-заде Аббас-Мирза — достойный преемник. Он неугоден кяфирам, но тем хуже для них! Хитрый и непоседливый, он с помощью друзей-инглизов реоргани-

---

* Подлинные стихи Фатх-Али-Шаха. Перевод С. Ахметова.

** Перевод Г. Плисецкого.

зовал армию, ввел регулярные полки сарбазов. Увы, военное счастье редко улыбается Аббас-Мирзе. Русские громили его при Канагире, в Карабахе и на Араксе. Из-под Мегри он тоже убежал разбитый. И Эривань едва не потерял. Пришлось вмешаться самому шаху, под зеленым знаменем которого сарбазы стремительно и неотвратимо вторглись в район Гумры — Артик...

Глаза старого владыки зажглись — уж не сам ли аллах вложил в его голову светлую мысль? Может быть, на царственном камне вырезать ту же надпись, которая украшала победоносное знамя? «Каджар-Фатх-Али-Шах, Султан и сын Султана».

Нет, не надо обманывать потомков. Все-таки он не сын султана, он вырос в бедности и голоде. Наследником его сделал евнух Ага-Мухаммад-Хан, первый из Каджаров. Он научил племянника непреклонности и умению владеть саблей. Эти качества пригодились, когда в борьбе за престол пришлось с помощью аллаха зарезать брата-соперника.

Итак, решено — надпись на камне будет гласить: «Владыка Каджар-Фатх-Али-Шах Султан». Ну и, конечно, год. И надпись эту вырежет искусный мастер, написанный из Индии, имени которого в ночной бессоннице он не смог припомнить.

Шах удовлетворенно откинулся на подушках, расправил на груди роскошную бороду. Он вежливо думал о том, что Надир-Шах, бесспорно, был велик, но его правлению недоставало блеска. Он был лишен мудрых советников, сладкоголосых певцов и умелых мастеров. Он не смог оставить своего имени на крепчайших гранях бесценного алмаза. Потом эту мысль сменили смутные образы, но они были так неясны и расплывчаты, что не могли быть выражены словами.

Фатх-Али-Шах спал...

Он не знал, что через пять лет сарбазы неугомонного Аббас-Мирзы будут опять разгромлены русскими. Стране навяжут обременительный Туркманчайский до-

говор, который вызовет недовольство подданных. В Тегеране толпа фанатиков растерзает посла Грибоедова, и во искупление его крови продолговатый алмаз с тремя искусно выгравированными надписями будет поднесен российскому самодержцу.

В 1898 году в описи драгоценностей русской короны под номером 38/37 появится надпись: «Солитер * Хозрев-Мирза неправильной facеты — $86 \frac{7}{16}$ карат. Поднесен в 1829 г. персидским принцем Хозрев-Мирзой и доставлен на хранение от г. министра Имп. Двора при письме за № 3802».

8. УСМАНОВ И ПРИШЕЛЬЦЫ

— Свистнуто, не спору, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!

Михаил Булгаков

На другой день после приезда из Москвы Усманов проявил и отпечатал пленку, снятую в Алмазном фонде. Почти все кадры оказались четкими и ясными, и он мысленно погордился своими способностями фотографа. Снимки Марат притащил домой и показал Ирине. Увидев картинки с интерференционными фигурами, жена немедленно спросила:

— А модель алмазной решетки зачем снимал?

— Сразу виден физик-структурщик. — Марат завистливо вздохнул. — Это не модель, это алмаз «Шах».

— Микрофотографии? — удивилась Ирина.

— Именно!

— Как же вы объясняете феномен?

— Даже Чернов в нокдауне, что там говорить обо

---

* Солитер — крупный бриллиант.

мне! Но это еще не все. Удельный вес «Шаха» больше положенного.

— Может, примеси тяжелых элементов?

— Скажешь тоже! Какие атомы можно втиснуть в решетку, чтобы увеличить удельный вес на две десятих?

— Да... — Ирина задумалась. — Структурный запрет. — Она покусала полные губы. — Надо подумать...

Из соседней комнаты прибежал сын и, как всегда, бесцеремонно влез в разговор:

— Пап, а пришельцы на самом деле бывают?

— Какие еще пришельцы? — досадливо поморщился Марат.

— Камилл! — возмутилась Ирина. — Видишь, мы с папой разговариваем? Почему ты мешаешь нам?

Сын пожал тонкими плечами, обиженно засопел, но остался на месте. Ирина как могла строже посмотрела на него и продолжала, обращаясь к мужу:

— Давай рассуждать логически: повысить удельный вес «Шаха» можно либо колоссальным давлением, либо...

— Это отпадает. Сама говорила, что алмаз несжимаем.

— Тогда все-таки примесь.

— Примесь чего?

— Чего-то такого, что может войти в решетку в больших количествах.

— Не разводи мистику. В таблице Менделеева таких элементов нет.

— Нет? А углерод-13?

Марат, прищурившись, смотрел на круглое лицо жены и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Как же сам не догадался! Химически он неотличим от обычного углерода...

— ...но атомная масса на целую единицу больше!.. — подхватила Ирина.

— ... а из литературы известно, что алмазы стремят-

ся вобрать в свой состав больше тяжелого изотопа, в то время как графит почти нацело состоит из углерода-12!

— Папа! — опять влез Камилл.

— Сынок, помолчи! — И снова мужу: — Послушай, мы можем вычислить атомную массу элемента, составляющего «Шах». Все исходные данные есть, подставим в формулу...

Ирина вытащила из-под бумаг логарифмическую линейку и принялась считать. Марат посмотрел на взъерошенные волосы сына, на рубаху, выбившуюся из шорт:

— Стричься тебе пора, вот что!

Камилл не обратил внимания на отцовские слова.

— Папа, можно мне наконец спросить?

— Ваяй спрашивай.

— Все писатели пишут, что на других планетах есть жизнь: и Алексей Толстой, и Казанцев, и Герберт Уэллс, и Ефремов, и Джордано Брунов...

— Не Брунов, а Бруно.

— Они пишут, что на Землю прилетали пришельцы.

— И что?

— Так прилетали они или нет?

— Науке это неизвестно.

— А Баальбекская плита и рисунки в пещерах?

— Они ничего не доказывают, потому что могли быть сделаны человеческими руками. Нужно найти такую штуку, про которую точно можно сказать: она сделана пришельцами, только пришельцами и никем, кроме пришельцев. Понял?

— Жалко, — тяжело вздохнул сын. И ушел, шаркая ногами.

— Тапки надень! — крикнул вслед Марат. — Бруно он читает, а к тапкам не приучится... Ну, чего насчитала? — повернулся он к жене.

— Интересно получается, — ответила Ирина. — Вот смотри: рассчитанная атомная масса равна 12,76. То есть «Шах» примерно на четверть состоит из углеро-

да-12, остальное — тяжелый изотоп. Если только в составе нет углерода-14...

— Исключено. Радиоактивных примесей в «Шахе» нет. — Марат помолчал, поглаживая ладонью голову. — Ну, спасибо тебе, надо обмозговать эту идею.

Марат думал долго, до конца месяца. При его скоропалительности и категоричности это было очень много. Но решение не пришло. Полученные факты не вязались, они были слишком разнородны. Как совместить продолговатую форму с изотопным составом? Какой смысл заложен в скачкообразном уменьшении суммы углов между гранями — 720, 360 и 180 градусов? Где «Шах» набрал столько тяжелого изотопа? А интерференционные фигуры, складывающиеся в объемное изображение кристаллической структуры алмаза, вообще ни в какие ворота не лезли. Да еще эти загадочные светлые пятнышки в вершинах квадратов и треугольников...

Откуда-то издалека, из самых глубин сознания, просачивалась сумасшедшая мысль, навеванная вопросами Камилла. Но Усманов загонял ее обратно — ученый он или беспочвенный фантазер?..

Да, все вышло не так, как предполагалось. Он думал, что стоит исследовать алмаз «Шах», как все станет ясным. А тут еще большая темнота и бессмыслица. Если только не та безумная идея... Надо звонить Чернову, а то до понедельника не дожить.

Николай Иванович позвонил сам. Это произошло в субботу вечером. Голос академика был несколько озабоченным.

— Марат, ты разобрался в изотопном составе «Шаха»? — без предисловий осведомился Чернов.

— Да, Николай Иванович. Мы с Ирриной выяснили, что он на семьдесят шесть процентов состоит из углерода-13.

— Что ты предпринял?

— Написал в Киев заявку на десять граммов.

— Сколько это стоит?

— Из магазина «Изотопы» сообщили: восемьсот двадцать рублей за грамм. Это не страшно, у меня есть деньги на тему.

— Ты собираешься выращивать технические алмазы по триста рублей за карат при нынешней цене — трешка?

— Николай Иванович, если мы вырастим трех-четырехкаратные ювелирные алмазы, то получим экономический эффект. Ведь цена бриллиантов достигает шестисот рублей за карат.

— Правильно. — Чернов помолчал. — Как ты объясняешь патологические свойства «Шаха»?

— Пока все темным-темно...

— Никаких идей? — голос Чернова поскукнел.

Марат разозлился:

— Есть дикая идея, высказанная моим сыном.

— Излагай! — оживился академик.

— Алмаз «Шах», — ядовитым голосом сказал Марат, — это письмо пришельцев, отправленное несколько тысяч лет назад.

— Письмо, значит...

— Именно! Гипотеза о пришельцах объясняет все странности кристалла. Только вне земных условий мог вырасти продолговатый алмаз, состоящий в основном из углерода-13. Помните индусский миф о превращении Балы в груды алмазов? Видимо, пришельцы специально разрушили гигантскую статую отрицательного бога, чтобы это событие осталось в памяти людей. На месте обломков они оставили множество алмазов, а среди них и кристалл-письмо. Необычная форма «Шаха» поразила воображение индусов, арабов, персов. Поэтому они не решились резать или гранить его, как это случилось с «Куллианом». Что же хотели сообщить нам пришельцы?.. Николай Иванович, может быть, хватит?

— Отчего же? Продолжай.

— Пришельцы закодировали в «Шахе» технологию синтеза крупных монокристаллов алмаза. Информация

записана на трех уровнях. На это указывает ступенчатое уменьшение суммы углов между гранями: 720, 360 и 180 градусов. Первый уровень — странная форма алмаза, закономерность в углах и удельный вес. Второй уровень — наличие углерода-13 и фигуры интерференции. Третий уровень, до которого мы еще не добрались, — тонкая структура «Шаха». Вы еще слушаете?

— Да, весьма любопытно.

— Информация с предыдущего уровня подсказывает пути расшифровки информации последующего уровня. Так, удельный вес «Шаха» указывает на наличие углерода-13, а интерференционные фигуры — на способ кодирования основного письма...

— Ну, ну? — не выдержал Николай Иванович.

— Помните светлые пятнышки в узлах решетки? По-видимому, они означают атомы углерода-12. А во всех остальных узлах находятся атомы углерода-13, поскольку его в «Шахе» больше. Алмаз — это одна громадная молекула, состоящая из бесчисленного количества тетраэдров, соединенных друг с другом вершинами. В одних тетраэдрах есть углерод-12, в других — нет. Таким образом, получается запись из нулей и единиц — двоичный код, известный любому пятикласснику. Все ЭВМ работают на двоичной системе счисления... Следовательно, чтобы прочесть послание, надо расшифровать тонкую структуру «Шаха». Необходимо точно указать, в каких тетраэдрах есть углерод-12, в каких нет. Все!

— Сын не сообщил тебе, каким образом мы расшифруем структуру алмаза?

— Нет.

— Жаль, а то бы он мог занять твое место.

— Товарищи, — послышался резкий голос телефонистки, — вы занимаете линию уже десять минут. Заканчивайте!

— Минуточку, — попросил Чернов. — Так вот, Марат, приезжай в понедельник, поговорим. У меня есть

более правдоподобные объяснения причин патологии «Шаха». Заодно составим план экспериментов с углеродом-13.

— Хорошо, Николай Иванович.

— До свидания. Привет Ирине и гениальному сыну!

Марат посидел немного, слушая короткие гудки. Медленно положил трубку на рычаги. Заперся в ванной и долго умывался ледяной водой. «Подумаешь, академик! — думал он. — Может, я тоже стану академиком... Сам не умеет определять координаты атомов, а я виноват! А не зарапортовался ли я? Пришельцы!.. Нет, нутром чую, что с двоичным кодом ошибки нет. Но как его расшифровать? Сто или двести лет пройдет, пока прочтут письмо пришельцев. Мне до этого не дожить... Ан нет! — оборвал он себя. — Я еще не спекся. Я еще поэкспериментирую с углеродом-13!»

— Камилка! — весело закричал Марат, выходя из ванной. — Где твой телескоп? Айда смотреть пришельцев!

9. НЕБО В АЛМАЗАХ

Черепу шкатулку вскройте —
сверкнет
драгоценнейший ум.
Есть ли,
чего б не мог я!

Владимир Маяковский

Посылка с заказанными десятью граммами углерода-13 прибыла из Киева весной следующего года. Странное чувство испытал Усманов, когда вскрыл ящик, распеленал обернутую многими слоями ваты коробочку, выбросил из нее кучу мягкой упаковочной бумаги и наконец извлек запаянную ампулку с сажой. Сажа была как сажа, внешне она ничем не отличалась от бедной родственницы из печной трубы. Но в то же время в ней чудилась избыточная тяжесть. Ощущение это, конечно, было ложным, потому что вряд ли в таком количестве

порошка можно было почувствовать увеличение удельного веса на десять процентов. И все-таки атомы киевской сажи содержали нейтронов больше, чем отпущено природой обыкновенному углероду. И это придавало ей некую аристократичность.

План проведения опытов с новым видом шихты был составлен давно и многократно обсужден с Черновым. Предусматривалось варьирование дозировками тяжелого изотопа, металлом-растворителем, общим весом шихты, параметрами режима. Кроме того, был буквально вылизан, отлажен и несколько раз опробован лучший пресс. Кроме того, Усманов договорился со всеми руководителями исследовательских подразделений института об экспрессном проведении необходимых анализов. Когда не хватало его напористости, он беззастенчиво пользовался авторитетом жены, к словам которой прислушивался сам директор. Таким образом, сложный институтский механизм был подготовлен, и посылка из Киева запустила его в работу.

В первом опыте выросли блестящие желтоватые кристаллики толщиной с иглу и длиной миллиметра три. В лаборатории их рассматривали, отталкивая друг друга от микроскопа. Решили:

— Это не алмазы.

Усманов сохранял непроницаемый вид. Молча собрал иголки в пакет из кальки, ушел к рентгенистам и вернулся через три часа. Сотрудники слонялись по лаборатории, отказавшись от обеда. Усманов, опустив глаза, сел за свой стол.

— Ну? — не выдержала Светлана.

— Алмазы, — небрежно молвил Марат, бросая паке-
тик на стол. — Дети «Шаха».

Все дружно завопили.

Эксперименты ставили каждый день. Количество иголок в спеках раз от разу увеличивалось, а на прессе с усилием в шестнадцать тысяч тонн их диаметр достиг миллиметра. Уже можно было налаживать бриллианто-

вое производство, но тут десять граммов бесценной сажи подошли к концу. Усманов с письмами от директора института и Чернова улетел в Киев и вернулся через неделю с килограммом углерода-13. Дома его нетерпеливо дожидалась Ирина.

— Я нашла для наших алмазов крупное техническое применение!

— Ну? — проницательно воскликнул Марат. Успешная поездка в Киев вселила в него уверенность. — Молодец!

— Будешь слушать или нет?

По решительному виду жены Марат понял, что сейчас не время для шуток.

— Извини, пожалуйста. Я серьезен.

— Мы проверили иголки алмаза на прохождение в них ультразвуковых волн. Обнаружилась интересная закономерность: чем больше в кристаллах углерода-13, тем меньше затухание волн.

— Иголки, целиком состоящие из тяжелого изотопа, исследовали?

— Да. В них затухание очень велико. А в кристаллах с добавкой углерода-12 уменьшается.

— Погоди, я не уразумел. У тебя то легкий изотоп уменьшает затухание, то тяжелый...

— Чего тут непонятного? Затухание ультразвука уменьшается, если в обычный алмаз добавлять углерод-13 или в тяжелый алмаз — углерод-12.

— Значит, надо вырастить кристалл с оптимальным соотношением изотопов?

— Вот, вот.

— Вырастим. А где ты хочешь его применять?

— В ультразвуковых линиях задержки.

— Что это такое?

— Эх ты, односторонний специалист! Без линий задержки немыслимы телевидение, радиолокация, кодирующие и запоминающие устройства, космическая техника...

— Ладно, ладно! Посмотрим, что скажет Чернов.

Николай Иванович, когда Марат сообщил ему результаты исследований жены, неожиданно побледнел. Долго разглядывал график Ирины, на котором была изображена кривая линия, состоящая из двух ветвей — крутой и пологой. Ветви резко обрывались, не успевая соединиться.

— Если ветви сойдутся на оси абсцисс, — хрипло произнес Николай Иванович, — ваша работа получит Нобелевскую премию. Нулевое затухание ультразвука в кристаллах равносильно открытию сверхпроводимости и сверхтекучести. Не говоря уже о колоссальном экономическом эффекте.

— Ну?! — удивился Марат. — В таком случае я готов свести ветви кривой не только на оси абсцисс, но и гораздо ниже! — добавил он шутливо.

Но ветви так и не соединились. Усманов пускался на всяческие ухищрения: менял давление и температуру, перепробовал все мыслимые металлы-растворители, вообще отказывался от них, увеличивал навеску шихты, менял катализаторы. Все было тщетно. Правда, длина алмазных иглонок несколько увеличилась, но это уже ничего не волновало. Каждый новый опыт будил надежды, но промеры Ирины давали неутешительные результаты. Работа зашла в тупик.

Шло время. Камилл учился в шестом классе и переписывался с журналом «Земля и Вселенная»; фотографию Ирины повесили на областную доску Почета; Марат отпраздновал тридцатипятилетие покупкой романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Директор института прекратил работы по ударному способу синтеза алмазов и высвободившихся сотрудников передал Усманову. Но у Марата оставалось всего сто граммов тяжелого изотопа. Он забросил эксперименты и ударился в детальный анализ полученных кристаллов. Так как содержание углерода-13 в алмазе можно определить только по удельному весу, он усадил ученых за пикнометры.

Результаты измерений заставили Усманова плаксиво сморщиться. Оказалось, что изотопы углерода, растворенные под давлением в расплавленном металле, вели себя по-разному. Легкий углерод-12 всплывал и концентрировался в верхней части пресс-формы, а более тяжелый углерод-13 собирался на дне. Гравитационная дифференциация... Только она, проклятая, мешала вырастить алмазы с оптимальным соотношением изотопов, необходимым для нулевого затухания ультразвуковых волн.

Печальный Марат поехал к Чернову. Долго они сидели друг против друга, уныло поглаживая коротко остриженные головы — седую и черную.

— Надо как-то изворачиваться, — минорно тянул Чернов. — Надо... Но как?

— На земле от гравитационной дифференциации расплава нам не увернуться, — угрюмо заявил Марат. — Никогда и никак. — Вздохнул и поднялся. — Вот что, Николай Иванович... Нужна невесомость.

Чернов взглянул исподлобья.

— А еще что нужно? Не стесняйся, выкладывай. Луна, астероиды, планеты. И кольцо Сатурна в придачу... Сядь.

— Луна не нужна. Нужен равномерно перемешанный расплав. Мне нужен, вам нужен. И технике нашей, науке, черт побери!

— Сядь, я сказал. — Чернов поморщился, как от зубной боли. — Впрочем, ладно, ступай.

У двери Марат обернулся и глухо спросил:

— Так что же нам делать?

— Думать. Да, сударь мой, думать. Искать.

Усманов слепо шарил рукой в поисках дверной ручки.

Через месяц Чернов снова вызвал Марата. Ирина ждала мужа к вечеру — они договорились пойти с Камиллом в лес, чтобы встретить там Новый год и полнолуние. Луна взошла точно по расписанию, лыжи были

натерты соответствующей мазью, но Марат не приехал. Не появился он и на следующий день. Встревоженная Ирина звонила в Москву, но там никто ничего не знал. Николая Ивановича не было ни дома, ни в институте. Наконец Марат приехал, переполненный загадочности и многозначительности.

— Где пропадал? — нехорошим голосом спросила Ирина.

— Загулял. — Марат подмигнул.

— Мог бы позвонить!

— Не догадался... Знаешь, Чернов — гений! — добавил он ни с того ни с сего.

Ближе к весне в отделе высоких давлений появились стажеры, два плотных паренька. Один был чернявый, другой белобрысый, звали их Сергей и Георгий. Они как привязанные ходили за Усмановым, лазили с ним во все щели прессов, рылись в технологической документации. Незамужние лаборантки сразу отметили отсутствие обручальных колец у добродушных и жизнерадостных новичков. Однако Жора и Сергей их красноречивых взглядов не замечали. Целыми днями они работали, а вечера проводили в доме Усмановых. Копались в библиотеке Марата, играли в шахматы с Камиллом и совершенно покорили его знанием астрономии. Вооружившись телескопом, втроем спускались во двор, долго смотрели в звездное небо. Возвратившись, рассуждали о планетах, туманностях и межзвездной пыли. Ночевать уходили в гостиницу, отдав должное кулинарному мастерству Ирины.

— Очень современные ребята, — одобрительно отзывалась она. — И головой умеют работать, и руками. Меня лаборантки замучили — кто же они?

— Обыкновенные стажеры, — темнил Марат. — Мало ли их у нас перебывало!

Стажеры уехали через две недели, подарив растроганной Ирине коробку с редкостными конфетами, а Камиллу — спектрографическую приставку к телескопу.

— Вот каким должен быть настоящий мужчина, — попеняла Ирина мужу.

— Авось и я неплох, — засмеялся Марат.

Потом Усманов зачастил в командировки. Он летал то в Ленинград, то в Киев, то в Новосибирск, то в Казахстан.

— Камилл кончил седьмой класс с похвальной грамотой, — информировала Ирина.

— Молодец, — хвалил Марат. — Весь в меня. Где он?

— В походе... Мы в этом году в отпуск идем?

— Давай зимой, а? На лыжах покатаемся!

— Ну давай, — вздыхала Ирина, собирая мужа в очередную командировку.

Лето выдалось пыльное, жаркое. Все были в отпусках, и она скучала. Потом Марат перестал ездить и впал в задумчивость. Казалось, он чего-то ждал. В шахматы играл невнимательно, постоянно проигрывал и даже не сердился на подначки сына.

Однажды, придя домой, Ирина и Марат застали Камилла в большом возбуждении.

— Почему не сказал, — набросился он на отца, — что дядя Сережа космонавт?

— С чего ты взял? — нахмурился Марат.

— Так ракету же запустили! А в экипаже дядя Сережа!

Марат обмер и прислонился к косяку. Потом засуетился, не раздеваясь, бросился к телевизору. Передавали сообщение о выводе на орбиту очередного «Союза» с тремя космонавтами на борту. Позывные — «Алмазы», самочувствие хорошее. В программе полета — стыковка с орбитальной станцией, проведение технологических и медико-биологических экспериментов, спектральные исследования звезд, фотографирование земной поверхности. Потом на экране появились улыбающиеся космонавты, и среди них «Алмаз-3» — Сергей Скворцов.

— А почему дядя Жора не полетел? — спросил Камилл.

— Он дублер... Помолчи, не мешай слушать.

Утренние газеты сообщили биографии космонавтов. Было также опубликовано заявление экипажа перед стартом. Информация о программе полета повторяла вчерашнюю.

Миновало еще пять суток. Марат мучился неизвестностью, глядя на него, нервничала Ирина. Камилл аккуратно собирал газеты с портретами дяди Сережи, а радио и телевизионные сообщения записывал на магнитофон и потом прокручивал отцу.

Вечером седьмого дня система интервидения начала прямой репортаж из космоса. На экране — рубка орбитальной станции. Все три «Алмаза», затянутые в палевого цвета костюмы, плавали в невесомости и улыбались. Репортаж вел Сергей Сковрцов.

— Дорогие друзья! — Голос его был несколько искажен. — Вы знаете об успешной работе советских ученых по получению необычных сплавов и кристаллов в космических условиях. Космическая технология основана на использовании свойств невесомости для лучшего перемешивания материалов разного удельного веса. Только во внеземной лаборатории получены, например, сплавы кадмия, ртути и теллура. В программу нашего полета включен эксперимент по синтезу кристаллов, которые в условиях земной гравитации расти не хотят. Инженеры и ученые подготовили уникальную аппаратуру и шихту, запаивающую в специальные капсулы. Докладываем: мы получили эти кристаллы!

Он протянул руку и разжал кулак. На ладони, посверкивая гранями, лежали продолговатые кристаллы величиной с палец. Цветной экран отчетливо передавал их золотистую желтизну и прозрачность.

— Алмаз «Шах»! — ахнула Ирина и повисла на шее у мужа.

Марат обнял ее и Камилла. Сковрцов продолжал:

— Конечно, работы еще не закончены. Мы успешно завершили первый этап. Дальнейшие исследования кристаллов будут проводиться в земных лабораториях. Ждите нас на Земле!

Он убрал руку, и кристаллы медленно поплыли, как стайка рыбок в воде. На острых ребрах вспыхивали красные и желтые искорки, грани поблескивали отраженным светом... Один из кристаллов подплыл так близко, что заполнил собой весь экран. Но и сквозь него были видны ликующие лица «Алмазов»...

ДЕНЬ ВЕНЕРЫ

1. ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА В НЕВЕСОМОСТИ

На узком поле, зажатом между деревнями Грюнвальд, Танненберг и Людвигсдорф, словно в огромной квашне, железом замешивали землю на крови. Битва близилась к концу. Большой оборонительный круг крестоносцев был прорван, распался на несколько малых кругов, ошетиленных мечами. Рыцари гибли, растеряв грозную красоту. Белые плащи с крестами были втоптаны в прах, покоробленные панцири залеплены грязью и кровью. Над полем стоял лязг и грохот, словно сотни молотов били по наковальням. Густое облако пыли заволокло небо.

Победоносное воинство короля Ягайлы перемешалось. Рядом сражались бронированные шляхтичи и коренастые мазуры; литвины великого князя Витовта, закутанные в звериные шкуры, и дикие валахи с деревянными досками вместо железных доспехов; смоленские витязи князя Семена Ольгердовича и свирепые багатуры хана Салах ад-Дина. Мечи, секиры, дубины, рогадины, сулицы, кривые сабли обрушивались на бешено огрызающихся крестоносцев.

Один из рыцарей с перерубленным наплечником не выдержал и, тяжело переваливаясь на прямых ногах, попытался выйти из боя. Перед ним встали два противника: русский и татарин. Рыцарь взял меч наотмашь и пошел вперед. На смоленском витязе поверх белой полотняной рубахи была всего лишь прорванная в двух местах кольчуга. Вооружение состояло из топора и красного, заостренного книзу, щита. Шлем был сбит, русые кудри рассыпались по плечам. Широкогрудый татарин ловко размахивал кривой саблей, прикрываясь круглым щитом. Он был одет в бурую кожу с медными

пластинами на груди. Правая рука оголена, из-под шлема выбились черные волосы. Русский бросался на врага как волк, нанося прямые удары. Багатур крутился барсом, сузив раскосые глаза. Тяжелые удары рыцарского меча пробили оборону противника. Смоленский витязь отступил, обливаясь кровью. Щит багатура разлетелся на куски, отрубленная правая рука упала в пыль. Татарин завизжал и бросился в ноги крестоносца. Тот споткнулся, сделал два шага, пытаясь сохранить равновесие, упал ничком. Собрав последние силы, русский несколько раз ударил топором по шлему рыцаря, сплющивая его в лепешку. Пошатнулся и крест-накрест упал на татарина.

Багатур все еще шерил редкие зубы, но глаза его были мертвы. Со щек витязя, покрытых первым пушком, медленно стекал румянец...

Изломанные трещины, словно желтые молнии, перечеркнули трехмерное пространство. Они быстро расширялись, поглощая поле битвы. Грохот и выкрики незаметно перешли в гром ракетных двигателей. На экране возникли те же юноши, русский и татарин, облаченные в голубые комбинезоны. Они серьезны, спокойно переговариваются, следя за показаниями приборов. Камера любит космонавтами, показывает их то крупным, то средним планом... Взрывается музыка, по экрану снова бегут желтые молнии. В нарастающем лязге клинков продолжается злая сеча у деревни Грюнвальд.

После окончания фильма Баграт Сванидзе открыл шторку на иллюминаторе. Восхищенно поцокал языком:

— Вот это кино, а? Давно я так не волновался!

Командир корабля Красов неопределенно покрутил головой и поплыл к выходу.

— Буду у себя, — бросил он. — Погляжу что и как.

Жгучие солнечные лучи, пройдя через иллюминатор как сквозь увеличительное стекло, воспламенили роскошную шевелюру Михаила Ломова. Цветом и формой она напоминала соломенную копну. Волосы были подре-

заны низко над бровями, но полностью закрывали шею и уши, кокетливо выгибаясь на концах. Создавалось впечатление, что Ломов из озорства нахлобучил парик с чужой головы. Соломенная копна никак не сочеталась с продолговатым лицом, тонким горбатым носом и впалыми щеками. Еще более странно было видеть под поморской челкой крутые дуги бровей, словно выведенные тушью, и совершенно черные итальянские глаза, которые давали повод называть Ломова Микелем.

Потянувшись гибким сухим телом, затянутым в голубой комбинезон, Ломов спросил:

— Вы обратили внимание на нерешительность короля Ягайлы? До последней минуты он надеялся на мирные предложения. Не хотел напрасно лить кровь.

— Что в этом хорошего? — спросил планетолог Галин. — Разве можно перед решающей битвой проявлять слабость?

— И это говорит корабельный врач...

— На войне как на войне!

— Татарин в последнем эпизоде совершенно похож на Гала, — сообщил Баграт Сванидзе.

Галим Галин был слишком массивен, поэтому всегда забивался в угол, чтобы не занимать много места. Он потерял кудрявые волосы:

— Неужели я настолько дик образом?

— Все это ерунда, — оборвал их Ломов. — Я тоже похож на смоленского витязя. Ну и что? Лучше скажите, что вы думаете об этом эпизоде, который я назвал бы экстраполяцией в будущее?

— Здесь все понятно. Авторы фильма хотели подчеркнуть, что война — колоссальное зло. На земле живут многие народы, и самое правильное для них — добрососедство и сотрудничество. Как сейчас.

— Естественно. Но что делать, если на тебя прет завоеватель? Жертвы неизбежны.

— Ошибаетесь, — заявил Ломов. — Все дело в генетическом коде. Тонкость режиссерского замысла!

— Что, что?

— Основное сокровище людей — гены. Генофонд планеты велик, но небеспределен. Всякое насильственное уничтожение человека, носителя неповторимой комбинации генов, является преступлением.

— Перегибаете, — сказал Галин.

— Почему? Имею право на свою трактовку. Судите сами: витязь и багатур — безусые юноши. У них нет и никогда не будет детей, внуков, потомков. В фильме показан космический полет, который никогда не состоится. Потому что именно эти космонавты никогда не родятся.

— Природа всегда заботится о прочности, она всегда имеет резервы... Грюнвальдская битва, конечно, решала, быть или не быть самостоятельными целым народам...

Баграт ни с того ни с сего окрысился:

— Борьба против захватчиков — преступление?

Ломов попытался объяснить:

— В битве погибли тысячи воинов. Потеряны тысячи комбинаций генов. Убиты настоящие мужчины. Каждая война надолго оставляет последствия...

Сванидзе не слушал. Он хищно изогнулся, стиснув в кулаке невидимый кинжал.

— Прямо абрек какой-то, — усмехнулся Ломов. — Летим всего-то вторую неделю, а он уже бьет копытом.

— Ребята, ребята, — утихомиривал друзей Галин, — не перегибайте палку. Бионетик Ломов построил абстрактную модель в терминах своей науки. Он не учел, что люди — это не его любимые кианы, искусственные существа. У людей в сильнейшей степени развито эмоциональное начало. Чувство патриотизма, национального самосознания...

Бортинженер вскрикнул и полетел на Ломова. Галин едва успел перехватить его.

— Брек, — решительно сказал он. — Бокс отменяет-

ся. Предлагаю разойтись, а то командир покажет нам кузькину свекровь.

Ломов презрительно пожал плечами и открыл люк отсека, в котором они жили вдвоем с Галом. В это время раздался зуммер. Трубку снял планетолог.

— Экипажу собраться у меня! — Голос Красова был непривычно взволнован.

— Понял. Микель, не уходи, что-то случилось.

Они быстро поплыли по анфиладе отсеков «Венеры». Миновали кают-компанию, которая одновременно служила кинозалом, библиотекой и столовой. Следом за ней располагался спортивный зал. Ломов вспомнил утреннюю победу в космобол и самодовольно усмехнулся: «Так вот почему зол Баграт! Жаль, не было болельщиков. Спортотсек совмещен с душевой, туалетом и мусоросборником. Больше двух человек не входит...»

«Вот тебе и проблемы космоустойчивости, — думал Галин. — Чуть не подрались эти петушки... Надо что-то придумать».

В это время Баграт открыл люк последнего обитаемого отсека. Дальше, у носа корабля, располагался посадочный атмоскаф «Тетра».

Большую часть командирской рубки занимали пульт управления и электронно-счетная машина, которую Сванидзе звал Эммочкой. В отличие от Киана она не была личностью. Обыкновенный арифмометр, придаток человека. Ломов такие не любил. Космонавты помещались в рубке, если использовали всю кубатуру. Поэтому Баграт сел рядом с Красовым, а остальные всплыли к потолку и повисли вниз головой, наподобие летучих мышей.

— Чего жмемся? — спросил бионетик. — Пошли в кают-компанию!

— Возможно, считать придется. — Лицо у командира багровое, результат давнего ожога. Что-то не удалось у него на Меркурии.

— Считать? — подозрительно спросил Сванидзе. — Что?

— Программу торможения.

— Зачем? — Бортинженер клюнул горбатым носом. — И где мы возьмем топливо?

— Если будет нужно, найдем.

— Не буду искать! Нашел лихача, понимаешь...

— Обстоятельства чрезвычайные, — неторопливо сказал Красов. — Из Центра управления сообщили: пропал Киан.

Бионетик едва не спикировал на голову Баграта.

— От нас утаили, что последние три дня Киан вел себя странно. Перемежал деловую информацию с бессмыслицей. Говорил о каких-то жуках, топорах, дятлах...

— Никита, — растерянно сказал Ломов, — шутишь?

— Вот радиограмма. Ты специалист, тебе и карты в руки. По косвенным данным, в Центре управления полагают, что Киан упал на планету Венера.

— Бред какой-то...

Остальные члены экипажа были поражены не меньше.

— У нас три возможности, — сказал командир. — Первая: прервать полет.

Космонавты недовольно зашевелились.

— Вторая: резко сократить время полета. Может быть, успеем помочь Киану.

— Топлива, понимаешь, в обрез. Надо хорошо посчитать.

— Никита, — подал голос Галин, — стоит ли пороть горячку? Мы можем работать по варианту программы без Киана.

— Это и есть третья возможность.

Через неделю Галим Галин, изучая анализы крови членов экипажа, думал: «Удивительно, до чего гибок человек. Недавно переживали исчезновение Киана, едва назад не повернули. Но вот все утряслось, продолжаем полет к Венере. Испытания на космоустойчивость продолжаются. И у Микеля дело появилось...»

Бионетик долго сидел над радиограммой. Жучки, дятлы и топоры наводили на мысль о мании преследования. Но Киан не мог сойти с ума, как человек не может сойти с рельсов. Разве что в переносном смысле... В результате у Микеля сформировалось нездоровое чувство юмса. Его итальянские глаза начинали испуганно бегать, когда волос каким-то ухищрением вставала дыбом. «Боюсь топора», — с ужасом говорил бионетик. Этой шуткой он изводил пылкого Баграта, которому помогал общаться с Эммочкой в качестве кибернетика. В конце концов Сванидзе выгнал его. Тогда Ломов превратился в биолога и принялся систематизировать данные медицинских наблюдений. Вскоре он выявил ряд тонкостей, которые осветили проблему космоустойчивости с неожиданной стороны. Галин был удивлен. Он знал, что Ломов — крупный специалист в области бионетики, один из создателей Киана. Однако космоустойчивость и бионетика довольно далеки друг от друга.

Полет продолжался штатно. Работали, выстаивали вахты, играли в космобол, читали, смотрели кино. На подходе к Венере произошло ЧП — Ломов, который много времени проводил в спортотсеке, перегрелся на велоэнергомере, а затем переохладился под душем. Он оглушительно чихал, из носа и глаз текло. Как человек, никогда не болевший, быстро скис. Пожелтел, осунулся, жалобно постанывал. Галину пришлось бороться и с болезнью, и с малодушием пациента. Ультрафиолетовое облучение в сочетании с психотерапией поставили Микеля на ноги. В благодарность он обрушил на Галима сонеты Петрарки, терцины Данте, газели Джами, рубаи Хайяма, строки Пушкина и Цветаевой. Стихов он знал невероятное количество. Галин был невозмутим. Он готовил к печати «Очерки планетологии».

Через несколько дней Красов, Сванидзе и Эммочка в последний раз скорректировали орбиту «Венеры». Корабль увеличил гелиоцентрическую скорость до 35 ки-

лометров в секунду и подошел к финниш-планете с внутренней стороны. Теперь он обращался вокруг планеты Венеры почти в плоскости ее экватора по эллиптической орбите с перигесперием 684 километра. Направление движения корабля совпадало с суточным вращением планеты.

2. ТАМ, ПОД ОБЛАКАМИ...

Два солнца сияли по обе стороны корабля. Казалось, что диск малого, истинного солнца стремительно вращается на фоне черного неба, разбрызгивая лучи. В большом солнце ощущалась крутая сферичность, хотя никаких деталей на слепящей поверхности не было видно. Только ультрафиолетовые лучи выявляли структуру венерианских облаков. Обзорный экран напоминал холст, на котором художник-абстракционист поспешными мазками изобразил пятнисто-полосатый круг.

Галин и Ломов готовились к испытаниям «Тетры», Красов и Сванидзе тщетно просиживали у приемника. Кнан молчал. Однажды Микель за какой-то надобностью приплыл в командирский отсек. Красов и Баграг сидели с выражением напряженного внимания на лицах. Ломов невольно насторожился. Однако ничего, кроме музыки, не услышал. Это была знакомая мелодия, которая ассоциировалась с березовой рощей, солнцем и ветром. Березки, словно девушки, рассыпали по плечам зеленые волосы, а ветер подхватывает их и относит в сторону. В каждой пряди искрится и переливается солнце.

— Чайковский, Четвертая симфония, — сказал Ломов.

— Это Кнан.

— Чего-о-о?

— Кнан. Передача идет из долины Блейка.

— Чушь! Вы поймали Землю.

— Тебе говорят — запеленговали станцию на по-

верхности Венеры. Сначала хор имени Пятницкого пел «Во поле березонька стояла...». Теперь — Чайковский.

— Пусти-ка...

— Пробовали. Киан не отзывается.

Теперь маршрут дрейфа «Тетры» в атмосфере Венеры был ясен. Конечная точка — Киан. В Центре управления долго обсуждали предложение Красова, рассматривали варианты посадки. К пятнице все было готово.

— Пятница — день Венеры, — сообщил Галин. — Так утверждают древние календари.

— Счастливое предзнаменование! — обрадовался Микель.

— Но не для тебя. Шевелюру-то придется снять.

— Это еще зачем?

— Читай инструкцию о работе в атмосферном скафандре.

После бритья стало понятно, почему Ломов сопротивлялся. Формой его голова походила на мяч для регби. Она была сизовой, продолговатой, а к затылку и лбу плавно сужалась.

— Черт знает что, — сокрушался Ломов, глядя в зеркало. — Не голова, а трехосный эллипсоид. Как покажусь жене?

В ночь перед стартом Ломов спал плохо. Кашлял, крутился в спальном мешке. С завистью смотрел на Гала. Под утро Ломову почему-то приснилась Феодосия, зеленое море и случайная знакомая Марина. Девушка плакала, убеждала, что неправильно понята, что любит его с томительной силой. Так и сказала — с томительной силой. Ломов едва убежал по вязкому песку, который вдруг всосал его до шеи. Проснулся он в зябком поту, долго лежал, тяжело дыша...

После завтрака Галин уложил в планшет рукопись своей книги. Потом достал откуда-то лепешку, отломил кусок и медленно сжевал. Остаток спрятал в спальный мешок.

— Зачем? — спросил Микель.

— Поработаю над книгой, пока ты разберешься с Кианом.

— Я спрашиваю, зачем лепешку кусал?

— Старый татарский обычай. Бабушка учила: «Если уезжаешь далеко, оставь надкушенный хлеб. Хлеб вернет тебя домой».

— Дай-ка и я кусну...

Они быстро проплыли через все рубки корабля. Красов и Баграт висели по обе стороны люка, ведущего в «Тетру». В переходной камере Ломов успел заметить два огромных, в человеческий рост, яйца с повисшими манипуляторами. Это были атмосферные скафандры.

— Галим, Миша, доброй дороги, — пожелал Красов.

— Привет Киану от Эммочки! — крикнул Баграт.

Ломов сидел в кресле, закрыв глаза. Рядом дышал Галин.

— «Венера», я «Тетра». К расстыковке готов.

— Понял вас. Действуйте.

Их прижало к спинкам кресел.

— Отошли нормально, — сообщил Красов. — Дистанция тридцать метров... Пятьдесят...

— Шестьдесят, — подхватил Галин. — Все штатно. Приступаю к маневру.

Щелкнули тумблеры. «Тетра» дрогнула, и Ломова бросило на левый подлокотник. Он открыл глаза.

— Говори хотя бы, что делаешь.

— Поворот вокруг оси. Готовимся к торможению.

Они молча смотрели, как стрелка таймера короткими рывками приближалась к алому штриху. В нулевой момент Ломов напряг мышцы. Тут же невидимые ремни стянули тело, выдавливая воздух из легких. Кровь превратилась в ртуть, налила тяжестью руки и ноги. Ломов чувствовал, как плывет кожа на лице, собираясь складками к ушам. Рот растянуло в кривой ухмылке, губы едва не рвались от напряжения.

«Четыре месяца в невесомости, — думал Ломов.

Мысли перекатывались, как булыжники. — Изнежился донельзя...» Стоическое терпение спортсмена иссякало. Время словно умерло. Микель задышался. Вдруг невидимые ремни лопнули.

— Д-да... — хрипло сказал Ломов. — Д-дела...

— Эй, эй! — не менее хриплым голосом окликнул Галин. — Ты куда?

— Да вот...

— Сиди, дед, сиди. Отдыхай. «Тетра» выпускает крылья.

В голове у Ломова прояснилось. Он уже видел не только таймер, но и сидящего слева Галина, и пульт управления, и всю рубку. Он даже как бы со стороны увидел «Тетру», вставленную в конусовидный обтекатель с короткими крыльями.

Галин посмотрел на альтиметр и включил обзорный экран. От неожиданности Микель вскрикнул. Под ними расстилалась снежная страна, похожая на Антарктиду. Крутые холмы, то одиночные, то собранные в гряды, сменялись долинами с дух захватывающей глубиной. «Тетра» приближалась к верхней границе облаков. Белые холмы и долины неслись с возрастающей скоростью.

— Как будто самолет идет на посадку...

Перед ними возникла гора с округлыми склонами. «Тетра» бесшумно, как иголка в масло, вошла в снежный склон. Экран чуть заметно потемнел. «Тетра» пронызывала горы, пока полностью не погрузилась в облака. Они были настолько неплотными, что Ломов различал структуру нижележащих слоев, которые напоминали желтоватые клочья ваты, переплетенные между собой и закрученные в спирали.

— Что-то облака пожелтели...

— Серная кислота. — Галин смотрел на приборы. — Высота пятьдесят пять, скорость сто сорок, давление пять сотых мегапаскаля. Пора.

— Температура?

— Триста десять кельвинов, как в Средней Азии.

Галин вдавил кнопку отстрела. «Тетра» вздрогнула. Микель знал, как это выглядит со стороны: взрыв раскалывает орех обтекателя, скорлупа уносится вихрем, ядрышко продолжает спуск. Ядрышко сложное — рабочая рубка окружена четырьмя несущими шарами, расположенными в вершинах тетраэдра. Потому и «Тетра».

— Высота сорок. Вошли в тропосферный вихрь.

— Почему молчит «Венера»?

— Корабль на другой стороне планеты...

И тут буйная тропосфера словно ворвалась в «Тетру». Волнистые струи и спиральные завихрения захлестнули космонавтов. Несущие шары с сумасшедшей скоростью вращались вокруг атмоскафа, смазываясь в сплошные полосы. Первозданный хаос проник в сердце Ломова. Он ослеп. Тело превратилось в туман, распушенный встречным вихрем. Только мозг яростно сопротивлялся...

Вдруг все прекратилось.

— Гал, — сипло сказал Ломов и закашлялся. — Гал... Что это было?

— Тропосферный вихрь.

Ломову было стыдно за минутную слабость, за свое тренированное тело, которое так неожиданно подвело. Чтобы отвлечься, он принялся размышлять о «Тетре». Какая она прочная и легкая! Как остроумно задумана и решена! Только настоящий инженер мог взять за прототип детскую куклу-неваляшку. Сколько ее ни крути, она всегда будет сохранять положение устойчивого равновесия. Низ всегда будет низом, верх — верхом. А шары не только поддерживают «Тетру» на плаву, но и придают ей остойчивость, как любой гироскоп.

Облачный слой кончился. Потрясающая картина открылась перед космонавтами. За недостатком слов Микель выразил свое состояние только одним звуком: «О-о-о!» Лишь через полчаса он нашел аналогию для

увиденного. «Модель океана углекислого газа можно построить, — думал он. — Достаточно отполировать драгоценный аквамарин. Прозрачная голубизна камня будет соответствовать... Нет, не будет! Атмосферная голубизна не равномерна... А-а-а, вот что! Надо растворить в аквамарине алмаз. Да еще исхитриться, чтобы содержание аквамарина с глубиной увеличивалось. Потом начнем растворять изумруд, хорошо бы бразильский, голубовато-зеленый... Уже похоже, но чего-то не хватает. Не хватает, не хватает... Освещения! Полученный трехслойный кристалл надо осветить оранжевыми лучами. Теперь похоже. Как плоская фотография на жизнерадостный оригинал! Да-а-а... Матушка-природа!»

— Поверхность планеты увидим? — спросил Ломов.

— Да. На десяти километрах атмосфера прозрачна.

Галин включил блок связи. Рубка наполнилась шорохами, треском и даже попискиванием, напоминающим голоса сонных птиц. Едва он начал звать к «Венере», как был оглушен фальцетом командира:

— Ребята, слышу вас отменно. Куда вы запропастились? Три минуты волнуемся...

— Высота двадцать три. — Галин уменьшил громкость. — Координаты...

— Не надо, Баграт уже запеленговал. Идете почти к стержню Онежского течения. Вводим данные в Эммочку. Как Миша?

— А что спортсмену сделается? Сидит — рот до ушей!

— Ребята! — завопил Ломов. — Все чудесно! Если бы вы видели океан углекислого газа! Аквамарин...

— Микель, — сказал Красов, — всякому овощу свое время. Принимайте информацию о вариантах маневра.

Баграт начал диктовать бесконечный ряд цифр. Ломов нетерпеливо ерзал в кресле. Голос Баграта слабел, терялся в помехах.

— Сто! — из огромного далека крикнул Сванидзе. — Конец.

— Ребята, большой привет с Земли! До следующей связи!

— Как там Киан? — успел напоследок спросить Ломов.

— Поет «Среди долины ровныя...».

Голос Красова затерялся в шипении и пiske целого сонма сонных птиц.

3. МОГУТ ЛИ АРХАНГЕЛЫ ВИЗЖАТЬ?

Онежское течение влекло «Тетру» над Долиной Кратеров, подернутой изумрудной дымкой. Зыбкое марево искажало детали рельефа. Медленно проплывали кратеры. С десятикилометровой высоты кратерные валы казались черными кольцами. Они были разбросаны как попало. Местами перекрывали друг друга, напоминая обрывки круглозвенной цепи. Ближе к приподнятому горизонту мутно-зеленое марево наливалось не менее мутной желтизной и постепенно переходило в оранжево-красное небо. Облаков в земном понимании этого слова не было. Сплошное красное небо с размытыми оранжевыми полосами...

После безумия верхних слоев тропосферы в «Тетре» наступил покой.

— Кратер Андромаха. — Галин вел пальцем по карте. — Дальше — Кассандра и Елена.

— Красивые имена. Оказывается, среди планетологов встречаются знатоки «Илиады».

— То есть?

— Названные женщины жили в Трое. А по Гомеру, над этим городом шефствовала богиня Венера.

Хорошо сидеть в удобном кресле и разглагольствовать о Гомере. Хорошо смотреть на Гала, который смеется, запрокинув бритую голову.

— Что с тобой?

— Венерианская топонимия восходит к Ломоносову. Михайло Васильевич, собираясь исследовать Венеру,

заготовил для гор серию женских имен. А морям предполагал дать названия земных рек и озер.

— Здесь нет морей!

— Зато есть постоянные атмосферные течения.

— Но Ломоносов наверняка читал «Илиаду»!.. Кстати, твой смех напоминает бульканье закипающего кофейника.

Ломов достал две саморазогревающиеся банки. Пили, не отрывая глаз от экрана. Хрустели сухариками.

— Ты напомнил одного сумасшедшего планетолога, — сообщил Галин. — Сей ученый муж считает, что на Венере возможны флюктуации. Поскольку, мол, на дне атмосферы течений нет, то должны быть низкотемпературные зоны, обогащенные кислородом.

— Читал, читал. По-моему, он логичен. В любой пустыне есть оазисы, почему Венера исключение? Предположим, что из недр поднимается жидкий кислород и охлаждает участок поверхности. Я бы поискал оазис!

— И птиц?

— Что?

— Неужели не слыхал? Первопроходцы якобы видели однажды красных птиц.

— Слушай, так это жизни!

Галин хмыкнул.

Кольца кратеров плыли с прежней медлительностью. Из-за сильной рефракции казалось, то «Тетра» неподвижно висит в центре гигантской сферы, которая едва заметно поворачивается, меняя окраску от бордовой вверх до голубоватой вниз. Движение атмоскафа ощущалось по слабому подрагиванию и по непрерывному вращению несущих шаров.

— «Я там, где свет немотствует всегда, — бормотал Ломов, — и словно воеет глубина морская, когда двух вихрей злобствует вражда. То адский ветер, отдыха не зная, мчит сонмы душ среди окрестной мглы и мучит их, крутя и истязая»*.

---

* Перевод М. Лозинского.

— Гомер?

— Данте Алигьери! Представь, грубый ты человек, что мы летим над Адом — чем Венера не Ад? — и созерцаем его круги, то бишь кратеры.

— Где же сонмы душ?.. Хребты Гекубы и Сафо вижу, а вот насчет сонмов что-то хиловатое.

Ломов не ответил. Вытаращив глаза, он смотрел вправо и вниз. Спросил севшим вдруг голосом:

— Что это?

— Наверное, сонмы... А, черт! — Галин резко наклонился и подкрутил резкость. — Не понимаю...

На экране плыла группа огненно-красных пятнышек. Галин дал максимальное увеличение, включил автофокусировку. Пятнышки мгновенно выросли и обрели очертания. Ломов обомлел. Это были рыбы! Или птицы! Гладкая полусферическая голова, как у китов. Пара толстых рожек со сверкающими рубинами на концах. Глаза? Цвет головы темно-красный, кривой линией обозначена сомкнутая пасть, будто бы ухмыляющаяся. Тело рыб продолговатое, сплошь усажено алой чешуей. Даже не чешуей, а угловатыми перышками. По длинному мечеобразному хвосту струятся фиолетово-красные огни.

Ломов наконец обрел голос:

— Тормози!

— Как? — огрызнулся Галин.

— Уйдут! — страдал Ломов. — Уйдут ведь!

Но неведомые зверушки не ушли. Подрагивая короткими крылышками, они быстро приближались к атмоскафу. Галин менял увеличение, чтобы держать стаю в поле зрения.

— Снимать!

— Кинокамеры включены.

Птицы планировали над атмоскафом и жужжала, словно осы. Самые смелые усаживались на несущие шары и вместе с ними вращались вокруг «Тетры». Похоже, на лапках были присоски.

— Поймать бы одну!

Длинные хвосты переливались всеми цветами радуги, весело топоршились перышки. Окраской птицы напоминали ос, размеры — не более полуметра в длину. Круглые рожицы с искривленной в улыбке пастью напоминали о неземном происхождении.

— Вот тебе и жизнь, — сказал Ломов.

— Фауна!

— Значит, есть и флора.

— Трава?

— Необязательно. Планктон. Плавает на десяти километрах, питает птиц.

— Такая температура!

— Ну и что? Жизнь на пи-связях.

— Разве бывает?

— Например, пластолит.

— Он же мертвый!

— Атомам это безразлично. Если они соединены ковалентными пи-связями, то тело выдержит тысячи кельвинов и десятки мегапаскалей.

— Похоже на алмаз.

— Конечно. Чего им от нас надо?

— Любопытствуют.

— Кстати, Киан тоже построен на пи-связях. А он живой.

— Смотри, смотри!

Красные птицы вели себя странно. Они образовали кружок на несущем шаре и, мигая рубиновыми глазками, стали его грызть. Было видно, как они разевали красные пасти и пытались вонзить зубы — не зубы, а что-то вроде отточенных пластинок — в поверхность шара.

— Доказательство структурной близости пластолита и птичек, — сказал Ломов. — Они почуяли съедобное, похожее на местную пищу. Жаль, не по зубам шарик. Смотри, как вон та старается — наверное, вожак.

Птицы словно поняли свое бессилие. Трепеща алой чешуей, они расширили круг, в центр которого вышел вожак. Размером он был с гуся, головной панцирь казался помятым, чешуя на шее образовала нечто вроде стоячего воротника. Вожак потоптался на месте, изогнул длинное тело, как оса. Мечеобразный хвост коснулся поверхности шара. Тут же полыхнуло ярчайшее пламя.

— Кыш, проклятая! — крикнул Галин.

Клубы желтого дыма заволокли вожака. На белой поверхности шара зияла рваная дыра. Чудовищное давление прорвало пленку расплавленного пластолита. Вожака вбило внутрь шара, остальные «осы» исчезли. Ломов и Галин едва усадили в креслах, когда несущий шар, потяжелев на десять тонн, ухнул под «Тетру». Остальные три шара образовали треугольник над атмоскафом. Стрелка альтиметра покатилась вниз. Галин ударил по аварийной кнопке, но поврежденный шар не отстрелился.

— Что? — крикнул Ломов. — Конец?

— Едва ли... — Галин навис над пультом. — У нас приличная плавучесть... «Венера», «Венера», я — «Тетра», — зачастил он в микрофон. — Атакованы красными «осами». Один шар поврежден. Сядем между Гекубой и Сафо по маршруту дрейфа. «Венера», «Венера»... Черт, связи нет!..

Они молча смотрели на приближающийся хребет и не заметили, как тот же рой уселся на верхний шар. Гибель вожака ничему не научила, или «осы» проголодались. Через минуту шар, хватанув десять тонн углекислого газа, скользнул под атмоскаф. Теперь квартет шаров находился в неестественном положении: два шара вверху, два внизу. «Тетра» стремительно заскользила к иззубренному хребту Гекубы.

Второй рывок застал Галина врасплох. Его бросило на Ломова. Секунду они суматошились, распутывая руки и ноги. Глянули на экран...

— Спокойно, — резко сказал Галин. — Сядь на место, пристегни ремни. Сядь!

Бионетик торопливо подчинился. Галин, косясь на гребень Гекубы, впустил сжатый воздух в баллоны аварийного закрепления оборудования. Еще раз попытался отстрелить поврежденные шары. Вырубил общее питание, бросился в кресло, торопливо щелкая замками. Сильный удар потряс «Тетру». Последнее, что увидел Ломов на гаснущем экране, был ослепительно белый диск, который медленно возносился над атмоскафом. Потом стало темно...

...Ломов очнулся от ощущения, что на его голове тает ком снега. Ледяные струйки заливают правое ухо, ползут по щеке за ворот комбинезона.

— Порядок, Гал, — пробормотал он, не открывая глаз. — Кажется, уцелели...

На голову плюхнулся еще один рыхлый ком. Ломов попытался сбросить его, но пальцы скользнули по гладкому черепу. Никакого снега не было. Ломов пошевелился (руки-ноги целы, нигде не болит, и озноб прошел), открыл глаза. Рубку наполнял багровый свет, шедший будто бы от раскаленных стенок. Слепо таращился сизоватый экран. Остро пахло горелой серой. Ломов принюхался и вскочил. Тело показалось необычно легким.

— Гал! — позвал он. — Что-то горит...

Кресло Галина пусто, и в рубке его нет. Ломов с ужасом увидел, что люк в переходную камеру распахнут, через него наползает белый дым. Высунулся, ища источник огня. Наружный люк тоже раскрыт. Ломов замер. «Конец! — мелькнуло в голове. — Семьсот кельвинов и десять мегапаскалей...» Он ждал теплового удара, удушья. Через багровый проем люка плотными слоями вползал дым. Несмотря на запах горячей серы, дышалось легко. И жар не ощущался. «Что за черт? — подумал Ломов. — Будто не Венера. Или мы угодили в

оазис?..» Протиснулся сквозь люк в переходную камеру, встал и осторожно выглянул наружу.

Первое, что увидел Ломов, был до странности близкий горизонт, который четко разделял багряное небо и черную поверхность. Небо пусто. Рой «ос», атаковавший «Тетру», исчез. На поверхности тоже ничего живого. Вокруг, сколько хватал глаз, лежали черные прямоугольные плиты в полметра высотой, расположенные строгими рядами. В проходах сквозь мелкую щебенку змеились прозрачные языки пламени, словно горел разлитый бензин. По мрачной торжественности и тишине место это сильно смахивало на кладбище.

Цепляясь за край люка, Ломов спустился на грунт. Атмоскаф косо стоял на несущих шарах, два из которых были пробиты. «Вот тебе и пластолит, — подумал Ломов. — Ай да «осы»!» Он обошел «Тетру». Да, два шара погибли, теперь не взлететь... Где же Гал? Ломов сделал еще круг, большего диаметра. Одна из черных плит стояла торчком. У подножия зияла прямоугольная яма, из которой поднимались чьи-то плечи и голова, объятые языками пламени. Господи, Гал! Ломов побежал к яме, увязая в мелкой щебенке.

— Руку давай! — кричал он. — Эк тебя...

Человек в яме скрестил руки на груди, поднял голову. Растрепанные волосы, борода, усы, хламида серая на плечах — это не Гал... Ломов стал столбом, открывая рот, как рыба на песке. Спит он, что ли?

— Меня зовут Галилео Галилей, — глухим, но гордым голосом сказал человек. — Математик и философ, к вашим услугам. Позвольте узнать ваше имя...

«Сплю, — подумал Ломов. — Или галлюцинирую... Галим Галин, Галилео Галилей, галлюцинация...» Он зло ущипнул руку, но упругий комбинезон не поддался. Прижал пальцем глазное яблоко. В багровом полумраке трудно было понять, раздваивается человек в яме или нет. «Все равно сплю, — решил Ломов. — Конечно, сплю. Иначе меня давно раздавило бы и обуг-

лило... А раз сплю, то бояться нечего. Надо что-то говорить. Как там по этикету?..»

— Разрешите представиться, синьор, — невероятно фальшивым голосом сказал он. — Михаил Ломов, бионетик.

Он щелкнул каблуками и кивнул. Впрочем, кажется, следовало полуприсесть, низко склонить голову и помахать перед собой шляпой. «Обойдется, — сердито подумал Ломов. — Буду еще танцевать перед собственным сновидением...»

— Вы не поэт? — удивился Галилей.

— Никак нет, — отрапортовал Ломов.

— Как же попали сюда?

— Прилетел на атмоскафе. — Ломов пожал плечами. — А вы случайно не пришелец?

— Я Галилей. Отбываю наказание...

— На Венере?

— Ошибаетесь. Венера находится на третьем небе, а здесь... — Галилей горестно вздохнул.

— Да вылезайте же из ямы, там огонь!

— Осужден вечно гореть...

— Позвольте, но вас оправдали!

— Кто? — теперь уже Галилей растерялся. — Когда?

— Ну как же! — Ломов, гордясь и во сне сохраненной сообразительностью, спешил сообщить радостную весть. — Какой-то прогрессивный папа признал ошибки. Ваше дело пересмотрели. Оправдали Джордано Бруно и Кампанеллу.

— Оправдали... — Галилей горестно покачал головой. — Слишком поздно. — В его голосе появились недоверчивые нотки. — Вы воистину тот, за кого себя выдаете? Вы не сам сатана искушающий?

— Да нет же, я с «Тетры». Вон она стоит.

— Аппарат поврежден, — заметил Галилей. — У него неестественное положение.

— Нас атаковали красные «осы». Пробили два несущих шара.

— Гарпии. — Галилей понимающе кивнул. — Архангелы отгоняют их беззвучным визгом, который слышит только Цербер.

— Ультразвук?.. Конечно, ультразвук, раз его слышит собака! Спасибо за информацию. Однако давайте пройдем на атмоскаф. Выпьем кофе, поговорим.

— Не могу. — Глаза Галилея горели любопытством. — Так вы говорите, что это Венера?

— Да, это Венера, фазы которой вы открыли.

— Расскажите! — потребовал Галилей.

— Что тут рассказывать? Вы были правы — планеты вращаются вокруг Солнца. Через триста лет после вашей... гм-гм... В общем, люди построили корабли, на которых достигли планет. Мы вот прилетели на Венеру. Вы позволите? — Ломов присел на ближайшее надгробие. — Дело в том, что народонаселение растет. Через двести лет Земля нас не прокормит. Что делать? До звезд далеко, Марс и Венера непригодны для жизни. Необходимо переделать их. Расчеты показали, что атмосферу Венеры можно изменить. И вот мы создали кианы, полуорганическую жизнь с генетическим кодом различных деревьев. Слово «киан», собственно, означает кибернетический ананас. — Ломов усмехнулся. — Учебная шутка... Но есть кибернетические березы, осины и так далее. Венерианская атмосфера на девяносто шесть процентов состоит из углекислого газа. Бесчисленное множество кианов полетит над планетой, разлагая его. Углерод используют для увеличения массы, а кислород оставят в атмосфере. Через сто лет парниковый эффект исчезнет. Венера будет пригодна для жизни. А кианы станут основой венерианской химии, проще говоря — углем. Вы понимаете?

Галилей торопливо кивнул. Он подался вперед, упершись руками о край могилы. Языки пламени лизали спину, бились под ногами, выхватывая из багрового сумра-

ка скуластое лицо, на котором застыло выражение напряженного внимания.

— Вот, собственно, и все. Я по профессии бионетик, нечто среднее между биоником и кибернетиком. Специалист по кианам...

— Превосходно, — прошептал Галилей. — У науки появилась зримая цель — я это предчувствовал.

— То есть? — не понял Ломов. — Разве вы не имели ясной цели?

— Я пытался постичь суть вещей и явлений. Пытался установить истину — в этом заключается высший смысл жизни. Я отстаивал истину всеми средствами, иногда позорными. Но моя работа мертва. Моя работа безразлична людям.

— А Кеплер, Торичелли?

— Как и меня, их никто не знал. Народ в своем невежестве почитал бесполезных герцогов, кардиналов, пап.

— Вы были несчастны...

— Я был счастлив! Наводя телескоп на Венеру, изучая законы плавания тел, я был счастлив!

— Понимаю. Но радость открытия — это счастье на одного. Я говорю о всеобщем признании правильности и необходимости открытия.

— Да, этого мы лишены. — Галилей опустил руки и потупился. — Впрочем, был у меня один день...

— Расскажите, — попросил Ломов.

4. МАТЬ ЛЮБВИ ПОДРАЖАЕТ ЛУНЕ

Говорят, что пятнадцать веков назад на удлиненной вершине Яникульского холма стояла дача насмешника Марциала. Поэт выбрал поистине благодатное место. С отлогого склона видны семь державных гор, на которых покоится вечный Рим с его соборами, дворцами и лачугами. Высокая стена императора Аврелиана обегает город и замирает у подножия холма, остановленная

воротами святого Панкратия. Немного дальше — Мульвиев мост, под которым по Тибру скользят купеческие и рыбацкие суда. Городской шум не доносится до вершины Яникульского холма. Под вечнозелеными кронами пиний и каменных дубов благоденствует тишина. Едва заметный ветерок разносит запах цветущего миндаля и вишен. Над садом плавно возносится к ясному небу изысканная кровля дачи, освещенная вечерним солнцем. Хозяин поместья, молодой маркиз Федерико Чези, прохаживается по внутреннему залу, самолично проверяя сервировку стола. Он горд и взволнован. На даче гостит Галилео Галилей, первый математик Пизанского университета и философ великого герцога Тосканского. В эту ночь Федерико надеется стать свидетелем торжества идей великого ученого. Он пригласил в поместье виднейших математиков, философов и богословов. Конечно, будут члены Академии Линчеев*, президентом которой он является восемь лет.

Время от времени Федерико выходит на террасу и смотрит в сад, где в плетеном кресле отдыхает ученый. Маркиз не перестает удивляться странному смешению возрастов в одном человеке. У Галилея младенческая голова с огромным лбом и неразвитым подбородком. Торчащие во все стороны вихры и дерзкая улыбка придают скуластому лицу драчливо-мальчишеское выражение. Зоркие юношеские глаза (надо бы и Галилея привлечь в Академию Линчеев!) прячутся под изогнутыми, изобличающими крутой мужской нрав бровями. Ухоженная прямоугольная борода и густые усы, подстриженные над верхней губой, напоминают о днях, когда Галилео пользовался успехом у дам. Однако теперь в рыжих волосах бороды много серебряных струек. Долгие раздумья заложили вертикальные морщины над переносицей. Такие же глубокие складки сбегаяют от крыльев

---

* Линчеи — Рысьеглазые, то есть обладающие особой зоркостью.

грузного носа и прячутся под свисающими кончиками усов. Давняя изнурительная болезнь взрыхлила щеки и лоб, окрасила их в желтоватый цвет, подвесила под асимметричными глазами свинцовые мешки. Крупное тело ученого обтянуто темно-синим хубоном, наглухо застегнутым тесным рядом пуговиц. Широкий белый воротник скрывает шею — кажется, что Галилей втянул голову в плечи. Несмотря на майское тепло, он кутается в бордовую ропиллю, отороченную лисьим мехом. Ученый мерзнет. Острое воспаление периодически грызет суставы, превращая ночные бдения у зрительной трубы в пытку.

Зрительная труба Галилея поистине рукотворное чудо. Отдаленные предметы приближает до расстояния вытянутой руки. И все четко, ясно как на ладони. Куда как далеко до нее грубым поделкам, которыми торгуют в Гааге, Париже и Венеции. Однако наречен инструмент неудачно — «новые очки», «очковая трубка», «оккиале»*. Хорошо бы придумать что-то поблагозвучнее...

За аркой дачи послышался стук копыт, приглушенный плодородной почвой холма. Вот и гости собираются! Маркиз поспешно сбежал по пологим ступеням, негромко окликнул:

— Ваша милость! Соболаговолите подняться на террасу — с минуты на минуту прибудет кардинал.

Галилей открыл глаза и кивнул. Поскреб ногтем большую коричневую родинку у левого глаза. Медленно поднялся и, преодолевая боль в суставах, пошел за молодым хозяином. Лежа в кресле, он решил, что не утаит ни единой тонкости в устройстве оккиале. Пусть гости все потрогают, заглянут в линзы. Пусть убедятся, что в инструменте нет ничего бесовского. А уж потом он покажет ночное небо, лишь бы ненароком не набежали облака.

Пешком, верхом и на конных носилках — в зависи-

---

* Оккиале — очковая линза (итал.).

мости от достатка — начали сходиться и съезжаться гости. Маркиз Федерико и Галилей встречали их на террасе, раскланивались, обменивались любезностями. Маркиз вполголоса называл имена, которые так или иначе были известны *urbi et orbi* *.

Вот Юлий Цезарь Лагалла, профессор Римского университета, признанный вождь перипатетиков **. Набит цитатами из Аристотеля и Библии, своих суждений не имеет. Вот профессора Мальконтий и Кремонини, тоже перипатетики. Убеждены, что ученый должен наблюдать, но ни в коем случае не делать выводов. Для них первопричиной всего является промысел божий. Вот тосканский посол Никколини, обросший жиром, как боров. Этому надо поклониться ниже и улыбнуться любезнее. Он доносит герцогу о всех поступках и словах Галилея. Еще какие-то философы, богословы, математики, которые под звонкими титулами прячут научное убожество и творческую немощь. Именно эту многоголовую косную тушу надо пронзить длинной трубой оккиале. Только бы не увлечься и не наговорить вещей, которые можно истолковать как богопротивные и еретические. В памяти всплыли слова Томмазо Кампанеллы. В сырой одиночке философ тревожился о судьбе Галилея, восхищался «Звездным вестником». Советовал чаще ссылаться на отцов церкви, уверять, что все небесные открытия опираются на тексты Библии. Истина сохранит чистоту, даже если ее выкатать в церковном елее. Томмазо можно верить. У него двадцатилетний опыт сырой одиночки. Костер Джордано Бруно тоже чему-то учит...

А-а-а, вот и отец Клавий. Потертая сутана и четырехугольная шапочка. Круглое лицо расплылось в улыбке, лоснится от пота. Малоподвижность ученого-монаха компенсируется ястребиной стремительностью мысли. Галилей обменивается с ним письмами, сообщает о всех

---

* Городу (Риму) и миру — крылатое латинское выражение.

** Перипатетики — последователи учения Аристотеля.

открытиях. Вместе с монахом пришли два ученика, математики Римской Коллегии. Результаты их наблюдений за Медицейскими звездами * совпадают с данными Галилея.

Гости вдруг оживились, осторожно и настойчиво начали продвигаться ближе к центру. На террасу взошел кардинал Маттео Барберини **, покровитель Академии Линчеев. Небрежным взмахом руки благословив наклоненные головы, сразу направился к Галилею. Несколько дней назад кардинал довольно тепло принял ученого, поскольку тот был снабжен рекомендательным письмом от великого герцога.

— Наслышаны о вашей оккиале. — Голос кардинала нарочито тих, едва ли не шепот. Он не вяжется с мощной фигурой и резкими чертами лица. — Одни говорят, что труба чудесно приближает предметы, другие утверждают, что в нее видны вещи, коих в действительности нет. Удовлетворите наше любопытство.

Галилей раскрыл футляр, извлек оккиале. Из верхнего и нижнего концов вытянул короткие свинцовые трубки, в которых стеклянно поблескивали линзы. Пустил по рукам.

— Оккиале есть совокупность только этих частей, — сказал он глуховатым баском. — Осторожнее, синьоры, не коснитесь пальцами стекол, на них останутся пятна... Никаких тайных механизмов, как видите, нет.

— Разрешите? — Лагалла поднес длинную картонную трубу к глазам. — Действительно... В таком случае чем же ваша оккиале лучше «новых очков» Липперсгея ***?

---

* Так Галилей назвал открытые им четыре спутника Юпитера — в честь великого герцога Козимо II Медичи и трех его братьев.

** Будущий папа Урбан VIII, гонитель Галилея.

*** Иоганн Липперсгей — очковый мастер из Миддлбурга, изобретатель зрительной трубы.

— Очковый мастер не знает законов сочетания стекол.

— Интересно проследить за ходом вашей мысли...

— Я рассуждал так. Форма стекла может быть выпуклой, вогнутой, либо ограниченной параллельными плоскостями. Плоское стекло не изменяет видимых предметов, вогнутое уменьшает, а выпуклое увеличивает, но представляет их мутными, искаженными. Следовательно, одного стекла недостаточно. Перейдя к двум стеклам, я сразу отбросил плоское, как не дающее эффекта. Оставалось испытать, что получится из сочетания выпуклого стекла с вогнутым.

— Ваши мысли совпадают с рассуждениями Джамбатисты делла Порты, — вставил Лагалла. — В сочинениях неаполитанца...

— Не имел времени читать их, — сухо сказал Галилей. — И трубу Липперсгея не видел. В постройке оккиале мне не принесло пользы знание конечного результата. — Он помолчал и добавил более мягко: — Разве делла Порты или очковый мастер создали совершенный инструмент?

— На сколько приближает предметы ваша оккиале? — спросил маркиз Федерико, вставая между Лагаллой и Галилеем.

— Первый инструмент имел трехкратное увеличение. В конце августа 1609 года на колокольне собора святого Марка я учил знатных венецианцев пользоваться восьмикратной трубой. В январе прошлого года при помощи вот этой оккиале с тридцатикратным увеличением я открыл Медицейские звезды.

— Вы хотите сказать, что видели вещи, которых не существует? — сердито спросил Лагалла.

«Знакомый выпад, — подумал Галилей. — Ничего более остроумного им не придумать. Разыграю-ка шу-та». Он придал лицу растерянное выражение. Дрожащими руками вставил на место свинцовые трубки с линзами. Смущенно покашлял, боковым зрением уловив

встревоженные взгляды Федерико и отца Клавия. Лагалла тонко улыбался, что-то нашептывал кардиналу.

— Синьоры, — неуверенно сказал Галилей. — Вы, конечно, хорошо знаете родной город. Стократно на близком расстоянии любовались храмами и палаццо. — Голос вдруг стал резким и веселым. — Вот вам оккиале, а вот — Рим!

Гости потянулись к трубе, но отступили, остановленные властной рукой с блеснувшим на толстом пальце аметистом. Кардинал прошествовал к перилам, направил оккиале на город. Далекие здания тут же скакнули на него, едва не задавив. Барберини невольно отпрянул. Покрывил толстые губы, медленно повел трубой по городским кварталам. Остановился на Ватикане, на ребристом куполе собора святого Петра. Долго рассматривал.

— Весьма четко и достоверно. А что скажет президент Рысьеглазых?

Маркиз порывисто схватил инструмент. Через минуту его восхищенные возгласы разнеслись по саду.

— Поразительно! Непостижимо! Ваша милость, — обернул он к Галилею сияющее лицо, — позвольте выразить свое восхищение. Вы удлинили человеческие глаза. Ваш прибор позволяет смотреть так далеко... — Федерико вдруг застыл, пораженный, словно молнией, яркой мыслью. — Телескоп! Вот как его следует называть — телескоп!

— Телескоп? — Галилей сощурился, будто пробовал новое слово на вкус. Почесал родинку у глаза. — Хорошо! Вполне соответствует назначению прибора.

— Не угодно ли взглянуть в телескоп? — с поклоном обратился маркиз к тосканскому послу.

Инструмент переходил из рук в руки. Синьоры рассматривали Рим, пытались отыскать собственные дома. Громко выражали одобрение. Наконец телескопом завладел профессор Лагалла. Недоверчиво бормоча, он

сначала рассмотрел близкий Мульвнев мост, потом поднял трубу выше.

— Взгляните на Колизей, — вежливо посоветовал Галилей. — Может быть, вы увидите две колонны вместо одной. Или заметите несуществующих химер...

Лагалла неохотно расстался с инструментом. Лицо его было красным.

— Должен признать, — с трудом выдавил он, — что земные объекты не искажаются.

Галилей низко поклонился. «Этот перипатетик умеет проигрывать, — подумал он, тая в усах усмешку. — Посмотрим, что он скажет, увидев рога Венеры или спутников Юпитера».

— Синьоры! — весело сказал Федерико. — Скоро зайдет солнце, мы сможем полюбоваться звездами. А пока прошу вас в зал, чтобы поднять бокалы за чудесный телескоп.

Гости во главе с хозяином и кардиналом неторопливо покидали террасу. Галилей торжественно продекларировал:

Вступая в знак Овна, вздымаясь к славе,
о Солнце, ты субстанция живая,
ты оживляешь заспанных, ленивых,
величишь всех и всех зовешь на праздник!

— Стихи ваши? — повернул могучий торс Барберини.

Галилей поймал удивленный взгляд Лагаллы и осекся. Стихи принадлежали Томмазо Кампанелле. Дальше шли рискованные строки:

Тебя я чту всех остальных ревнивей,
так почему дрожу в промозглой яме?
К тебе льнут недруги мои на воле, —
к теплу и свету. Им живется краше.
Но я и в этом склепе не угасну,
когда со мной твой светоносный титул! *

---

* Перевод А. Голембы.

— Стихи мои, — поспешно сказал Галилей.

— Мы наслышаны о вас как о незаурядном поэте и музыканте, — кивнул тяжелой головой кардинал.

Профессор Лагалла промолчал.

Ужин удался. Ели нежное фазанье мясо, пили теплые вина. Несмотря на весну, стол изобиловал зеленью. Говорили тоже много. Профессора Римского университета склонялись к мысли, что телескоп будет неоценим в военном и морском делах. Возможность детально разглядеть приближающиеся корабли или боевые порядки противника на расстоянии десятков миль даст военное преимущество. Телескоп — незримый лазутчик в стане врага. Кардинал благосклонно кивал.

Галилей был весел и возбужден. Рыжая борода победно топорщилась, с лица не сходила улыбка. Он не чувствовал боли в суставах, но мысль об осторожности сидела в нем, как гвоздь в сапоге. Он соглашался с профессорами, но полагал, что у телескопа значительно большие возможности, чем представляется на первый взгляд. Телескоп поможет сделать много новых открытий. Кстати заговорили о галилеевских анаграммах, в которых он зашифровал небесные наблюдения. Лагалла сказал по этому поводу сомнительный комплимент. Он восхитился латинской фразой «*Haec immatura a me iam frustra leguntur O. Y.*»*, которая при перестановке букв неожиданно превращается в другую фразу — «*Cynthiae figuras aemulatur mater amorum*»**. Лагалла сказал, что Галилей подлинно ученый, ибо требуются огромная изобретательность и терпение, чтобы перелить одну фразу в другую. Хотя, конечно, наличие фаз у Венеры весьма и весьма сомнительно...

Федерико несколько раз выбегал на террасу. Нако-

---

* «Эта ущербность разбирается мною пока безуспешно» — в таком виде Галилей зашифровал открытие фаз Венеры.

** «Мать любви подражает видам Цинтии», то есть Венера своими фазами напоминает Луну.

нец сообщил, что самые яркие звезды уже видны. Галилей поднялся, сказал весело:

— Последний бокал я хочу выпить за гостеприимного хозяина. Пятнадцать веков назад славный Марциал написал:

Это щедрое поместье близ Рима
Украшает хозяин. Ты как дома:
Так оч искренен, так он хлебосолен,
Так радушно гостей он принимает,
Точно сам Алкиной благочестивый! *

Все захлопали в ладоши.

На террасе было прохладно и тихо. Запах цветущего миндаля усилился. Белый туман закрыл священный Тибр и, постепенно разрежаясь до сизой дымки, распространился на весь город. Шумные кварталы, соборы и палаццо смазались в одно темное пятно, в котором тускло мерцали редкие огоньки. Зато небо сияло яркими крупными звездами, которые, казалось, чуть слышно звенели, словно маленькие лютни. В звездном хоре громче всех вела свою мелодию мать любви — Венера.

Галилей вынес в сад витую подставку, сделанную в его мастерской, прикрепил телескоп. Уверенным движением навел трубу на Венеру, отрегулировал резкость. И мать любви перестала быть круглой, изогнулась тонким серпом выпуклостью влево. Цвет серпа казался слегка красноватым.

— Прошу вас, синьоры, — с поклоном пригласил Галилео.

Один за другим к окуляру приникали кардинал, тосканский посол, профессора и богословы. Отец Клавий сначала зажмурился, потом быстро открыл один глаз и ткнул в трубу. Когда оглянулся, лицо его сияло не хуже Луны.

---

* Перевод Ф. Петровского.

— Без сомнения, серп! — воскликнул он. — Воистину, ваша милость, вы заслуживаете великой похвалы, ибо вы первый, кто это наблюдал.

Галилей молча кивнул. Он следил за Лагаллой, который дольше других задержался у телескопа.

— Никакого серпа не вижу, — решительно сказал профессор. — Вижу крест, причем вертикальная балка красноватая, а горизонтальная имеет голубой оттенок. Это лишний раз подтверждает мои слова о том, что линзы значительно искажают далекие светящиеся объекты. Одни видят серп, другие диск. Я вижу крест!

Галилей на секунду растерялся. Судя по голосу, профессор не лгал. В чем дело? Телескоп исправен... Значит, не в порядке глаза Лагаллы!

— Позвольте спросить, ваша милость, вы пользуетесь очками?

— У меня сильная близорукость! — погордился Лагалла.

— Все понятно. Телескоп настроен не по вашим глазам. — Галилей чуть-чуть вдвинул трубку с линзой. — Смотрите.

Лагалла наклонился к телескопу и вскрикнул. Горизонтальная балка креста исчезла, а вертикальная круто изогнулась, напоминая двухдневный месяц.

— Не может быть...

— Это тот же самый телескоп, — терпеливо напомнил Галилей, — который достоверно показывал вам Колизей.

— Нет никаких сомнений, — горячо сказал Федерико, — Венера действительно рогата. Перед философами стоит задача истолковать увиденное.

Галилей промолчал.

— Остерегитесь высказывать подобные суждения, — угрожающе начал Лагалла. — Истинный ученый должен наблюдать. Все выводы сделал великий Аристотель, мы подтверждаем или уточняем их. Да, Венера имеет фазы, но мы не знаем, почему это произошло.

Галилей наблюдал другие планеты, однако рогов у них не обнаружил.

— Венера ближе к Солнцу, чем Земля, — осторожно сказал Галилей. — Марс и Юпитер дальше.

— Протестую! — В темноте лицо Лагаллы казалось белым, как у призрака. — Система Коперника — хитроумное допущение, не более. Она помогает в кое-каких расчетах. Но истинна только система Аристотеля! Вокруг Земли вращаются три внутренних светила, затем Солнце, за которым идут три внешних светила. Священная семерка! Прискорбно повторять прописные истины...

«Самое время вступить богословам», — подумал Галилей.

— В Библии сказано: «Сделай светильник из золота чистого. Шесть ветвей должно выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его. И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы». — Голос кардинала спокоен, что ему научные перебранки философов! — Как видите, воззрения Аристотеля согласованы с Библией.

— Библия также указывает на вращение Солнца вокруг Земли. — Лагалла успокоился, выходя на протоптанную дорожку догматических диспутов. — Вспомните Иисуса Навина: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна — над долиной Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла». Таким образом, Земля находится в центре мироздания, а вокруг нее обращаются семь светил. Не может быть других планет, кроме Аристотелевой семерки. — Лагалла подумал. — Мы допускаем, что вы открыли Медицейские звезды...

— Вы их сегодня увидите, — пообещал Галилей.

— ...Однако это вовсе не планеты!

Таковы перипатетики. Они не доверяют собственным глазам. Никакими опытами их не убедить. Библия и Аристотель — высшая инстанция. Прав Кампанелла,

надо ссылаться на отцов церкви, надо самому завывать по-волчьи. Ну-ка попробуем...

— Мне кажется, что отождествление семилампадного светильника с планетами неправомерно. — Голос Галилео Галилея стал тягуч и нуден. — Я думаю, что количество планет задано в «Книге Исхода», глава 28: «Сделай наперсник судный искусною работой и вставь в него оправленные камни в четыре ряда. Сих камней должно быть двенадцать, по числу двенадцати имен сынов Израилевых». Итак, синьоры, камней должно быть двенадцать, и планет должно быть двенадцать. — Галилей голосом трижды подчеркнул слова «должно быть», отметив, что физиономии перипатетиков вытянулись. — Сколько же планет мы имеем, синьоры? Двенадцать! Прошу вас, считайте: Солнце, Меркурий, Венера, Земля, Луна, Марс, Юпитер, Сатурн и четыре Медицейских звездочки. Сверх сего количества, согласно Библии, небесных тел быть не может.

Эффект получился отменный. Лагалла хотел возразить, но издал только силый горловой звук. Кардинал сдержанно улыбался, остальные молчали. Отец Клавий понимающе кивал и придерживал за локоть пылкого Федерико.

— Далее. Со дня творения Солнце действительно вращалось вокруг Земли. Однако после просьбы Иисуса Навина оно остановилось навсегда. Далее. Церковь справедливо отождествляет Солнце со светлым ликом спасителя нашего Иисуса Христа. Не приличествует ли в этом случае двенадцати планетам, двенадцати коленам Израилевым, обращаться вокруг Солнца? Не являются ли все прочие домыслы кощунственными?..

...Гости разъехались далеко за полночь. Хозяин уложил Галилея в согретую постель, пожелал доброй ночи. В комнате было покойно и тихо, но Галилею не спалось. Счастливое возбуждение не покидало его. Он вспоминал самые яркие события у телескопа (прекрасное слово придумал Федерико Чези!) и улыбался.

Бедные перипатетики! После цитат из Библии они словно прозрели. Они увидели множество мелких звезд, на которые рассыпался Млечный Путь. Они убедились в продолговатой форме Сатурна. Они не смогли отрицать, правда с оговорками, наличие неровностей на Луне. Они увидели все четыре Медицейские звездочки!

Однако Галилей не обольщался. Ядовитая атмосфера догматизма не даст распусться цветку истины. Богословы и философы зареются в Аристотеля и Библию, разыщут опровергающие цитаты. Отцы-квалификаторы из инквизиции не допустят вращения планет вокруг Солнца... Галилей заворочался в постели, отгоняя тревожные мысли. А ловко он увязал библейские камни с планетами! У перипатетиков рты раскрылись. Одна беда — вдруг он завтра откроет тринадцатое светило? Не зря ведь Кеплер, расшифровывая его анаграммы, предположил наличие у Марса двух спутников... Честный Кеплер! В письме он корил Галилея за то, что в «Звездном вестнике» нет ссылок на предшественников. Создается, мол, впечатление присвоения идей Коперника и Бруно. Наизный Кеплер! Разве появился бы «Звездный вестник», если бы в нем были богопротивные имена? Что же делать?.. Давным-давно Галилей восклицал: «Я бы охотно согласился быть заточенным в темницу и влачил бы там дни на хлебе и воде, если бы это помогло торжеству истины». Легко делать рискованные заявления, находясь на свободе... Легко общаться с такими учеными, как отец Клавий и Кеплер. Господи, как хохотал бы Кеплер, послушав первых философов Римского университета! Они думают, что философия — это что-то вроде «Энеиды» или «Одиссеи». Они ищут истину не в окружающем мире, а в сличении текстов. У них нет ушей, и глаза их закрыты для света истины. Они силятся логическими аргументами, как магическими прельщениями, отозвать и удалить с неба новые планеты...

Что же делать? Постараться вслед за пифагорейцами ограничиться знанием для самого себя, находя единственно в этом удовлетворение? Оставить надежду возвыситься в глазах людей или добиться одобрения философов-книжников? Нет, так он не может. Он любит свои книги. Любит перелистывать страницы, еще пахнущие краской, заново перечитывать строки, написанные прекрасным народным языком. Любит рассылать книги во все крупные города и нетерпеливо ожидать подтверждения своих открытий. Но тогда... Тогда его ждет темница, как Кампанеллу, или костер, как Джордано Бруно. Всего двенадцать лет назад пылал огонь на площади Цветов, в нескольких милях отсюда... Хорошо Джордано! Он был молод, здоров, фанатически упорен. Его не сломали инквизиторы. Но какая польза истине от мертвого Джордано?.. Кампанелла может размышлять и писать книги, темница ему не помеха. А он, Галилей, обременен детьми, измучен болезнью. Он не выдержит пыток, которые инквизиторы лицемерно называют увещеваниями. Что он будет делать в тюрьме без телескопа, без возможности ставить опыты?

Все его теории вытекают из экспериментов...

Значит, придется лгать, изворачиваться. Придется льстить кардиналам и герцогам, искать их благосклонности, целовать им руки в письмах и въяве. Ради истины все можно перетерпеть... Да, но в книгах он не сможет лгать! Книги дойдут до инквизиции, и уж тут отцы-квалификаторы вцепятся в него, как волки. Изломают на допросах, заставят отречься. Отречься! Галилей закрыл глаза и представил, как он стоит на коленях и читает текст отречения. Ему стало страшно, заныли суставы. Что ж, придется пойти на это. Он выиграет несколько лет, а книги будут жить независимо от него и провозглашать: «А все-таки она вертится!»

Все, надо спать. Спать. Истина не перестанет быть истиной, даже если от нее отречься.

Спать...

5. ЧТО ИМ ГЕКУБА, ЧТО ОНИ ГЕКУБЕ?

Галин не мог сообразить, где он находится. Только что вокруг цвели яблони, и солнце вставало на безоблачном небе, и больной человек в засаленном халате плясал у старомодного телескопа. Переход к абсолютной темноте был слишком резок. Что же это такое? Галин хотел встать, но не пустили ремни. Он начал было рваться, судорожно изгибая тело и упираясь ногами в пол рубки. Опомился. Какой к чертям сад? Он в «Тетре», он потерпел аварию. Мгновенно вспотев, Галин освободился от ремней. Заученным движением включил аварийное освещение и контрольный блок. Прозвонил линии. Все еще находясь на грани двух реальностей, врубил подачу энергии. В рубке стало светло. Рядом, беспомощно свесив плешивую голову, в китайском халате и в распахнутой белой блузе сидел Ломоносов. Круглое лицо пожелтело, крючковатый нос заострился. Молния! Его убила молния, как и Георга Рихмана! Холодея от ужаса, Галин вскочил и затряс Ломоносова за плечи:

— Михайло Васильич! Михайло Васильич!

Вторая реальность заколыхалась, поплыла перед глазами. Галина на мгновение замутило. И вот перед ним, повиснув на ремнях, сидит Михаил Ломов. Галин помотал головой, таращась на друга. Мысли прояснились... Черт, он забыл о Мише! Торопливо осмотрел и ощупал товарища. Слава богу, жив... «Так чего ж ты развалился? — рассвирепел Галин. — Работать надо, а не отдыхать!» Мысль об аптечке как-то не пришла в голову. Достал банку с водой, вскрыл и плеснул на лысину бионетика. Ломов медленно поднял руку, вытер лицо.

— Порядок, Гал, — прошептал он. — Кажется, уцелели.

— Вот и ладно. Встать можешь?

Ломов мутными глазами смотрел на товарища. Спросил:

— А где Галилей?

— Еле дышит, но уже острит, — удовлетворенно сказал Галин, освобождая его от ремней. — В гробу твой Галилей. Пока лежи, я осмотрюсь.

Галин включил обзорный экран. Да, «Тетре» крупно повезло. До хребта они не дотянули, а то кувыркались бы с горки — костей не соберешь... Впрочем, радоваться рано. Без двух несущих шаров «Тетре» не взлететь, даже если избавиться от лишнего веса. Галин посмотрел на часы: «Венера» была в зоне радиовидимости. Поспешно щелкнул тумблером. Однако говорить не пришлось, передатчик не работал. Приема тоже не было... Вот теперь окончательный конец.

— Гал, — позвал Ломов, — что за черные плиты?

Галин нехотя глянул на экран. Надо осторожно подготавливать Мишу, как бы не запаниковал.

— Плиты как плиты. Базальт.

— А почему ровные?

— Базальт обладает способностью распадаться на глыбы правильной формы. Это называется отдельностью.

— Похоже на надгробия...

— Молод еще рассуждать! — рассердился Галин, жалея, что сам недавно говорил о гробах. Чем бы отвлечь Мишу? — Посмотри лучше на горизонт.

Действительно, зрелище было редкостное. Красное, как раскаленный чугунок, небо и черная, тоже как чугунок, но уже застывший, поверхность. Четкая линия горизонта. И самое странное — он был не далее ста метров. Как будто Венера не громадный шар, а заурядный астероид. Ломов смотрел, раскрыв рот.

— Опять галлюцинация...

— Почему?

— В плотной атмосфере горизонт должен казаться приподнятым. Рефракция там, то, се...

— Это верно для высоких слоев атмосферы, — словоохотливо сказал Галин. Слава богу, нашли тему для обсуждения. — Здесь другое дело. Базальт отражает ин-

фракрасные лучи. Приповерхностные слои углекислого газа прогреваются, плотность уменьшается. В результате рефракция приобретает обратный знак.

— Это днем?

— Да. Ночью температуры выравниваются. Мы смогли бы наблюдать извержение далекого вулкана, который днем закрыт горизонтом.

— Вот так Венера! То выпуклая, то вогнутая. Горизонт то приближается, то убегает...

Галин не слушал.

— Полюбуйся на Венеру, Миша. Живность поищи. Мне надо подумать.

Через полчаса он проиграл на вычислительной машине единственно возможный вариант спасения. Сцепил руки на затылке, потянулся.

— Слушай, дед, чертовски хочется есть...

— Давно пора. С этими «осами» мы пропустили обед.

Они достали из контейнера банки и тубы с яркими наклейками. Здесь были бифштексы в сливовом и брусничном соусе, кетовая икра и мясо молодого кита, салат из морской капусты, ананасный компот и грейпфрутовый сок, хлеб в виде пышных лепешек. Рубка наполнилась сложной смесью аппетитных запахов.

— За что я люблю свою профессию, — сказал Галин, накладывая на лепешку толстый слой икры, — так это за возможность с чувством поесть.

— То же самое можно проделать в любом кафе.

— Прости, дед, ты без понятия. Важен антураж. Передай-ка салатик... Как едят на Земле? Под музыку, под чириканье птичек, под веерными пальмами. А тут впереди хребет Гекуба, позади Долина Кратеров, а за бортом, судя по приборам, десять и две десятых мегапаскаля и семьсот пятьдесят три кельвина. Не-е-ет, единственное, что можно с удовольствием пожевать на Земле, так это травинку в лесочке березовом.

— Апостол гастрономической планетологии, — презрительно сказал Ломов.

Галин невнятно мычал, терзая зубами сочное мясо.
— Именно тебя предостерегал поэт:

Ешьте, жрите, рубайте, лопаите,
вылизывайте десерт минут.
Мокрый хруст. Грядут роботы
последним пунктом меню.

— Андробы, — поправил Галин, вылавливая кусочки ананаса. — Последним пунктом меню будет Киан.

Планетолог обмакнул кусочек лепешки в соус. Неторопливо прожевал, щуря глаза.

— Теперь слушай, — бодро сказал он. — Взлететь мы не можем.

— Знаю.

— Тем лучше. Связи нет...

— А командир?

— Если бы это происходило в плохом кинофильме, нас спасли бы в конце сеанса.

— Давай пойдем пешком!

— Через Гекубу? Запаса кислорода в скафандрах на сутки.

— Что же делать? Жевать лепешки с икрой?

— Хм, это не лишено смысла. Так мы, дед, и сделаем, если не пройдет другой вариант.

— Ну?

— Близится вечер. Полный штиль сменится слабым ветром, кстати, попутным. Мы цепляемся за шары, в которые предварительно напустим немного углекислого газа, чтобы нас не унесло слишком высоко. Перепрыгиваем через Гекубу. Добавляем в шары углекислый газ и опускаемся в объятия Киана.

— В скафандрах передатчики целы?

— Естественно. Всю дорогу будешь читать стихи.

— Из них связаться нельзя?

— Можно. Если «Венера» подлетит на пять километров.

Ломов задумался. Галин старался смотреть уверенно.

— Чего закручинился? Такой случай не повторится. Мы будем первыми покорителями углекислого океана. Углекислонавты! Нет, слишком длинно... Лучше так: кислоснавт Михаил Ломов! А?

— А «осы»? — спросил бионетик.

Галин вздохнул.

— Ну что «осы»? Во-первых, полетим низко. Ты сам говорил, что они живут на десятикилометровой высоте. Во-вторых, вечером «осы» наверняка теряют активность. Проскочим незаметно.

Ломов молчал.

— Ладно, нечего сопеть. Это единственный шанс, и мы его используем. Скоро вечер!

Несколько земных суток они готовились к прыжку через Гекубу. Галин рассчитал количество углекислого газа, который следовало напустить в шары, проверил скафандры. Ломов консервировал приборы и оборудование, подолгу сидел у экрана. В рабочем журнале подробно описал встречу с «осами». По памяти сделал несколько карандашных набросков — кто его знает, уцелела ли пленка. Особенно удался портрет вожака в момент атаки. Покончив с делами, Ломов попросился наружу. Он хотел пройти вблизи атмоскафа, набрать пробы грунта. Галин воспротивился — не был уверен в целостности системы декомпрессии. Да и внешний люк могло заклинить. Тогда один торчал бы в «Тетре», словно кукушка в дупле, а другой прыгал бы на экране, как заяц на морозе.

За время вынужденного безделья Ломов узнал о Венере массу подробностей. Оказывается, на нынешней орбите планета появилась недавно — в эпоху осады Трои. По этому поводу у персов есть интересная легенда. Жила на земле женщина Зухра. Она была так прекрасна, что даже ангелы любовались ею. Двое из них, Харут и Марут, потеряв головы от любви, открыли тайное имя бога. Воспользовавшись им, Зухра вознеслась на небо и обрела бессмертие. Планета Венера и есть

красавица Зухра. Интригующим голосом Галин рассказывал, что древние китайские, индийские и вавилонские астрономы Венеры не знали. Прочие светила они видели, а Венеру — нет. Затем планета появилась в виде хвостатой звезды и принялась блуждать по орбите, вытянутой аж до Юпитера. Именно в эту пору халдейские ученые назвали Венеру бородатой. В талмудическом трактате «Шаббат» написано, что с Венеры свисает огонь. Кометоподобная планета носилась по солнечной системе вплоть до начала нашей эры. Ее прохождения вблизи Земли вызывали потопа, землетрясения, ураганы. Поэтому Венера получила дьявольские имена. Ацтеки и майя называли ее Кецалькоатлем или Кукульканом — Крылатым Змеем, римляне — Люцифером, финикийцы — Вельзевулом, иудеи — Азазеллой.

— Тем самым, что в «Мастере и Маргарите»?

— Именно, — понизил голос Галин. — Демоном смерти. Всего двести лет назад полинезийцы и американские индейцы приносили Венере человеческие жертвы.

Теперешнюю орбиту планета заняла непонятно как. Во всяком случае, законами Кеплера и Ньютона ее не объяснить. Существует неопровергнутая гипотеза Велюковского-Всехсвятского, по которой быстро вращающийся вокруг своей оси Юпитер в периоды активности выбрасывает из себя огромные массы материи. Возможно, и Венеру породил бог-отец Юпитер, на что указывают некоторые греческие и римские мифы. Красное пятно на Юпитере — это след, оставшийся после отрыва дочерней планеты. Недаром Птолемей вслед за древними астрономами утверждал, что Венера имеет одинаковую с Юпитером природу.

— Слушай, — загорелся Ломов, — летим на Юп. Я берусь вывести поколение кианов, которые будут питаться аммиаком.

— Давно пора! Но дорога на Юпитер пролегает через этот люк.

Устроили прощальное застолье. Рубка имела нежи-

лой вид, однако на аппетите Галина это не сказалось. Ломов ел неохотно.

— Программа такая, — деловито сообщил Галин. — На выход из «Тетры» и найтовку к шарам дается три часа. Думаю, хватит. Твой шар нижний, я лезу на крышу. Углекислый газ напущен в соответствии с нашими массаами; разница в высотах не должна превысить нескольких метров. Таймер сработает через три часа. Впрочем, это я уже говорил... Перелетев через хребет, нажмешь в скафандре кнопку — скажу какую. Этим включишь микроразрядник, который пробьет дырочку. Шар медленно наполнится газом и плавно опустит тебя возле Киана. Все, риска нет.

— Если не считать «ос».

— Этот вопрос обсужден.

— Послушай, Гал, — сказал Ломов после продолжительного молчания. — Есть идея.

— Безумная?

— Вполне. Имеемся на «Тетре» ультразвуковой генератор?

— Например, лазер в гиперзвуковом диапазоне. Или... Постой, постой! С чего ты взял, что он напугает «ос»?

— Видишь ли... только не остри... я видел сон.

— Ах со-о-он!

— Можешь ты пять минут жевать молча?

Ломов рассказал о странном сне, о встрече с Галилеем, о химерах, которых архангелы отпугивают визгом. О том, что сон был слишком правдоподобен, некоторые детали совпали с реальностью — базальтовые плиты, например, или отрицательная рефракция. И вообще многие тайники подсознания не исследованы. Тяжело, что ли, взять ультразвуковой генератор? Вдруг он поможет? Ломов уже успокоился, говорил убежденно. Тем не менее удивился реакции Галина. Планетолог немедленно размонтировал какой-то прибор, из которого вытащил два точечных источника гиперзвука.

Они переоделись в гигроскопическое белье, натянули комбинезоны, белые, как медицинские халаты. На ноги надели мягкие ичиги. Головы покрыли круглыми шапочками.

— Прав был командир, когда заставил обриться, — сказал Ломов. — В скафандрах будет жарко...

Галин откинул запоры люка. Сильно надавил ладонью — тяжелая крышка отошла. Просунул голову в переходную камеру. Там было заметно теплее, чем в рубке.

— Порядок. Выходи первым. И сразу полезай в скафандр.

Ломов ужом скользнул в проем люка. Галин ждал минуту, оглядел в последний раз рубку и протиснулся сам. Закрыв крышку, накинуд прижимные болты, подтянул. «Больше не надо, — подумал он. — Остальное доделает атмосфера». Посмотрел на Ломова. Тот уже опустил «блузу».

На жаргоне планетологов верхняя часть скафандра называлась «блузой», нижняя — «колготками». «Колготки» составлены из пластолитовых цилиндров, укрепленных в местах сочленений ребрами жесткости. Внизу они переходят в утюгообразные ступни. По окружности верхней части «колготок» проходит паз, в который вставляется яйцевидная «блуза». Четыре телескопических манипулятора на ней — надруки и подруки — кажутся несоразмерно тонкими, как ножки паука. Весь скафандр пронизывают каналы, по которым циркулирует охлаждающая жидкость.

Галин укрепил ультразвуковые генераторы на спинах скафандров. Затем влез в «колготки» и опустил «блузу».

— Привет, старина, — сказал он.

— Давай быстрее. Холодно!

— Ничего, скоро согреемся.

Они одновременно включили разрядники. На мгно-

вание скафандры опоясало голубое пламя, сваривая «блузу» и «колготки» в одно целое.

Галин включил обзорный экран, взглянул на Ломова. Тот неуклюже топтался на прямых ногах, втягивая и вытягивая манипуляторы.

— Отойди в сторону, открываю люк.

Галин и сам отодвинулся. Правой подрукой осторожно повернул игольчатый натекаль. Послышался тонкий свист, стрелка манометра двинулась по шкале.

— Десять мегапаскалей, — сказал Галин. — Десять и две десятых... Ну, еще поднатужься, — подбодрил он венерианскую атмосферу. — Десять и двадцать семь сотых. Все!

Стрелка манометра стояла неколебимо. Работая четырьмя манипуляторами, Галин быстро открутил и откинул прижимные болты. Овальный люк открылся.

— Давай я первый, — попросил Ломов.

— Делай как я.

Галин повернулся спиной к люку, ухватился за боковые и нижние скобы, подтянулся немного и повис. Манипуляторы начали медленно удлиняться, и Галин исчез за краем люка. Перевел надруки на нижние скобы, втянул подруки. Теперь он висел только на верхних манипуляторах. Еще немного, и ноги коснулись тверди Венеры. Мгновенный восторг захлестнул Галина. Сердце шибануло о ребра; по телу, как от брошенного в воду камня, покатались круги. Спину взяло ознобом. Такое состояние было извинительно для новичка, но ведь Галин высаживался и на Марсе, и на Меркурии, не говоря уже о спутниках Юпитера. Да и по Венере он хаживал. «Ну-ну, старина, — успокаивал он себя. — Романтика кончилась в прошлом веке».

— Заснул, что ли?

Галин втянул манипуляторы, повернулся и сделал несколько шагов, преодолевая упругое сопротивление атмосферы. Было такое ощущение, что он идет против сильного ветра.

— Давай! — скомандовал он Ломову, скафандр которого снял в проеме люка, словно жемчужина на черном бархате.

Ломов повторил манипуляции Галина и через несколько минут стоял на грунте, цепляясь надруками за скобы. Стоял долго, переминаясь на членистых ногах. Видно, и на него накатило.

— Ну как? — насмешливо спросил Галин.

— Будто окунули в ледяную воду и кипяток одновременно!

— Ничего, привыкнешь.

Они оглядели несущие шары. На двух зияли рваные дыры — полметра в диаметре. Края пластолита загнуты внутрь.

— Вожака, вероятно, расплющило в блин, — пожалел Ломов.

Увязая в мелкой щебенке и немного наклонившись вперед, они заковыляли вокруг «Тетры». Помогли друг другу перебраться через плиту с острыми ребрами, на которую опирался уцелевший шар. Это создало неудобство, так как за кронштейн пришлось ухватиться только верхними манипуляторами, нижние не доставали.

— Ничего, — успокоил Галин. — Стартовый рывок выдержишь. Поскучай, у нас еще полчаса.

Он вернулся к люку и, используя его как промежуточную ступеньку, взобрался на верхушку «Тетры». Намертво вцепился всеми манипуляторами за основание кронштейна.

— Гал, ты где?

— На месте я, на месте, — спохватился Галин. — Не жарко?

— Чуть больше трехсот кельвинов.

— В полете будет прохладнее.

К вечеру поверхность Венеры остыла, линия горизонта отодвинулась метров на триста. Стало намного темнее. Базальтовые плиты различались только вблизи, дальше они сливались в сплошную угольно-черную мас-

су. Небо казалось низким и темно-коричневым. В атмосфере никакого движения.

— Гал, — опять позвал Ломов.

— Ну?

— Справа между плитами что-то струится. Как будто язычки пламени. Может, посмотреть?..

— Я тебе посмотрю! — рассердился Галин, но тут же сменил тон. — Микель, прошу тебя, никаких эксцессов. Вспомни Блейка.

— Понял.

— То-то же... — Галин посмотрел на часы. — Так, теперь блокируй манипуляторы. Сделал?

— Да.

— До старта одна минута... Ухватись руками за пояс комбинезона, а то разобьешь что-нибудь.

— Уже.

— Тридцать секунд... Десять... Сожми зубы, напряги мышцы... Пять... три... Внима-а-ание... Ноль!

Глухо гроыхнул отстрел. Галина мотнуло лицом на обзорный экран. На секунду он потерял сознание, но тут же вскочил на ноги. Как его угораздило сорваться? С такой удобной развилки — лицом в жесткую траву. Теперь оправдывайся... Галин смущенно поднял глаза. Ломоносов уже стоял перед ним, широко расставив ноги и засунув кулаки в карманы китайского халата. Насмешливо прищурился:

— За яблочками рановато вроде, господин разбойник?

— Михайло Васильевич! — Галин истово прижал руки к груди. — Не со злым умыслом пришел к вам. Хотел посмотреть, как вы наблюдаете явление Венеры на Солнце.

— А ты почему знаешь? — Ломоносов нахмурился. — Кто таков?

— Меня зовут Галим Галин. Я планетолог, исследователь планет, значит.

— Образ у тебя скуластый... Татарин, что ли?

— Татарин и есть.

Неожиданно для самого себя Галин перекрестился.

Ломоносов покривил губы в усмешке.

— И как же ты планеты исследуешь?

— Ну... летаю на них. Камни собираю, изучаю.

— На чем летаешь? На палочке верхом?

— Корабли построили, Михаил Васильевич. Плането-толеты называются. Мы же ваши потомки, после вас двести пятьдесят лет минуло.

— Это как же?

— Представьте, что время — это бесконечная дорога, по которой идут люди. Кто-то впереди, кто-то сзади. Другими словами, кто-то сегодня, а кто-то вчера. Я пришел к вам из завтра.

Ломоносов впился в Галина взглядом голубых глаз. Долго молчал, мучительно морща переносицу. Спросил шепотом:

— Из завтра?.. Тогда скажи: сколь много мне жить осталось?

— Что вы, Михаил Васильевич! Вы бессмертны! Наши дети изучают закон Ломоносова, смотрят в ночезрительную трубу и телескоп вашей системы. Горы на Венере по вашим словам названы...

Глаза больного профессора потеплели.

— Стало быть, помнят потомки?.. Ну спасибо тебе, господин Галин, утешил. А то бьюсь, бьюсь, как белуга о сеть. Помощников знатных не хватает, кругом немчурра... Вот скажи...

— Гал! — донеслось из-за высокого забора. — Гал! Что с тобой?

— Тебя, что ль, кличут?

— Это Ломов, мой спутник. Наверное, что-то случилось.

— Пойди, больно голос жалобный.

Галин торопливо побежал к забору. Остановился.

— Михайло Васильич, вы и вправду «Илиаду» читали?

— Читал. — Ломоносов улыбнулся. — Гомера и Марциала весьма высоко ставлю. Еще приходи, веселый господин Галин!

— Приду!

— Гал! — кричал Ломов. — Гал, тревога! Вокруг тебя «осы». Гал, почему молчишь?

— Сейчас, сейчас. — Галин перемахнул через забор, огляделся. У него саднило щеку, из носа текла кровь. Обзорный экран был пуст, Ломова не видно. — Миша, ты где?

— Гал! — отчаянно закричал Ломов. — Включай ультразвук!

Галин, не думая, ударил ладонью по выступающей красной кнопке. От торжествующего вопля Ломова едва неаложило уши.

— Ага-а-а! Как рукой смело!.. Разлетелись, голубчики!.. Крой их дальше!.. Не нра-а-авится?

Гал поморщился. Ему никак не удавалось вставить хоть одно слово. Похоже, Ломов был на грани истерики.

— Тихо! — гаркнул Галин прямо в микрофон. Ломов, оглушенный акустическим ударом, смолк. Галин ласково продолжал: — Миша, успокойся, Миша, возьми себя в руки, Миша...

— Что ж ты молчал? — Ломов едва не всхлипывал. — Зову, зову, а ты молчишь...

— Ударился головой, слегка оглушило.

— Слегка?! Ты не откликался почти полчаса...

— Ну, успокойся и расскажи.

— От перегрузки у меня удлинились надруки. — Ломов со всхлипом втянул воздух. — Ты был выше, потом мы поменялись местами... Тебя закрывал шар. Откуда ни возмись «осы». Кружат надо мной. Ударил ультразвуком. Их отнесло в твою сторону. Вижу: облетели шар, сели. Кричу не переставая. Они уже образовали кружок... Наконец ты отозвался... — Ломов захлебнулся мелким смехом. — Понимаешь... Хи-хи-хи... Их как

метлой смело!.. Даже чешуя встопорщилась... Аха-ха-ха... Я видел их удивленные рожи!.. Охо-хо-хо...

Ломов булькал и клокотал, как кипящий чайник. Галин молчал. Он чувствовал, что лицо расплылось в идиотской ухмылке. Тело словно ватой набито.

— Послушай, — сказал вдруг Ломов нормальным голосом. — А ведь ультразвук действует на «ос». Я был прав.

— Ты молодец.

— Это Галилей молодец. И ты тоже. Не пойму, ты такой реалист — и поверил в сон. Не ожидал... Скажи честно: почему ты взял ультразвуковые генераторы?

— Ну... — Галин замялся. — Во-первых, чтобы ободрить тебя, я взял бы и черта на поводке...

— А во-вторых?

— Я сам видел сон, — сказал Галин.

6. ТОНКОЕ, КАК ВОЛОС, СИЯНИЕ

Двадцать лет назад на Васильевском острове едва ли набиралось пять каменных домов. Кунсткамера, трехэтажное здание 12 коллегий, дворец Меншикова — и обчелся. Все прочее было одноэтажно и деревянно. Остров сплошь порос дремучим лесом, сквозь который от Малой Невы к низкому морскому берегу был прорублен Большой проспект. Здесь-то и любил бродить, вдыхая прохладный сырой воздух, новоиспеченный адъютант Михайло Ломоносов.

В тот осенний вечер он с неожиданным для себя удивлением наблюдал маленьких серых птах. Кажется, это были кулики. Они стояли на береговых камушках по колено в воде, что-то вылавливали длинными клювами. Волны струились между стройными ножками, иногда касались белых брюшек и покачивали птах. Кулики стояли бесстрашно, о чем-то вполголоса переговариваясь. Потом разом вспорхнули и пропали в низком темно-сером небе.

С моря потянуло холодом. Михайло поежился и быстро зашагал к дому. Лес по обе стороны проспекта вздымался плотной глухой стеной. Ни души, ни огонька. Жутковато покрикивали филины. Михайло хотел было выломать дубинку, как вдруг почувствовал справа от себя опасность. Затрещали кусты, на него, набычив головы, бросились трое. Разбойники! Первого Михайло встретил ударом тяжелого сапога в живот. Тот сразу рухнул. Второй, сипло дыша (завоняло плохим пивом), взмахнул рукой. Михайло уклонился от блеснувшего ножа и двинул кулаком снизу вверх прямо в оскаленную рожу. Разбойник дико вскрикнул и бросился бежать. Стало жарко и весело. Третий нападающий торчал столбом. Михайло подскочил к нему, дал по шее. Разбойник упал. Ломоносов зажал его дрожащее тело между сапог, огляделся. Проспект был пуст, в глубине леса трещали ветки. Совершенная виктория!

— Ну? — грозно спросил поверженного врага. — Кто таков?

Разбойник замычал. Михайло двинул его каблуком:

— Отвечай, когда спрашиваю!

— Мишкой кличут, — испуганно пробормотал разбойник. Он был одет в матросскую куртку, холстинные камзол и штаны.

— Тезка, стало быть. Говори: почто напали? Кто научил?

— Сами, ваше высокородие... Пограбить хотели и отпустить.

— Нож зачем, коли за убийством не шли?

Матрос угрюмо молчал.

— А, каналья! Так я ж тебя и ограблю. Разоблачайся!

Матрос вскочил, поспешно стащил куртку и камзол.

— Штаны сымай! В узел завязывай!

Белея исподним, разбойник обмотал одежду собственным поясом. Ломоносов пнул его напоследок, закинул узел в кусты и, не оглядываясь, ушел...

Минуло всего-то двадцать лет, а жизнь подходит к концу. Ноги пухнут у его высокородия мужицкого сына. Грузен стал, одутловат. Все больше на балконе сидит, как вот сейчас. В сад с палочкой выходит. Постарел, изрядно постарел господин Академии наук коллежский советник и химии профессор Михайло Васильевич Ломоносов! Дорого обошлась двадцатилетняя драка с разбойниками из академии... Не на живот и не на имущество его покушалась немчура, все эти Шумахеры, Тауберты, Миллеры. Науки российские они попирали. Те самые науки, которые Ломоносов почитал благороднее и полезнее прочих дел человеческой жизни, ради которых был убит громом душевный друг Георг Рихман.

Много гонений претерпел Ломоносов в собственном отечестве, о пользе и славе которого ревновал. Не иноземцев ли подразумевал, когда, сидя под арестом, перекладывал на поэтический язык псалом Давида:

Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

Теперь к врагам прибавился достославный Эпинус... А ведь изрядный физик, умница! Нашел сродство между электрическими и магнитными явлениями. В нагретом кристалле турмалина выявил силу электрическую. Занимался бы своим делом — цены бы человеку не было. Нет, втемяшилась астрономия. Попытался предвычислить путь Венеры по солнечному диску. Нимало не усомнясь, статью опубликовал в академическом журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». Чертежи привел фальшивые. Тут уж Ломоносов взбесился. За правду в науке он против отца родного восстать за грех не ставил, а тут всего-то немчура. На Академическом собрании резко выступил, сказал, что пользы от статьи никакой, зато смеху и увеселения предостаточно. Эпинус обиделся, подал жалобу. Ломоносов

в ответ подготовил обстоятельную записку, которую и прочел собранию в декабре прошлого года. Эпинус на заседание не явился, струсил. Однако, пользуясь безнаказанностью, Астрономическую обсерваторию запер на висячий замок... Полгода пришлось биться, покуда Кирилла Григорьевич Разумовский и господа сенат урезонили немца. Два дня тому, как отобрали у Эпинуса ключ, а за явлением Венеры на Солнце положили наблюдать Андрею Красильникову и Николаю Курганову... Припозднились, однако, господа обсерваторы, давно должны прийти. А-а-а, вот они! Гуськом за племянницей шествуют.

Ломоносовский двухэтажный дом окнами смотрел на правый берег Мойки. Сюда же выходили дубовые ворота. Но они всегда на запоре, и гости идут в дом через обширный сад. Из-за стволов перед ними открывается балкон, на котором чаще всего обретается хозяин. Он сидит за дубовым столом в белой блузе, в китайском халате, на котором извиваются огнедышащие драконы.

— Милости прошу, господа обсерваторы! — Лицо Ломоносова расплылось в улыбке, голос негромок. — Простите старика, не встаю — ногами маюсь. Матрена, подавай щи! Да пива со льда не забудь!

Гости поднялись на балкон, сняли шляпы и сели напротив хозяина. Красильников тотчас сообщил:

— Из Сибири пакет, Михайло Васильевич.

— Ну?! Что пишут?

— Никита Попов остановился в Иркутске, а господин Румовский обогнул Байкал и доехал до Селенгинки. Ежели, чают, на одного облака набегут, то другой солнца не упустит.

— Умно решили! Теперь за Венерой три российских города охотятся. Вкупе с Лондоном, Парижем, Римом, Калькуттой и прочими, более сорока городов телескопы вострят. Большой астрономический праздник на земле. — Ломоносов блаженно зажмурился. — День Вене-

ры! Теперь расстояние до Солнца в точности знать будем... Как вы?

— Давно готовы, — четко отвечивал Красильников. — У меня шестифутовая труба, у Николая Гаврилыча — грегорианская. Хронометры установили по мгновению истинного полдня, погрешности и в секунду не будет.

— Что Эпинус?

— Господин профессор от работ отстранился вовсе.

— Туда ему и дорога! — Ломоносов покривил губы. — Он в школу ходил с катехизисом, когда ты уже был добрый обсерватор и долготу государства от Петропавловской гавани до Камчатки определял...

Потешно семеня ногами, Матрена приволокла горшок щей. Расставила глиняные миски, откинула крышку. Дразнящий мясной дух ударил в ноздри.

Ломоносов ел истово, по-мужицки, поддерживая деревянную ложку краюхой хлеба. Со смаком обглаживал сахарную кость, колотил ею по столу, выбивая колбаски костного жира. Широкое лицо разрумянилось, залоснилось; драконы на халате сыто подрагивали. Стащив с головы парик, утерся, как рушником, бросил на колени. Подбадривал гостей:

— Камзолы расстегните, господа обсерваторы! Теперь до самого явления поесть не придется... Андрей Митрич, — спохватился вдруг, — ты в Москве прохождение Меркурия наблюдал. Как скажешь — густо ли коптить стекло надобно?

— Коли густо копчено, глаза мало устают. Однако планету на солнечном диске видно неясвенно.

— Что ж, глаза щадить не будем: К своей зрительной трубе, — Ломоносов строго глянул на Матрену, которая стояла со жбаном пива и мелко тряслась от смеха, — я присовокуплю весьма негустокопченное стекло, ибо намереваюсь примечать токмо начало и конец явления. И на то употреблю всю силу глаз. — Матрена все хихикала. — Ты чего?

— Почто, дядя Михайло, ложку за ухо заложил? Это ж не гусиное перо!

— Баба, она баба и есть. — Ломоносов добродушно усмехнулся. — Пива давай, нечего зубы скалить.

— Николай Гаврилыч интересные расчеты сделал, — сказал Красильников, прихлебывая ледяной напиток.

— Не ко времени об исправлении атласа говорить...

— Не о нем, о будущих явлениях Венеры речь.

— Сие весьма любопытно! Докладывай, Николай Гаврилыч, и то весь вечер безмолвствуешь.

— По вычислениям получается, — сказал серьезный Курганов, — что предбудущее прохождение Венеры по Солнцу имеет быть через восемь лет, 23 мая 1769 года. Однако в Санкт-Питербурхе его узрим едва ли.

— Все одно не доживу, — негромко молвил Ломоносов. Жестом остановил протестующие возгласы. — Далее?

— Еще две пары лет нашел: 1874 и 1882, 2004 и 2012. Ломоносов задумался, глядя в небо.

— Далеко... Коли эпинусовским эфемеридам верить, начало явления в Европе незримо будет: Солнце у них позже взойдет. Посему сибирская экспедиция да мы, грешные, сугубо ответственны. Ступайте, господа обсерваторы, бог в помощь.

Красильников и Курганов встали, склонились в поклоне.

— Еще спросить хочу. Венеру в трубу наблюдая, не примечали раньше особливое удлинение рогов?

Красильников покачал головой, Курганов нерешительно кивнул.

— Чем объясняешь?

— Либо возмущение воздуха, либо труба грешит.

— Может статья. — Ломоносов помолчал. — Однако нет-нет да на край Венеры поглядывайте. Всякое бывает...

Ушли обсерваторы. Ломоносов посидел за столом, размышляя. Тяжело поднялся. Опираясь на трость, за-

ковылял в сад. Побродил среди деревьев, глядя на сочную траву, на свадебный наряд яблонь, над которыми жужжали пчелы. Достал из халата садовый нож, принялся обрезать сухостоинки. Мысль об удлинённости Венериных рогов не шла из головы. «Возмущение в атмосфере, — бурчал он. — В которой атмосфере — земной или Венериной?.. Лечь надо раньше, чтобы глаза отдохнули. Солнце около трех взойдет, и тотчас явление начнется... Хоть бы облаков не было!» — помолился Ломоносов. Ушел в дом. Не снимая халата, лег в постель.

Было тихо. Матрена давно спала, жена увела дочь в гости к брату своему Иоганну Цильху. Ломоносов лежал с открытыми глазами и никак не мог забыться. По давней привычке принялся бормотать стихи:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут.

Не для императрицы, не для Елисаветы Петровны писал он оду сию. Юношей к науке привлекал. Чтобы славу российскую умножали, немцев из академии потеснили... А матушка государыня не в отца уродилась, не тем будь помянута. То пляшет до изнеможения, то из церкви не выходит, грехи замаливает. До наук ли ей, когда она по полгода в Троице-Сергиевский монастырь на богомолье ходит... Мужа на нее нет, чтобы прить унял. В памяти вдруг прорезались латинские вирши любимого Марциала:

Так чиста и невинна эта сучка,
Что Венеры не знает, и не сыщем
Мужа ей, чтоб достойным был красотки! *

Уснуть бы, уж другая Венера к Солнцу подбегает...
Проснулся он, словно кто толкнул. Дико посмотрел

---

* Перевод Ф. Петровского.

на окно — светло как днем. Проспал! Замирая сердцем, выскочил на балкон. Слава богу, солнце не взошло... Глянул на часы — без пяти три. Времени предостаточно. Вынес в сад телескоп на подставке о трех ногах, утвердил на высокой скамейке. Посмотрел вдоль трубы — ничего не заслоняет видимости. И облаков нет. Горизонт обозначен резко, будто ножом отрезано багровое небо от сизовой земли.

Ломоносов приладил к окуляру закопченное стеклышко, отрегулировал резкость. В центре поля зрения видимость была хорошей, но на краях из-за аберрации нарушалась, туманились цветные каемки. Значит, Венеру надобно держать точно по оси трубы... Сходил за рабочим журналом, перьями и пузырьком чернил.

А в Астрономической обсерватории Красильников и Курганов тоже хлопочут у телескопов. В Сибири Попов и Румовский глядят на взошедшее солнышко. Бейрут, Калькутта, Пекин ошетинились телескопами. Англичане и французы, итальянцы и немцы клянут запоздалое утро. Ломоносов, сам того не замечая, хриплым полусшепотом тянул поморскую песню. Он почти физически ощущал прикосновение плечей астрономов всей земли. Все они, словно зазимовавшие на Шпицбергене рыбаки, выскочили на берег и с восторгом глядят на новорожденное солнышко, которое, полоснув по глазам огненным краем, неудержимо потянулось ввысь.

— Там огненны валы стремятся и не находят берегов, — бормотал Ломоносов. — Там вихри пламенные крутятся, борючись множество веков. Там камни, как вода, кипят...

В половине четвертого приник к окуляру. Солнце было гладко и чисто, словно яичный желток на черной сковороде. Несколько минут, напрягая глаза, Ломоносов смотрел на солнечный край, ожидая появления щербинки. Но ничего не происходило. Проклятый Эпинус! Наврал, конечно, считая эфемериды. Чертов немец... Теперь перетрудишь глаза, глядя на светило, не уловишь

первого касания Венеры. Ломоносов воткнулся в трубу, изредка косясь на хронометр. Прошло двадцать минут, полчаса... В глазах почернело, поплыли огненные пятна. Ломило шею. Еще десять минут... Солнечный край на месте ожидаемого вступления Венеры стал будто бы неясствен. Ломоносов оторвался от телескопа, несколько секунд постоял с закрытыми глазами. Мельком глянул на хронометр (четыре часа десять минут!), припал к окуляру. Ох! Там, где край Солнца показался неясственным, зияла черная щербинка! Вот она, Венера... Щербина медленно росла, округлялась... Ну, Михайло! И когда на Солнце вступила вся планета, между ней и солнечным краем показалось тонкое, как волос, сияние. Оно длилось два удара сердца и пропало. Черный диск Венеры пополз по желтому полю...

Ломоносов отстал от телескопа. Брызжа чернилами, записал время. Прикрыл набрякшие глаза. Было четыре часа двадцать семь минут.

Сразу отяжелели, заныли ноги, а трость дома оставил. Кое-как ковыляя и переваливаясь утицей, Ломоносов добрался до постели. Тяжело упал на бок, притих. Отдыхали ноги, отдыхала шея. Но голова продолжала работать. Итак, государи мои, что видим? Во-первых, удлинение рогов Венеры. Ни у Меркурия, ни у Луны такого не бывает. Во-вторых, при самом вступлении планеты край Солнца казался затуманенным. И наконец, тончайшее сияние. Все это может быть объяснено единственно преломлением света в атмосфере Венеры. А коль скоро эффект преломления виден на таком громадном расстоянии, то и атмосфера обладает значительной густотой и толщиной. Так ли?.. Ломоносов еще раз проследил цепочку рассуждений. Так! Если и при сходе планеты с солнечного диска он подтверждение мыслям узрит, то атмосфера на Венере истинно существует.

В седьмом часу проснулась и забегала по хозяйству племянница, ранняя пташка. Жена и дочь из гостей

припозднились, будут спать до обеда. Ломоносов не утерпел отдыхать, взял трость и пошел к телескопу. Повернул трубу вслед за поднявшимся солнцем. Сел, зажмуря глаза, греться.

— Завтракать будешь, дядя Михайло?

— Кофию давай.

Матрена принесла высокий кофейник, исходящий пахучим паром. Глаза ее перебегали с дяди на телескоп. Не утерпела:

— Что на солнце разглядываешь?

— Посмотри, — снисходительно разрешил Ломоносов.

Матрена приложила к окуляру горящий любопытством глаз.

— Ой, какое громадное!.. А что это вроде бы какие-то пятнышки черные?

— Так и называются — пятна на Солнце. Итальянский обсерватор Галилей их первым узрел.

— Ну да, — не поверила племянница. — На солнце пятен не бывает... Ой! А одно совсем круглое... Наверху которое.

— То планета Венера по Солнцу бежит.

Матрена отступила, испуганно крестясь. Сказала шепотом:

— По солнцу вошки ползают — что же теперь будет? Каким несчастьем знамение обернется?

— Ничего не будет. — Ломоносов засмеялся. — Далее побегит Венера своим путем.

— А ежели убьет, как господина Рихмана? Тетю Лизу разбуду!

— Я те разбуду! Ступай кашу варить, прорицательница несмысленная!

Матрена, едва не плача, убежала. Ломоносов покачал головой. Если профессорова племянница испугалась, то каково простому народу, у коего голова набита легковерием и боязнью. Кто в явлениях небесных видит божие знамение. Собственным страхом своим они

наказаны за суемыслие! Хуже, однако, если статья попадет в руки людей грамотных, чтецов святого писания и ревнителей православия. Коли кругом Венеры, скажут, атмосфера обретается, то и пары на ней восходить должны, облака сгущаться, дожди выпадать. А там ручьи собираются в реки, реки втекают в моря; растения, коими животные питаются, произрастают. Люди, подобные нам, живут... А в веру Христову они крещены ли? Проповедано им Евангелие? Сие не коперниканская ли ересь, противная закону? Ломоносов зло засопел. Такие вот книжники и фарисеи укоротили жизнь архиепископа Феофана Прокоповича.

О Феофан, Феофан! Дико торчащие смоляные волосы и борода, горящие гневом аспидные глаза под мохнатыми бровями. Яростный бас, от которого гасли церковные свечи. Непримируемый и необузданный нравом Феофан... Отцом родным и защитой был он для бурсаков. Это он двадцатилетнего Михайлу от исключения из Славяно-греко-латинской академии спас, когда открылось крестьянское происхождение. В доме своем приютил, за границу на учебу отправил. Это его огненными проповедями вдохновленный, писал Ломоносов торжественные оды. Это он внушал учение Коперника и Галилея, указывал на многие невнятности Священного писания. Прежде церковного долга призывал исполнять долг гражданский. Доныне помнит Ломоносов латинские вирши Феофана Прокоповича, в которых Галилей провозглашался деятельным служителем природы, а папа Урбан VIII — нечестивым тираном:

Почто ты, папа, судишь Галилея?

Ты, яко крот, слепой, а он — Линчея! *

Как и Ломоносова, Феофана терзали враги. Писали в доносах, что он на освященную воду ядом блюет, что мощи святые в Киево-Печерской лавре хулит... Свели

---

* Перевод С. Ахметова.

прежде времени в могилу сподвижника Петра Великого...

Глаза Ломоносова налились злыми слезами. Он пошел по саду, перешибая тростью стебли травы — будто сек долгогривых хулителей Феофана. Вспомнилось вдруг, как архиепископ, хохоча, пересказывал книгу Сирано де Бержерака. Носатый француз издевался: предполагать-де, что огромное светило вертится вокруг Земли, до коей ему и дела нет, столь же нелепо, как при виде зажаренного жаворонка думать, что его приготовили, вращая вокруг него плиту. Глаза Ломоносова засветились: эта здравая мысль, переложенная на поэтический язык, может украсить статью. Поспешил к журналу записать две окончательные строки, которые бились в голове:

Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг кругом жаркого?

После сего стихотворения нелишне будет указать, что Коперникова система имеет преславное употребление в астрономии. Галилей, Кеплер, Невтон довели ее в предсказаниях небесных явлений до такой точности, каковая по земностоятельной системе достигнута быть не может. Конечно, если расчеты производит изрядный астроном, а не пресловутый Эпинус. Тем единственным и плох был архиепископ Феофан, что немцев чрез меры любил, перед западной наукой преклонялся. А он, Ломоносов, коренной руссак. Он немцев в академии и словесами бил, и кулаками зубы поправлял, и под арестом за то сидел без малого год. И впредь так будет, потому что на бездарных иноземцах науку не поставишь. Российская земля сама может собственных Платонов и Невтонов рождать. Так-то...

Хронометр показывал половину одиннадцатого. Солнце стояло высоко и зноем поливало сад. Гудели пчелы. Ломоносов обтер париком лицо, поправил телескоп. Солнечные лучи слепили глаза. Тогда он про-

рвал круглую дыру в листе бумаги и надел ее на трубу. Получился защитный экран. Теперь ничто не мешало наблюдать черный шарик Венеры, заканчивающий странствие по солнечному диску. Ну-ка потрудитесь, отдохнувшие глаза!

Ломоносов, неудобно изогнув шею, застыл у телескопа. Венера медленно приближалась к солнечному краю. Как там здравствует атмосфера?.. И вот, когда до края Солнца осталось расстояние в десятую долю Венериного диаметра, на нем возник пупырь, который все более вздувался, чем дальше Венера выступала из Солнца. Затем пупырь пропал, лопнул, и Венера показалась без края, будто его ножом срезало. Она превратилась в щербину на ровном солнечном диске. Щербинка умаялась, сходила на нет. В момент отрыва планеты от солнечного края на нем появилась знакомая замутненность, опять же внесенная атмосферой. Все!

Ломоносов разогнулся и захохотал. Мысль о том, что он за миллионы верст углядел вокруг Венеры атмосферу, наполнила его восторгом. Сколь несравненно могущество науки! Он отшвырнул трость и забегал по саду, сшибая головой яблоневый цвет. Ай да Михайло!.. Чем не рысьеглазый?.. Он остановился. А как же прочие обсерваторы? Удалось ли узреть атмосферное сияние и пупырь на краю Солнца Курганову и Красильникову, Попову и Румовскому? Западным астрономам? Не явилась ли им помехой облачность?.. Надобно незамедлительно статью писать. Надо сообщить ученому миру обо всем, что приметил.

Ломоносов заулыбался, будто уже держал в руках тонкие книжицы на русском и немецком (что поделаешь — Запад по-русски не понимает) языках и читает приятные глазам слова: «По сим примечаниям господин советник Ломоносов рассуждает, что планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного».

7. СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ

Несколько часов вечерний бриз нес их над Венерой. Ломов время от времени включал ультрафиолетовое зрение, любовался солнцем. Оно почти касалось вздыбленного горизонта и напоминало мяч для игры в регби. Ломов вращался вместе с несущим шаром, с любопытством наблюдая, как из-за правого плеча выступает черное солнце, неторопливо проплывает по экрану и торжественно скрывается за левым плечом. Ночная сторона Венеры была мертвенно серой, а при выключении ультрафиолетового зрения проваливалась в угольную темноту.

— Жалко, что вулканов не видно, — вздохнул Ломов. — Вот было бы зрелище!

— Тебе все удовольствия подай, — буркнул Галин.

Он висел под шаром почти горизонтально и солнца не видел. Внизу проплывало нагромождение скал Гекубы. Некоторые пики поднимались так высоко, что едва не царапали по животу. Галин переменял бы позу, но не хотел рисковать. Управление манипуляторами могло быть повреждено при отстреле.

— Полет под шарами, — не унимался Ломов, — это спорт грядущего.

— Ну да. Я вижу, как спортсмены парят над памятником Неизвестному Ломову и салютуют надруками.

— А что? Потомки должны благодарить... Долго еще лететь?

— Часов пятнадцать.

— Соболезную. Гурману придется обедать в подвешенном состоянии.

— Старик, поглядывай по сторонам. Я вздремну.

— Ты еще и спать можешь? Железный человек!

Галин промолчал. Он смотрел на неясную линию терминатора, которая медленно сползала с хребта Гекубы. Дальше шла непроглядная чернота — тень от невысокого хребта Сафо, вершины которого уже мая-

чили вдали. «Километров пятьдесят, — подумал Галин. — Потом откроется долина Блейка с озерами расплавленного металла... Договорится ли Миша с Кианом? Должен, иначе «Очерки планетологии» не появятся. Впрочем, «Тетру» найдут. Как говорится, рукописи не горят...»

Ломов слушал дыхание товарища и любовался черным светилom. «Прошло столько часов, — думал он, — а солнце своего положения не меняет. Почему?.. Интересно, а на Земле в ультрафиолетовом зрении солнце тоже было бы черным?»

Ломов вспомнил Черноморское побережье, лукоморье Феодосийского залива. Вот где было солнце! Виноград, море и солнце... Они отщипывали полупрозрачные ягоды от огромной кисти, играли с дельфинами в салки, загорали. А вечером Марина затащила его в парк. Ломов танцевать не умел, кое-как переставлял ноги под волнующе-ритмичную музыку. Марина непрерывно смеялась. Потом объявили лав-лав, модную новинку сезона. Мелодия скрипки сладко обволакивала сердце, короткие вопли трубы били по нервам... Марина была везде и нигде. То льнула к нему, то резко отталкивала, упираясь ладонями в грудь. Ломов сошел с ума, обнял и неловко поцеловал девушку в щеку. Они были в темном углу.

— Что с вами? — холодно спросила Марина.

— Но ведь... — Ломов чувствовал, как горит лицо. — Вы так танцуете... Вы мне тоже нравитесь...

— Что значит «тоже»?

— Разве вы не...

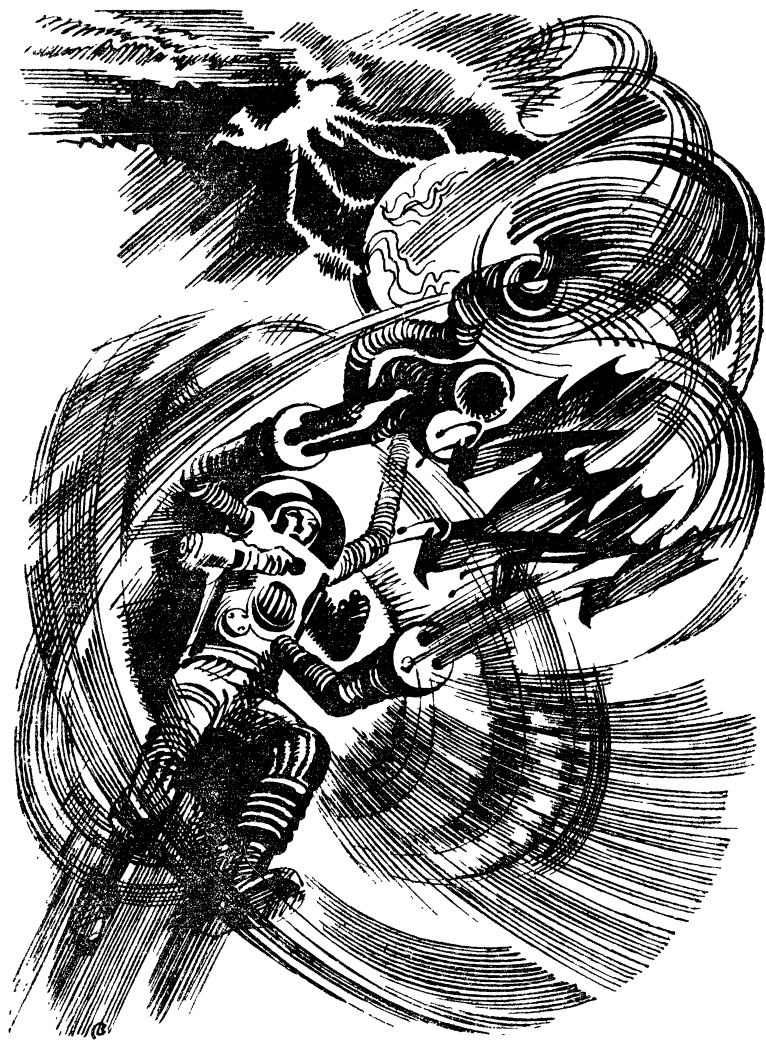
— Хорошенькое дело! — В голосе Марины появились визгливые нотки. — Уже потанцевать нельзя! Это лав-лав, все его так танцуют...

— Вы что — и с другим бы... так же?

— Если каждый партнер будет давать волю рукам...

— Очень сожалею. Прошу извинить.

Ломов наклонил голову, повернулся и ушел. Через

полчаса на морском берегу до него дошел комизм ситуации. И он захохотал, словно собака залаяла. Ай да Микель! Ну влип... А сердце холодила льдинка сожаления...

Это было до Гражины. Марина — Гражина... Имена рифмуются. И похожи они, как сестры. Только сходство неточное, как неточна рифма. Гражина не будет танцевать лав-лав с кем попало...

Дальнейшее течение мыслей странным образом пошло по двум руслам. Будто каждое полушарие ломовского мозга работало само по себе.

«Гражину я полюбил с одного взгляда, — думал Михаил. — Это было как взрыв. Она стояла у окна, даже лица не разглядел. Когда она пожала руку — крепко, вплотную прижав ладонь к ладони, — я уже любил... Наверное, за двадцать семь лет сложился образ идеальной женщины. Мамины глаза, бабушкина доброта, что-то от школьных подруг, от сокурсниц, просто от знакомых или виденных в кино девушек. Гражина точно совпала с идеалом — ни убавить, ни прибавить. Я полюбил интуитивно... Хм, это похоже на теорию эмпатии. Как, бишь, звали того ученого? Кажется, Сопиков. Трогательная фамилия... Эмпатией Сопиков назвал метод интуитивного познания. Достаточно, мол, человеку получить небольшую информацию об объекте, как он на основе предыдущего опыта строит полную подсознательную модель. Как правило, модель спонтанно проявляется в самое неожиданное время. Например, во сне. Так Менделеев увидел свою таблицу, так я нашел способ отгонять «ос»... Нет, мысль об ультразвуке пришла не во сне, а в беспамятстве. Она была обрамлена в беседу с Галилеем. Галу тоже пришлось потерять сознание, чтобы увидеть Ломоносова. Странно... Две недели мы спим на Венере без всяких вещих снов. А стоит потерять сознание — они тут как тут. Три шока — три видения, стопроцентная повторяемость. По трем точкам можно строить зависи-

мость... Не замешана ли здесь гениальная память, которая проявляется в стрессовых ситуациях? **ГЕНИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ...**»

«Гражина тоже полюбила сразу, — думал Ломов другой половиной мозга. — Только боялась признаться даже себе. Она вообще не собиралась выходить замуж, хотела делать науку. Не понимала, что любовь помогает, а не мешает. У нас будут дети. Дочку назовем Зухрой — в честь красавицы Венеры. Нет, к черту Венеру! Дочку назову Гражиной. Она будет красивой и умной — вся в маму... Хотя мои гены тоже чего-нибудь стоят. Гражина Ломова будет носительницей лучшей в мире комбинации генов! Поколения предков, как две реки, текли навстречу друг другу, любили, мучились, работали, чтобы слиться в Гражину Ломовой. Какой колоссальный опыт накоплен за столетия! Будет здорово, если дочка (Ломов уже думал о ней как о живой девочке с косичками и в коротком платьице) воспользуется опытом предков, не повторит их ошибок. А что? В принципе это возможно. Надо пробудить гениальную память. Могучая вещь — **ГЕНИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ!**..»

«**ГЕНИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ**» — эти слова одновременно вспыхнули в обеих половинах мозга, дрогнули, поплыли, сходясь, и вдруг соединились. Ломов даже захохотал. Елки-палки, почему он раньше не додумался! Ну-ка, ну-ка, не торопясь. Спокойно, последовательно, даже примитивно.

Значит, так: чтобы родилась дочка, нужны двое — Гражина и он. А чтобы появились они, необходимо четверо — две мамы и два отца. И так далее в геометрической прогрессии. Ломов прищурился, возводя двойку в тридцатую степень... Выходило, что у дочки восьмисот лет назад должно быть свыше миллиарда одновременно существующих предков. Но это чепуха! В ту пору население континентов не превышало трехсот миллионов человек. А ведь дочка не одинока, есть другие дети со своей родословной. Следовательно, неизбежны

общие предки, следовательно, все ныне существующие люди — родственники, все — братья. Ну не все, конечно, это было бы преувеличением, но представители одной национальности или территориально близкие народы — наверняка.

Идем дальше. Он, Ломов, со стороны отцовской бабушки имеет предков в Италии. Мог среди них оказаться Галилео Галилей? Вполне! Вот тебе пробуждение генной памяти, вот тебе объяснение встречи с великим итальянским ученым. Ломов секунду погордился родословной и принялся вычислять Галима Галина. Гал — татарин, но фамилия у него русская. Русские и татары много веков жили бок о бок, смешение неминуемо. Так или иначе, но генная память друга хранит образ великого русского ученого. Тут Ломова занесло в сторону, он подумал о причинах буквальной близости двух пар имен: Галилео Галилей — Галим Галин, Михайло Ломоносов — Михаил Ломов. Однако эта мысль была непродуктивной. К черту ее!

Какие условия необходимы для пробуждения генной памяти на Венере? Во-первых, потеря сознания. Причем интересно, что они с Галиным отключались не более чем на десять минут, а сны видели длинные, насыщенные содержанием. Вторая встреча Гала с Ломоносовым была короткой, хотя бессознательное состояние товарища продолжалось полчаса. Это надо запомнить. Вторым главным условием является сама Венера. Ничего подобного на Земле с Ломовым не случалось, хотя в шоке он два раза побывал — после неудачных прыжков с вышки.... А-а-а, вот в чем дело! Чем ближе к поверхности Венеры находится шокированный, тем продолжительнее и реалистичнее сон. Оба случая с Галом вписываются в эту закономерность. Значит, у поверхности существует излучение, которое пробуждает в отключенном мозге память предков. Лишь километровые слои углекислого газа уменьшают интенсивность излучения.

— Гал! — позвал Ломов. — Эй, планетолог, кончай ночевать!

Ровное дыхание товарища сменилось сладким похрапыванием и длиннейшим зевком:

— Айя-ха-хайя-а-а... Ну?

— Есть вопрос.

— Давай два.

— Почему Солнце остановилось?

— Как тебя терпят в твоей лавочке? Мог бы догадаться, что Солнце и мы движемся с одинаковыми скоростями.

— Да?.. Это была разминка. Основной вопрос: ты на других планетах в обморок падал?

— В каком смысле?

— В прямом. Попадал ли ты в аварии, которые временно выключали сознание?

— Не-е-ет... Как-то не довелось, знаешь. Мы стараемся избегать подобных ситуаций.

— Жалко! А тогда, с Блейком?

— Случись такое, я бы не вернулся.

— Как же ты? Рука...

— Пришлось поднапрячься. И вообще, если не считать нынешнего полета, я обходился без обмороков. Видно, старею... Послушай, чего ты домогаешься?

— Да идеяка прорезалась...

Ломов подробно рассказал о предполагаемом воздействии неведомого излучения на пробуждение генной памяти. Галин задумался. Сказал твердо:

— Есть слабина. Аномальных излучений на Венере не зафиксировано.

— Мало ли что!

— Погоди... На Венере масса аномальных явлений. Может быть, их совокупность пробуждает генную память?

— Например?

— Венера вращается в обратную сторону. Солнечные сутки продолжаются 2808 часов. Центр тяжести

смещен на полтора километра от геометрического центра. Необычно соотношение изотопов аргона в атмосфере. Наконец, у планеты почти полностью отсутствует магнитное поле.

— Все это чепуха, кроме последнего. Магнитное поле — фактор довольно мощный... Надо ставить серию опытов.

— Собираешься колотить подопытных дубинкой по голове? — Галин рассмеялся.

— Остри, остри... Буду экспериментировать с бионетическими системами. — Ломов охнул и зажмурился, как от молнии. — Гал, я понял!

— Молодец. А теперь отдохни.

— Я понял, почему Киан сошел с ума!

— Вот и ладно, я всегда верил в тебя.

— Не хочу спать!

— Без разговоров, юнга. Спи, пока есть время.

Минут пять Ломов недовольно сопел, потом затих. Видно, усталость пересилила возбуждение, и сон сломил богатыря. Галин улыбнулся. Он медленно вращался вместе с несущим шаром, разглядывая мертвый венерианский пейзаж. Линия терминатора ползла по долине Блейка, но скалистые вершины хребта Сафо были освещены тусклым светом. Такого же марсианского цвета была и долина, но в отличие от Марса на ее поверхности тлели овальные рубиновые вкрапления. Это были озерки расплавленного металла.

«Ос» давно не видно, — подумал Галин. — Наверное, к ночи они действительно теряют активность».

Он проголодался. Достал из контейнера тубу с овсяной кашей, отвинтил колпачок и принялся понемногу выдавливать содержимое в рот. Выпил апельсинового сока. Посмотрел на часы. Судя по времени, Киан уже входит в зону видимости.

Галин включил максимальное увеличение, разглядывая каждый километр равнины. Киан, по-видимому, лишился большей части несущих шаров и с такой высоты

должен напоминать огромную гантель: сфера с электронным мозгом, сфера для сменного экипажа и соединяющая их рукоятка. Благодаря размерам и ослепительной белизне Киан не может затеряться, если только не утонул в озере. Но на планете нет больших озер. Да и не утонет он, плотность слишком мала... Не успел Галин подумать об этом, как с левого угла экрана выплыло озеро совершенно невероятных размеров. «Не меньше километра в диаметре», — подумал Галин, присвистнув. Тут он увидел такое, что у него отвалилась челюсть.

— Эй, дед, проснись!

— А? — встрепенулся Ломов.

— Мы пролетаем над пальмой.

— Трепач... Такой сон не дал досмотреть.

— Погляди вперед, немного левее по курсу.

Ломов на минуту стих, даже дышать перестал. На берегу озера росло дерево! Кряжистым стволом и мощной кроной оно напоминало пальму.

— Так это же Киан!

Галин опешил. Судя по голосу, друг не шутил. Но кто его знает, остряка...

— Ты уверен?

— Совершенно.

— Ну смотри. — Галин определил высоту полета и расстояние до пальмы. Закрыв глаза, в уме рассчитывая траекторию посадки. — Миша, как только дам сигнал, включай микроразрядник.

Галин посмотрел на часы. Еще чуть более десяти минут, времени достаточно. На всякий случай повторил вычисления.

— Миша, ты меня видишь?

— Твой шар впереди. Немного правее и ниже меня.

— Какое между нами расстояние?

— Метров сто.

— Хорошо, приготовься. — Галин смотрел на секундную стрелку. В нужное мгновение прижал кнопку

разрядника, отсчитал двадцать пять секунд и крикнул Ломову: — Давай!

На первых парах они даже не заметили, снижаются или нет. Но уже через десять минут поверхность значительно приблизилась. Озеро расплавленного металла разрослось, заняло почти весь экран. «Прямо в него? — с опаской подумал Галин. — Неужели внизу полный штиль?» Но тревога была ложной. Озеро смещалось назад, он уже видел, что опустится недалеко от берега.

— Миша, коснешься поверхности — отцепляйся от шара!

— Уговорил. Между прочим, наше черное солнышко закатилось.

Галин не слышал. Поверхность Венеры стремительно надвинулась, он ощутил несильный толчок и разжал пальцы манипуляторов.

«Кажется, обошлось», — подумал Галин. При посадке его перевернуло на спину, он увидел красное небо, в котором плыли, уменьшаясь, два белых шара. Значит, Миша тоже сел благополучно. Галин уперся надруками в каменный грунт и удлинял их, пока не встал вертикально. Переступил с ноги на ногу, проверяя устойчивость. Втянул манипуляторы и посмотрел по сторонам, ища Михаила. Вокруг расстиралась черная равнина.

— Дед, ты где?

— Здесь, здесь, — донесся излишне веселый голос. — Вляпался в какую-то лужу.

— Не шевелись, я посмотрю.

Переваливаясь из стороны в сторону, как утка, Галин заспешил к озеру. Белый яйцевидный скафандр косо выступал из жидкого свинца, отражаясь в зеркальной поверхности. Надруки нелепо торчали в разные стороны. Галин едва удержал нервный смешок.

— Ты в десяти метрах от берега. Попробуй подгрести.

Ломов замахал манипуляторами, быстро достиг суши. Галин ухватил его под руки, помог выбраться.

— С легким паром. Как тебе свинцовая ванна?

— Спасибо, хорошо искупался.

— Извини, немного не рассчитал... Зато ты первый, кто плавал в жидком свинце.

— И на том спасибо.

Они еще немного поострили по поводу свинцовой купели, благотворного влияния свинцовых примочек. Увидев, что Ломов успокоился, Галин сказал:

— Ладно, инцидент исчерпан.

Преодолевая тугое сопротивление атмосферы, они вперевалку двинулись по берегу. Слева тускло мерцала свинцовая гладь озера. Дальний край его, приподнятый рефракцией, казалось, был готов опрокинуться. Справа круто вздымалась базальтовая равнина. Солнце зашло, но было довольно светло. Чем ближе они подходили, тем увереннее Галин узнавал Киана. Нижняя сфера гантели наполовину вросла в базальт. От нее тянулись какие-то трубы, похожие на корни. Рукоятка гантели поднималась на тридцатиметровую высоту. Из верхней сферы росли продолговатые образования, похожие на листья пальмы. Длина их достигала метров десяти, ширина — не менее метра. Листья и ствол были совершенно черными.

— Как ты догадался, что это Киан?

— Не догадался — знал. Конечно, не думал, что он будет похож на пальму. Логичнее было ожидать березу.

— Как же он пророс?

— С ним произошла та же история, что и с нами. Что-то нарушило связи в операционной памяти. Киан как бы потерял сознание. Пробудившаяся генная память выдала информацию о мнимой опасности. Спасая себя, Киан отстрелил несущие шары и сел. Но программа продолжала работать, и он начал жить в соответствии с приповерхностными условиями. Зарылся в грунт, пустил корни.

— А лисгья?

— Основное назначение Киана — разлагать углекислый газ. Куда же в таком случае девать углерод?

— Значит, листья состоят из угля?

— Из угля, сажи, графита, в общем, из углерода. Я думаю, ствол тоже оброс углем, как корой.

— Угольные листья давно обломились бы... Хотя нет, вру. Антрацит — минерал довольно прочный. Колотишь, колотишь его...

Вблизи Киан еще более поражал воображение. Последний раз Галин видел его на околоземной орбите, но тогда он не казался таким огромным. Впрочем, космос скрадывает размеры.

Киан стоял на берегу озера как былинный дуб. Мощные корни, круто изгибаясь, уходили в глубину. Некоторые были погружены в ртутную гладь озера. Толщина корней достигала двух метров. Вокруг громоздились базальтовые глыбы и насыпи из мелкой щебенки, словно поработал гигантский крот с алмазными когтями.

— Смотри-ка, лист!

Действительно, между двумя глыбами косо торчало длинное перистое образование. Галин ухватил надруками край листа, с трудом обломил.

— Блеск и цвет антрацитовые, — пробормотал он. — А вот скол прозрачен, вроде стекла. Странный какой-то скол, гладкий. Похоже на спайность...

По укоренившейся привычке планетологов определять твердость минералов царапанием он чиркнул обломком листа по глыбе. На ровной поверхности базальта осталась глубокая борозда. Галин с недоумением провел по ней пальцами манипулятора.

— Н-да... — задумчиво сказал он. — Найди такую штуку в другой обстановке, я бы сказал, что это алмаз.

— Алмаз, графит — какая разница? Все равно углерод.

— Не скажи. — Галин спрятал обломок листа в на-

ружный контейнер. — Старик, кислорода на час. Что будем делать?

— Будем договариваться. — Бионетик настроился на волну атмосферной станции. — Киан, Киан, я Ломов. Отвечай!

После долгой паузы послышался хлопок, будто вытаскивали пробку из бутылки. Размеренный голос сказал:

— Отвечаю: ты Ломов, я Киан.

— Слава богу! Наконец-то слышу твой дивный голос. Принимай команду: открыть люк переходной камеры. Выполняй!

Они смотрели на нижнюю сферу, ожидая, что сейчас кусками отвалится ребристая кора и распахнется овальный люк.

— Ты человек, я береза, — сказал Киан. — Ты пришел срубить меня, человек?

8. ФИРМА ВЕНИКИ НЕ ВЯЖЕТ

Ни открывать люк переходной камеры, ни разговаривать с ними Киан не желал. Это было ясно. В голове Ломова высветилась картинка: на берегу озера раскинула широкие листья пальма, у подножия лежат два трупа с посиневшими лицами.

— Все равно доберусь до тебя, — прошипел он сквозь зубы.

— Люка найти не успеем...

— Попробуем вот что... — Ломов повел взглядом по толстым корням, которые уходили в изломанный базальт и жидкий металл озера. — Перейди-ка на запасную волну, чтобы Киан не услышал.

Ломов двинулся к берегу, Галин за ним. Бионетик шел неторопливо, переваливаясь на прямых ногах. Немало не задумываясь, ступил на упругую гладь расплава. Его завалило на бок, от скафандра побежали мелкие волны. Работая ногами и манипуляторами, Ломов лег на живот и поплыл к огромному корню, который

крутой дугой уходил в глубину. Галин молча следил за действиями друга.

Во втором купании Ломов чувствовал себя увереннее. Быстро достиг цели, ухватился надруками. Поверхность корня была покрыта черными буграми и бороздами. Ломов попытался отломить кусочек коры. «Словно каменная, — подумал он. — Прекрасно. Начнем скалолазание вверх тормашками». Перехватывая манипуляторами, медленно погрузился в расплав. Обзорный экран сразу потемнел. Ломов выключил внутреннее освещение. «Вслепую так вслепую. Все чувства — на пальцы манипуляторов».

Он двигался вниз по корню, не замечая огромной выталкивающей силы. Переводил вперед правую надруку, находил надежную зацепку, укреплялся, искал зацепку левой надрукой, опять укреплялся, последовательно перехватывал подруки. Ноги болтались где-то вверх. Только ими и ощущалась тугая вязкость расплава. «Что, если корень уходит слишком глубоко? — мелькнула опасливая мысль. — Не хватит мощности манипуляторов...» Почти тут же он нащупал неровную кромку раструба, которой заканчивался корень. Ухватился левыми манипуляторами, переложил тело в горизонтальное положение. Медленно перевалил через край. Его дернуло вверх, в зев раструба, но подруки держали надежно. Обзорный экран по-прежнему был слеп, однако Ломов всем телом чувствовал, что путь вперед свободен.

— Гал! Слышишь меня?

— Еще бы — отдуваешься, как морж.

— Порядок, Гал. Корень полый. Видимо, Киан через него забирает расплав. Сделай вот что. — Он описал маршрут.

— Понял. Жди первой почтой.

Чтобы не терять времени, Ломов решил пройти по периметру раструба. Через полметра уперся в перегородку. Держась за нее, переместился к центру трубы.

Пощупал манипуляторами. Так и есть. Раструб разделен на четыре части. Вход не один. Четыре. Похоже на сложное устье лабиринта. Впереди возможны фильтры, диафрагмы, решетки, впитывающие устройства. Только один путь ведет к цели. Один, но какой? Перебирать варианты времени нет.

— Держусь за край трубы, — доложил Галин. — Черт! Здесь перегородка...

— Даже четыре. Четыре входа в лабиринт.

По колебаниям расплава Ломов понял, что планетолог обследует раструб. Сухо состукнулись скафандры.

— Четыре туннеля... Я бы пошел по тому, в котором сидишь ты.

— Согласен.

— Как думаешь, еще разветвления будут?

— Не исключено.

— Тогда пусти меня первым.

Ломов не возражал — планетолог проходил лабиринты намного лучше. Повозились, меняясь местами. Нырнули в туннель.

Подниматься было легко. Расплав выталкивал, требовалось только притормаживать манипуляторами. «Классическое движение в камине, — думал Ломов. — Черт-те гдегодились альпинистские навыки. Если бы не жуткая темень...»

— Внимание, — сказал Галин. — Туннель раздваивается... Иду по боковому ходу.

— Понял.

Через минуту правая надрука Ломова погрузилась в пустоту. Он обследовал ширину хода, уперся манипуляторами в стенки, наклонил скафандр, чтобы половчее вписаться в поворот. «Не застрять бы», — подумал с опаской. Благополучно миновали еще два разветвления. Двигались уже горизонтально. Видимо, это было то место, где корень выступал из озера. Их прижимало к своду туннеля. Слышалось слабое попискивание — скафандр скребло о стенки.

— Все, — сказал Галин. — Дальше хода нет.

— Тупик?

— Конец туннеля. По пояс торчу в свободном пространстве.

— Ну?!

— Уцепиться не за что... Пожалуй, надо всплывать.

Ломов включил внутреннее освещение. Стрелка расходомера стояла около нуля.

— Гал, ну что ты?

— Ого! — прервал его изумленный голос. — Вот это кино!.. Всплывай, Микель!

Ломов продвинулся еще на метр. Дальше туннель как бы расширился. Похоже, корень соединял озеро с резервуаром.

— Из бассейна А в бассейн Б проведена труба, — бормотал Ломов, чтобы отвлечься от мыслей о кислороде. Его потащило вверх. Ноги косо застряли в устье туннеля. Ломов задвигал ими, оттолкнулся подруками и, как воздушный пузырь, выпрыгнул на поверхность.

Достаточно было одной минуты, чтобы оценить обстановку. Рядом плавал Гал. От его скафандра тянулся широкий луч, который выхватывал из темноты сферический свод, полыхающий красными, оранжевыми и желтыми огнями. Наверху свод примыкал к чему-то белоснежно-матовому. Ломов повел прожектором.

— Нижний шар Киана!

— Вот именно. Где-то должен быть люк.

Они поплыли по кругу между искрящей стеной и белым шаром. Ломов видел, как мерно поднимались и опускались манипуляторы товарища.

— Вот он!

В круге света появился овальный люк. Ломов с умилением разглядывал головки прижимных болтов.

— Работай!

Подгребая нижними манипуляторами, чтобы не отнесло в сторону, они ослабили и откинули болты. Галин ухватился за скобу, потянул на себя. Люк не под-

дался. Галин, чужь ли не целиком высунувшись из рас-плава, повис на скобе.

— Ты чего?

— Люк... заблокирован...

— Давление уравний!

— А, черт!

Галин торопливо завращал игольчатый натекагель. Сквозь пластолиновые стенки скафандра пробился рев, с которым венерианская атмосфера ворвалась в переходную камеру. Люк отошел, открывая небольшое помещение, по-домашнему освещенное белыми плафонами.

Помогая друг другу, забрались в переходник. Пока Галин задраивал люк и откачивал из камеры газ, Ломов стоял, привалившись к переборке. По лицу, по спине струйками сбегал пот. Ломов задыхался:

— Не могу...

— Старичок, потерпи. Надо охладить скафандры.

«Все, — подумал Ломов. — Сейчас увижу Галилея». Он чувствовал, что плывет в зеленых волнах, и те его покачивают, поглаживают, убаюкивают. Это было не страшно, это было сладостно, как в детстве...

— Разрядник! — рявкнул Гал. — Включи разрядник!

Назойливый голос мешал покачиваться и плыть. Чтобы избавиться от него, Ломов ткнул пальцем в кнопку. И опять блаженная ухмылка поползла по лицу...

В лицо ударил холодный воздух. Пот высох, тело взяло ознобом. Сладостное покачивание прошло, напрасно Ломов пытался удержать его. Зато пришло другое ощущение, будто он лежит на колючем песке и безудержно пьет шипучую ледяную воду, которая хлещет в рот, мимо рта, на шею, на грудь... Он окончательно пришел в себя. «Блуза» была поднята, яркий свет плафонов резал глаза. Гал откручивал болты входного люка. Обернулся.

— Жив, Микель? — Нос его был заострен, глаза запали.

Ломов, кряхтя, выбрался из «колготок». Шатнуло. Чтобы не упасть, опустился на корточки.

— Полезай, — сказал Галин, оттягивая массивную крышку.

Ломов на карачках подполз к люку, со стоном перевалил через высокое ребро. В рубке хотел подняться, но не хватило сил. Повалился на бок, сразу уснул...

Его разбудил зудящий звук электробритвы. Ломов открыл глаза и перевернулся на спину, раскинув руки. Блаженно зевнул.

— Доброе утро, — приветствовал Гал.

Планетолог успел переодеться в голубой комбинезон и вышагивал по рубке, насколько хватало шнура. Бритва ездил по широкому лицу, словно хлебоуборочный комбайн. Галин корчил рожи, вертел головой. Весело было глядеть на него.

— Связь? — спросил Ломов.

— Связи нет. Киан тоже отмалчивается.

— Сейчас я его разговариваю. Научу уважать людей.

— Сперва приведи себя в порядок. Стыдно смотреть — зарос, неумыт, валяется на полу. Не космонавт, а бродяга.

Пока Ломов занимался туалетом, Галин на скорую руку собрал поесть. Давненько они не сидели за столом...

— Однако, — пробормотал Ломов. — Никогда не думал, что можно так проголодаться.

— Еще парочка переходов, и ты вырастешь из штанишек юнги.

Ломов хотел состричь, но слова и кусок лепешки застряли в горле. Рубку наполнил вибрирующий голос:

— Ломов! Ты слышишь, Ломов?

Бионетик торопливо сглотнул. Зачем-то придал лицу приторно-сладкое выражение.

— Слышу, Кианушка, слышу. Как ты...

— Заявление. Необходимо обменяться информацией. Ломов посмотрел на Гала, пожал плечами.

— Согласен.

— Предложение. Исследуй содержимое контейнера шесть.

Галин прошел к блоку контейнеров, извлек шестой ящик, в котором обычно лежала микропленка. Ломов поспешно сдвинул остатки еды.

— Тяжеловат что-то, — шепнул Галин. — Это не кассеты.

Контейнер сверху прикрывала пористая прокладка. Из-под нее в глаза полыхнуло серебристое сияние, переливчатое, как солнечные лучи на снегу. Красные, оранжевые, желтые тончайшие лучики кололи глаза почти до болевого ощущения. Покалывание распространялось даже на переносицу и лоб.

— Вах! — сказал по-татарски Галин. — Бриллианты.

— Брось... Откуда?

Гал погрузил ладони в контейнер, и они наполнились вспышками света. Словно камни беззвучно вскрикивали. На общем серебристом фоне отчетливо выделялись удлиненные желтоватые кристаллы, покрытые странными письменами; усеченные многогранные пирамидки голубоватого цвета; синие овалы, ограненные мелкими треугольными facetsами; ярко-зеленые камни каплевидной формы; янтарно-желтые квадраты. Лучи света, исходящие из кристаллов, сплетались в прозрачную невесомую ткань, которая струилась и трепетала. Размеры некоторых камней достигали пяти-шести сантиметров.

Ломов тарашил глаза, Галин осторожно брал кристаллы, разглядывал со всех сторон, возвращал на место.

— Не просто бриллианты, — сказал он наконец. — Исторические алмазы. Вот эти два с арабскими письменами называются «Шах». Дико держать в руках сразу два «Шаха»... А вот еще один! Хм... А это, пожалуй,

«Звезда Африки». Она получена при огранке «Куллинина», самого крупного алмаза. Смотри-ка, даже «Регент» есть. Раз, два... шесть «Регентов». Его нашли в Южной Индии, огранили в Амстердаме. Он украшал корону какого-то из Людовиков. Наполеон закладывал его ростовщикам, чтобы обеспечить военные походы... А вот этот — один из самых древних. Украден мародером с трупа Карла Смелого, через сотни лет попал к Демидову. Входил в регалии английских и французских корон, оценен в миллион франков. Пропадал и появлялся в самых неожиданных местах. Называется «Санси»...

— Ясно, — оборвал Ломов. — Никакие это не исторические камни. Обыкновенный углерод из венерианской атмосферы, продукт жизнедеятельности Киана.

— Не скромничай. Самые настоящие бриллианты — уж ты поверь. В молодости я специально занимался историческими алмазами. — Галин не мог оторваться от драгоценной груды. — Я начинаю уважать бионетику. Это фирма! Мало того что Киан выдал на-гора алмазы, он еще сотворил уникальные бриллианты. Полагаю, они не отличаются от оригиналов. Может быть, даже на атомарном уровне. Цвет, структура поверхности, надписи на «Шахе»... Поистине фирма веники не вяжет!

— Ты серьезно?

— То есть серьезнее некуда!.. Как же Киан смог? Впрочем, понятно — температура и давление на Венере соответствуют нижним пределам перехода графита в алмаз. А расплавленный свинец использован в качестве растворителя. Очень остроумно! Конечно, есть какие-то тонкости. Какие-то ваши бионетические штучки... Надо спросить Киана, как он вырастил уникальные копии.

— Ну смотри. — Ломов откинулся и сказал в пространство: — Киан! Информация принята и усвоена.

— Предложение, — завибрировал голос. — Дай оценку.

— Просто великолепно! — воскликнул Галин. — Ты сделал то, чего люди добиваются сотни лет!

— Ломов, не слышу тебя, не слышу, не слышу...

— Информация оценена положительно.

Послышались быстрые хлопки, будто из десятка бутылок последовательно вылетели пробки.

— Предложение. Ты берешь полированные кристаллы. Ты меня не рубишь.

— Не понял. — Ломов нервно усмехнулся. — Почему ты решил, что тебя срубят? Это чепуха!

— Ты человек, я береза. Человек сажает березу. Человек рубит березу. Информация достоверна.

— Какой дурак наболтал?

— Информация во мне. Была всегда. Заблокирована.

— Генная память! — вспомнил наконец Ломов. — Гал, это плохо. Мы не договоримся.

Галин пожал плечами. Бионетик задумался, потирая продолговатую голову. Решительно хлопнул по колену.

— Надо начистоту, без всякой политики... Киан, прошу рассказать все, что тебе приснилось. Если можешь, конечно.

— Даю дополнительную информацию, — пророкотал Киан.

...Лето выдалось жаркое, засушливое, и Береза целыми днями дремала. Чтобы увлажнить листья, хватало утренней росы, а мощные разветвленные корни уходили глубоко в торфянистую почву, собирая толику воды. Солнце — вот без чего она не жилица. Солнце кружило вокруг, ненадолго прячась за дальний лес, согревало каждый листок. Она тянулась к Солнцу, словно к жениху, и надеялась через несколько лет обвить рыжую голову зелеными ветвями.

Ни морозов, ни засухи Береза не боялась. Но помнила страшное лето, когда беспричинно разгневанный жених убил родники, выжелтил траву, иссушил торф. Сизый удушливый дым затянул окрестные леса. Подземными ходами пламя добралось до соседней рощицы

и скосило ее. Береза видела, как кренились и проваливались деревья, как злые огоньки избегали по согнутым в поклоне стволам. Солнце сожгло бы и ее, но она умолила, убедила в своей невинности. Пошли дожди, пожары погасли...

С той поры минуло несколько лет. Леса залечили раны свежей зеленью, на месте сгоревшей рощицы поселится молодая поросль. Глубоко под годовые кольца упрятала Береза тонкое колечко страшного лета. И снова потянулась к Солнцу.

Весной приходили люди за целебными почками и березовицей, прозрачным пахучим соком; летом и осенью — за подберезовиками. В густой кроне свила гнездо березовка, а под корнями обитала малая серая ящерка-берестовка. Зимой Береза крепко спала и не чуяла, как припрыгивал длинноухий заяц поглотить вкусной коры или с криком и смехом катили лыжники.

Нынешней весной она опушилась раньше ольхи. В ожидании сухого лета Береза задумала вырастить берестовик. От грибников слыхала, что березовый гриб, или чага, — верное средство от плохой болезни. Она думала, что может спасти чью-то жизнь, что кто-то будет улыбаться синему ветру и зеленым запахам.

Потом случилась неприятность, о которой даже думать неловко. Под нижней коленкой завелся жук-древесинник. Омерзительно черно-бурый, с раздутой головой, он терзал белое тело, прогрызая длинные прямоугольные ходы. Муравьи не могли справиться с ним, и Береза попросила березовку слетать за лекарем. Дятел обещал быть, но все задерживался в дальнем лесу, где многие деревья тоже болели.

Береза в ожидании дремала...

Ее разбудили острые резкие удары пониже первого разветвления. «Слава богу, прилетел, — подумала Береза, медленно просыпаясь. — Только чего колотиться без толку? Зараза совсем в другом месте...» Она зашумела под ветром и наклонилась. Дятла не было. Под

ней стоял голый по пояс загорелый мужик. В здоровенной руке он держал топорик, каким рубят мясо. Мужик зверски скалил зубы и неловко лупил по стволу, каждый раз попадая в другое место. Во все стороны брызгала мелкая щепа.

— Ты что?! — ужаснулась Береза.

Мужик прихлопнул комара, который жег жалом щеку, почесал стриженую голову. Ему было жарко — спина лоснилась от пота, мутные струйки, огибая брови, ползли по широким скулам. Достав из заднего кармана джинсов сигареты, закурил.

Только теперь Береза увидела, что ее рощицы нет. Все соседки — ивы и молодые березки — мертво лежали на земле. Вокруг торчали голые стволы-обрубки, страшно иссеченные на уровне груди мужика. Трава была усыпана ярко-белой щепой, словно кровью забрызгана.

— Помогите! — закричала Береза. — Муравьи, комарики, кусайте его! Ящерка-берестовка, беги за старой гадюкой. Птаха-березовка, зови ворон. Всех зовите — убийца в лесу!

Мужик не слышал. Отбросив сигарету, косыми топорливыми ударами врубился в податливый ствол. Морщась от боли в ладони, переключивал топорик в другую руку и снова озлобленно рубил. Вздрагивали от ударов ветви, сыпались щепки. Мужик забежал с подветренной стороны, подпрыгнул и повис на ветках. Послышался треск, будто кости ломались. Береза крепилась все быстрее и вдруг рухнула, взметнув торфяную пыль.

Мужик облегченно вздохнул, засунул топорик за ремень. Стер с лица горький пот, впрягся в ствол Березы и поволок к дороге, где рубили ветки и вязали большие веники другие мужики и бабы...

— Да-а-а, — сказал Галин. — Картинка, что и говорить, жутковатая.

— Так это когда было!

— Как видишь, память осталась. Ты же выступал за сохранение генетического фонда. С Багротом чуть не подрался... Или понятие генофонда на деревья не распространяется?

— Ерунду говоришь! Фауна и флора находятся под защитой. Никто не имеет права срубить дерево или погубить пичужку. Да это и в голову не придет. Вся Земля — заповедник!

— Не впадай в идеализм. И теперь находятся индивиды, которые рассуждают примерно так: «Проблема охраны природы? Хм... Есть такая проблема. Никто не говорит, что проблемы нет. Только у природы свои проблемы, а у нас свои».

— За подобные рассуждения человечество уже поплатилось. Пустыни, загрязненные реки и озера, отравленный воздух... На своей шкуре испытали. Дураков больше нет!

— Вот как? — язвительно спросил Галин. — А ты?

— Не понял...

— Ты Киана для чего породил? Сюда зачем прилетел?

— Венеру готовим для заселения. Что в этом плохого?

— А у «ос» спросил? Они же без углекислого газа погибнут в планетарном масштабе!

— Елки-палки! — Ломов выпучил глаза. — На самом деле... Но я же не знал...

— Теперь знаешь!

— Да-а-а... Венеру надо объявлять заповедником. Зря мы сюда летели.

— Почему зря? Генная память и алмазы — результат более чем утешительный. Работай и работай.

Ломов тупо молчал.

— Кстати, статус Киана надо пересматривать. Теперь он не разведчик, а полноправный житель Венеры. Высокая договаривающаяся сторона! Если, конечно, ты согласишься...

Ломов покопался в банках с соками. Чертыхнулся. Прошел к блоку контейнеров, достал канистру с водой. Выпил подряд два стакана. Галин рассеянно крошил лепешку. Вскользь заметил:

— Имей в виду, я на стороне Киана.

— Ладно, попробую, — решил Ломов. — Киан, дополнительная информация усвоена.

— Слушаю.

— Ты никогда не будешь срублен или уничтожен каким-либо другим способом. Живи, пока хочешь. За выращенные кристаллы можешь требовать любой товар.

— Я автономен. Хочу размножаться.

Брови Ломова поползли вверх и едва не коснулись отросшей на голове щетины. Он с трудом взял себя в руки.

— Ты способен производить себе подобных?

— Я способен.

— Так на здоровье! Живи и размножайся, никто не мешает.

— Гарантии.

К этому требованию Ломов был готов. Уверенно сказал:

— Понятия отца и сына тебе известны. Отец кровно заинтересован в благополучии сына. Ты мой сын. Я не могу убить тебя.

Опять словно пробки из бутылок захлопали.

— Информация ложная.

— Киан, опомнись! Человек не может лгать!

— Имею противоположную информацию. Тарас Бульба убил своего сына Андрия.

Галин зашелся мелким смехом, показал большой палец. Сердито глянув на него, Ломов возразил:

— Киан, это было давно. В эпоху, когда неразумные люди рубили деревья. И потом это же художественная литература!

— Вопрос. Художественная литература дает ложную информацию?

— Нет, но... — Ломов застыл, осененный внезапной идеей. Глаза его засверкали. — Киан, прошу принять и усвоить единственно достоверную информацию:

Я б монумент воздвиг
тем, кто в душе сберег
осенний звон осин
и золото берез,
кто вырастил сады великой красоты,
кто рассадил тенистые сады,
кто бирюзу бездонной выси
и чистоту озер хранит.
Их имена на мраморе бы высек
и врезал бы в гранит!

Надо отдать должное, Ломов читал прекрасно. Голос звенел от волнения, взмахи руки словно высекали рифмы. Он знал, что Киан не воспринимает эмоции, но по-иному читать не мог.

Пусть всякий выручит птенца,
на землю сброшенного ветром,
пускай рассадит деревца,
чтобы на каждой ветке
в сладкой муке
схваток
рождались листья.
Пусть ручьи смеются.
Пусть наши чувства, наши мысли
с Природою не расстаются!.. *

Ломов умолк. Галин смотрел на друга во все глаза. Восхищенно развел руками: ну ты, дед, даешь! Секунду спустя Киан прогрохотал:

— Корабль «Венера» входит в зону радиовидимости. Все бортовые системы включены.

---

* Стихи Р. Ахмеджанова. Перевел с татарского С. Ахметов.

ОБ АВТОРЕ

Спартак Фатыхович Ахметов родился в Алма-Атинской области в 1938 году. Окончил геологоразведочный факультет Казахского политехнического института, кандидат геолого-минералогических наук. Специализируется в области выращивания и исследования кристаллов, автор свыше ста научных статей и изобретений.

Творческий путь в литературе Спартак Ахметов начал как поэт-переводчик. Его переводы из Мусы Джалиля печатались в журналах «Памир», «Советский воин», «Кругозор», «Наш современник». В 1977 году в журнале «Сибирь» опубликован первый фантастический рассказ «Малек и Корсар» (в соавторстве с А. Янтером). Затем появились рассказы в альманахах «На суше и на море», «Истоки». Повесть «Алмаз «Шах» печаталась в сборнике «Фантастика-80».

В первую книгу Спартака Ахметова вошли лучшие научно-фантастические произведения.

С. Ф. Ахметов живет и работает в городе Александрове Владимирской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Кристаллы воображения (Вместо предисловия)	5
Соискатели	9
Интернат «Баргузин»	50
Огненный клубок	60
Гипотеза о происхождении алмазов	85
Алмаз «Шах»	89
День Венеры	147
Об авторе	238

Ахметов С. Ф.

А 95 Алмаз «Шах»: Научно-фантастические повести и рассказы /Предисл. А. Казанцева. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 239 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

80 коп. 100 000 экз.

Первая книга научно-фантастических произведений молодого писателя, кандидата геолого-минералогических наук.

А $\frac{4700000000-090}{078(02)-82}$ 087—82

**ББК 84Р7
Р2**

ИБ № 3150

Спартак Фатыхович Ахметов
АЛМАЗ «ШАХ»

Редактор **В. Фалеев**
Художник **В. Смирнов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **Г. Василёва, Е. Сахарова**

Сдано в набор 01.12.81. Подписано в печать 22.02.82. А06451.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,5. Учетно-изд. л. 10,9. Тираж 100 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 1984.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

80 коп.

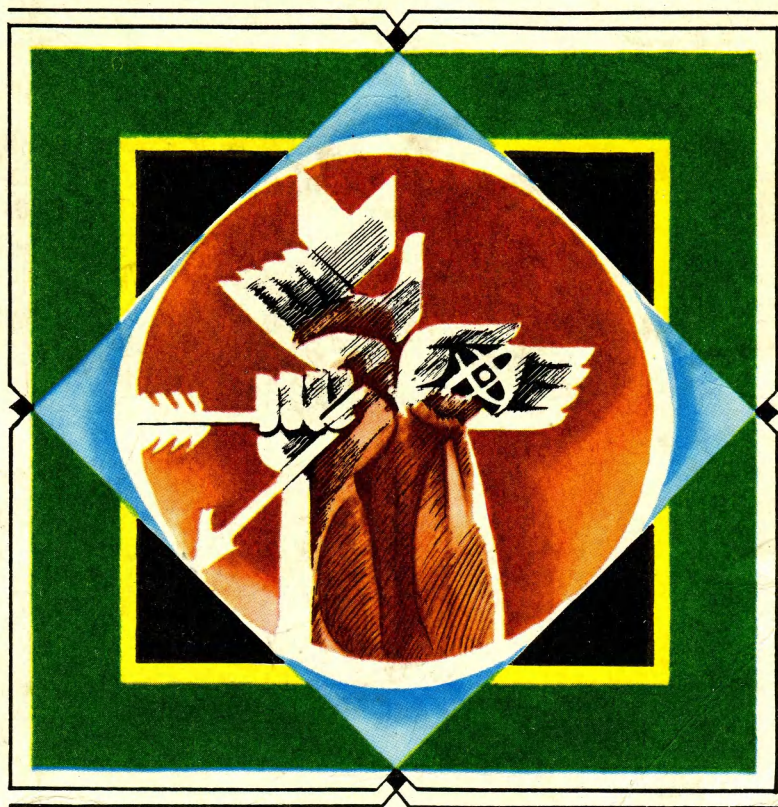
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

СПАРТАК АХМЕТОВ

АЛМАЗ „ШАХ“

СПАРТАК АХМЕТОВ АЛМАЗ „ШАХ“

